Алла Борисова-Линецкая
Дневник горожанки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Алла Борисова — известный питерский журналист и литератор. Она сотрудничала в ведущих газетах, журналах и сайтах. Ее материалы привлекали внимание искренностью и бескомпромиссной остротой.

Создавая свои очерки, колонки и интервью она одновременно сооружала интереснейшую книгу, которую достойно завершила в Израиле. Мастерство беллетриста позволило ей превратить каждый очерк в увлекательное произведение, как правило, снабженное новеллой.

В книге использованы статьи, опубликованные в газетах «Известия», «Невское Время», «Вечерний Петербург», в журналах «Активист», «Business Woman» и на сайте «Эхо Москвы».

Использованы фотографии Павла Маркина, Владимира Григорьева, Галины Зерниной, Сони Кабаковой, Юрия Борисова, Аллы Борисовой.

Издание осуществлено при поддержке Министерства абсорбции Государства Израиль.

- Алла Борисова-Линецкая
  - От автора
  - Осколки
  - Невский проспект
  - Литейный проспект
  - Мойка, 12
  - Летний Сад
  - Фонтанка
  - Биржа на Стрелке
  - Свидания на улице Восстания
  - Московский вокзал и скоростной поезд
  - Урбанистическое лето
  - О зеленоглазом такси
  - Нева или Бермудский треугольник?
  - Чечня. С войной покончили ли счеты?
  - Не каждый умирает в одиночку
  - Как достать до неба?
  - В день, когда Америка стала частью мира
  - О национальном оптимизме
  - Люблю Дворцовую. Но странною любовью…
  - Буржуазные дети советских родителей
  - Дефилируй!
  - И не друг, и не враг, а френд

- Провинция у моря
- Все — в сад!
- Алкогольный дворик
- Закат дачного Петербурга
- Война за право жить
- Трудности перевода
- Беда России — мастера и отремонтированные ими квартиры
- Поезд изогнулся и сверкнул чешуей…
- Глухая пора листопада
- Зимняя сказка по-питерски
- Улица моей мечты
- Фотография на память
- Но память покрыта такими большими снегами
- Жизнь — черно-белая и цветная
- Интервью
- Евгений Клячкин: «Я прощаюсь со страной, где…»
- Борис Стругацкий Пикник на границе века
- О Фарухе Рузиматове и силе гармонии
- Каждому бражнику — по Калашникову
-
-
-
- Принцесса-клоунесса Наталия Фиссон думает о Шекспире…
- Яков Гордин: «Бродский существовал вне правил»
- Макс Фрай: «То, что человек взрослеет — это миф»
- Илья Стогoff хотел написать богословский трактат… А что получилось?
-
-
-
-
- Андрон Кончаловский: «Когда брат отказывается от работы, я — соглашаюсь…»
-
-
-
-
- Сергей Хрущев: «Мой отец хотел потрогать Рокфеллера»
-
-
- Сергей Хрущев: «Что бы Израилю ни говорили, он

будет действовать по-своему»
-
-
-
- На границе Сдерота все неспокойно
- В шесть часов вечера после войны…
- Весеннее обострение
- Об авторе
- О книге Аллы Борисовой «Дневник горожанки»

Алла Борисова-Линецкая
Дневник горожанки

От автора

«Каждый пишет, что он слышит». Я работала в газетах и журналах и слушала этот мир. Возможно, глядя из сегодня на то вчера, когда были написаны эти строчки, многое покажется вам наивным. А может быть станет хоть немного яснее, где все мы оказались сейчас, и почему историческое колесо медленно и со скрипом покатилось по какому-то новому бездорожью. Тогда я не писала о политике — я писала о людях и любимом городе. Но что-то в этих заметках отразилось, и может быть день сегодняшний станет чуть более понятен. Не знаю.

Фото Владимира Григорьева

…Израиль плавится в хамсине. Это — когда ветер из пустыни, когда кажется, что дышать нечем, а влага стекает с тела струйками. Ватики (умудренные опытом старожилы) внимания на такие мелочи не обращают. А я вспоминаю Питер в жару Ощущения схожие, но есть одно «но». В Петербурге можно

понадеяться на скорый дождь. Здесь надежды никакой нет, и на мой вопрос, когда, наконец, что-то польется с небес, мне отвечают задумчиво: «В ноябре…»

В этот раз Иерусалим праздновал свой День (день, когда в 1967 году в ходе Шестидневной войны город стал единым) вслед за Петербургом, который отмечал свой праздник накануне. Иерусалим пел песню «Ерушалаим шель захав»…(«Золотой Иерусалим»). Молился. Веселился. Гулял по бульвару Бен-Иегуда. Но не обошлось без камней, которые полетели в окна пассажирского автобуса. Хотя еще не интифада. Но все же.

Случай свел меня с 90-летним бригадным генералом армии обороны Израиля. Он был великолепен и просил называть его Толькой — такое имя дали ему литовские партизаны в 42-м… В леса к партизанам он тогда сбежал из гетто, где погибла вся семья. Он рассказывал, как в один июньский жаркий день вместе с парашютистами вошел в Иерусалим. И что почувствовал, очутившись впервые у Стены плача. И как главный раввин армии читал молитву…

Мы пили кофе, а напоследок спели дуэтом «Вьется в тесной печурке огонь». Он пел лучше. Знал все слова.

В общем, это какой-то очень неформальный праздник в Израиле, очень личный.

Впрочем, Израиль вообще страна неформальная. Иногда до полного неприятия со стороны чопорного петербуржца. Здесь, например, любят ходить в шлепанцах, потому что так удобнее. Невеста в белом платье и резиновых шлепках никого не удивляет. Кроме меня и моей подруги, приехавшей в Израиль из Милана.

На мой вопрос, идет ли автобус до моего города, водитель задумчиво роняет: «Может быть…» И добавляет: «Для тебя — все, что угодно!»

Дети орут в автобусах и кладут ноги в шлепках на сиденья. А на соседнем сиденье притулился солдатик с автоматом. Возвращается в часть после шабата. Вдруг движение замирает. Автобус стоит намертво, все болтают по телефонам, грызут яблоки, обсуждают визит Папы и бар-мицву некоего Даника. В чем дело? Оказывается, впереди дама за рулем авто выясняет отношения с мужчиной на тротуаре. Все весело ждут, когда они успокоятся, и можно будет ехать дальше. Кажется, никто никуда не спешит.

— А что тебя удивляет? Здесь же все свои… — поясняют старожилы. Свои — Арики, Шмулики, Даники.

Никто никуда не приходит вовремя. Моя питерская пунктуальность наталкивается на их левантийскую безмятежность.

— Совланут! — говорят они и улыбаются, когда ты ходишь по потолку. Спокойствие! Только спокойствие! И все будет беседер, то есть в полном порядке.

Политические страсти вскипают время от времени, как без них… Мой немолодой дядя, живущий в Ашкелоне, каждое утро идет купаться с собакой в море. И рассказывая мне об очередном дне, начинает неспешно: «Знаешь анекдот?

— Мужики, а какой сегодня день?

— Понедельник.

— Ничего себе неделя начинается!»

Потому что иногда — в понедельник или во вторник — из воды они с собакой выходят под вой противоракетной сирены. «Бежим к бетонной будке и присаживаемся с ее северной стороны, закрыв голову руками — у кого есть руки, а не лапы». Это — инструкция службы тыла. А над ними в чистом синем небе разворачивается интрига. Топливные выхлопы позволяют отслеживать траектории ракет, летящих на города и ракет системы «Железный купол», которые их сбивают. Такое вот кино в воздухе. Я волнуюсь, он абсолютно спокоен. Привык.

Или вот посадили бывшего премьер-министра. Опять же за дело, за коррупцию. Но единого мнения по этому поводу, конечно, нет.

— Это ж, сколько их уже за решеткой? — негодуют представители алии 90-х (они всех учат, все знают, судят обо всем уверенно) в приемной у врача, ожидая очереди. — Из них же можно уже составить целое правительство! Тюремное!

А собеседник говорит, что гордится. Вот такая у нас демократия. Вор должен сидеть в тюрьме. Даже если он премьер-министр. Или, скажем, президент. Точка.

Израильская демократия мне лично нравится, хотя что-то иногда раздражает — когда, например, попадаю в африканский район Южного Тель-Авива. Представьте себе, что в Петербурге нелегальные мигранты заселились в районе Васильевского острова, открыли свои магазины, кафе, парикмахерские, раскинулись на отдых в скверике и с недоумением смотрят на редких коренных горожан. Вот эту картину можно наблюдать в Южном Тель-Авиве. Здесь живут в квартирках по 10 человек в каждой люди без статуса из близлежащих, не самых благополучных стран Африки. Израиль — единственная демократическая страна, до которой они могут дойти пешком. И сделать никто ничего не может. Потому что демократия, имеют право жить, где хотят. Им предлагают деньги, чтобы они уехали домой. Но они домой не спешат. Зачем?

— Эй, папарацци! — на меня угрожающе надвигается

компания подростков из Эритреи. Или Судана. Понять сложно. Ретируюсь, петляя в трущобах.

…Хамсин. Горячий, расплавленный ветер пустыни. Не хочется думать. Хочется пить чай с мятой в ближайшей забегаловке. И вспоминать прохладный Петербург.

Осколки

Фото Павла Маркина

Я читала лекцию на факультете журналистики Иллинойского Университета. Большой такой университет, недалеко от города Чикаго. Так вот, я должна была рассказать о газетах и журналах города Санкт-Петербурга.

Я начала говорить, но меня перебили.

— Извините, — сказал немолодой профессор, пригласивший меня в свой класс. — Сначала покажите им, пожалуйста, на карте, где находится Петербург. И, кстати, где Россия. Не все знают…

Фото Галины Зерниной

Невский проспект

«Эта сторона улицы наиболее опасна…». «Почему она опасна?», думаю я, девочка шести лет, бледный питерский ребенок, задрав голову, читая по слогам. Красивая такая улица, называется «Невский проспект»…

И еще было такое странное слово «бомбоубежище». Это значит — куда-то надо было бежать, спасаться, держа подмышкой любимую кошку. От чего спасаться, морщит лоб девочка. Ничего не понимаю. Спрошу у мамы.

Для мамы Невский проспект в 41-м — это близорукий, сутулый профессор математики — папа, уходящий в ополчение. Навсегда. Это поезд со школьниками — теперь уже интернатскими детьми, двигающийся под бомбежками на север. Не надолго, думают взрослые… Месяца на два. Скоро вернемся в Ленинград. Шубы брать не будем.

Моя бабушка — воспитательница. Едет в теплушке с больными дизентерией, завшивленными детьми. Все знают, что она очень честная — эта ленинградка в первом поколении. Поэтому ей с тремя детьми приказывают по приезде на место жить в кладовке, где хранится хлеб на весь интернат. Оголодавшие в дороге худые ленинградские дети сидят на буханках хлеба — и ни кусочка, ни корочки не могут отщипнуть от этого богатства. Воспитательница строго следит за ними. И они справляются. А в интернате свирепствует дизентерия. Это — война.

…А в 90-м году мой друг из Германии, студент-медик Гец привел меня в гости к своей маме и достал семейный альбом. Пара страниц… и я вижу его, Геца. Нет, это не он, а его дедушка. В нацистской форме, при полном параде.

— Да, он погиб у вас, под Ленинградом, — смущается мама Геца и быстро перелистывает страницу. Я тактично молчу. Глотаю фразу о том, что там же погиб мой дед-профессор математики. А моя мама с братом и сестрой ехали в это время в дизентерийной теплушке все дальше на север. Там их ждала голодная эвакуация. Баталии и братание с местными жителями. Щуплый мальчик (мой дядя) дерется с одноклассниками, обозвавшими его «жидом». «Не выдал Сталин Гитлеру евреев, от этого и началась война». Болезни. Похоронки. Бабушка, воспитанная в богатом купеческом доме, жена профессора, привыкшая вести дом с помощью верной домработницы, учится колоть дрова, разводить огород, копаясь в навозе. Этот небольшой, но старательно выращенный огород и помог интернатским детям выжить в

далеком уральском поселке Огнево. Они смогли вернуться домой, это главное. И даже комнату в коммуналке на Литейном у моей бабушки не отобрали. Вот счастье-то.

«Да разве могут дети Юга…» писал Илья Эренбург, да разве могут они понять «что значит думать о весне…»

«Что значит в мартовские вьюги, когда отчаянье берет, все ждать и ждать, как неуклюже зашевелится донный лед».

…Гец и его мама все время пытались меня накормить и все слали мне посылки с немецким шоколадом и трогательные письма.

Фото Павла Маркина

Фото Галины Зерниной

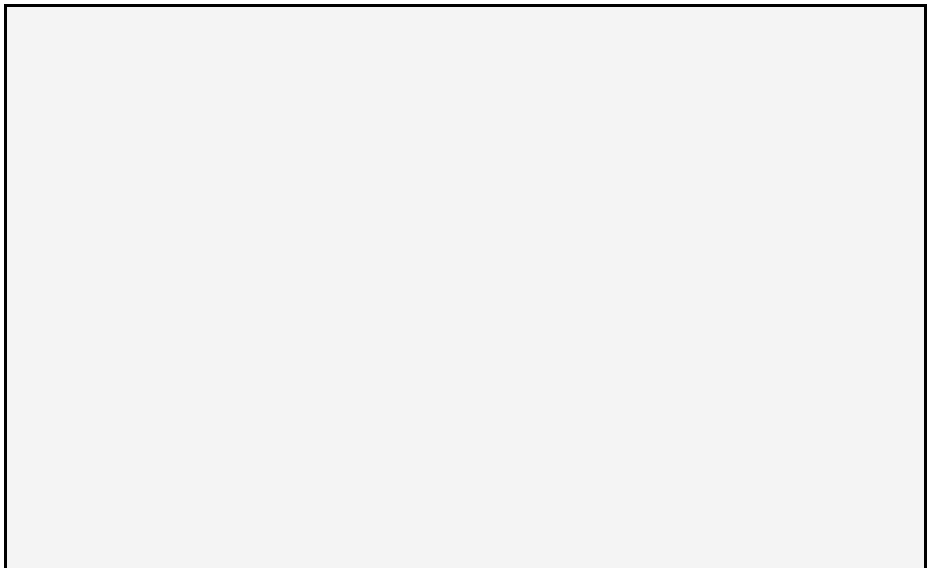
Литейный проспект

Утром я просыпалась в нашей огромной коммуналке на Литейном от шума моторов — окна нашей комнаты в бельэтаже выходили на правительственный гараж в Басковом переулке. Перед праздниками по стенам гаража ползали рабочие, устанавливая многометровые портреты руководителей страны. Сейчас я думаю: интересно, что определили в моей жизни эти огромные черно-белые полотнища? Кажется, детская психика выдержала. Да, я смотрела на лица, лишенные человеческого выражения, но они были для меня лишь привычным декором праздника. Портреты обрамлялись веселенькими лампочками, блики света бежали по занавескам, в комнате вкусно пахло салатом-оливье и праздничными бабушкиными пирожками.

Забавно, что думал по этому поводу нынешний российский президент, прогуливавшийся в те времена по тем же переулкам…

А еще был детский садик в старинном дворянском особняке на улице Петра Лаврова. Однажды туда приехал Фидель Кастро. Знакомился с советскими детьми. Ничего не помню, кроме черной бороды. «Что нам Гекуба…» А вот подружку, которая не захотела встать со мной в пару на прогулке в Таврическом саду, помню отчетливо. Первое предательство как первая любовь вошло в плоть и кровь.

Но Таврический сад, к счастью, сохранил для меня все свое очарование. Сюда мы ходим с сыном фотографировать осень. Такая у нас традиция.



Мойка, 12

В музее на Мойке 12 я работала экскурсоводом в начале своей карьеры. Кода стало ясно, что у школьной учительницы литературы личной жизни не будет никогда, и ее заменят посиделки с родителями, учениками и директором школы по имени Клавдиан Петрович, — я спешно ретировалась, вспомнив свой студенческий летний опыт.

Пушкинские музеи приняли меня под свою сень. Я легко вздохнула, освоила экспозиции, освежила в памяти несколько стихотворений и много цитат.

Это было чудесное время… Мы бегали на экскурсии, а в перерывах гоняли чаи в сыром подвале, погибающим от плесени. Стены Дома на Мойке разъедал грибок. Экспозицию меняли каждые полгода, закрывали одни комнаты и открывали другие, обставляя их все с большей фантазией, и мы периодически теряли дорогу домой в родной подвал. Травили анекдоты — не те, которые гуляли по стране, а наши, местные. Их сочиняли посетители музея. В книге отзывов они писали: «Спасибо экскурсоводу, который поделился с нами своими скромными знаниями…» Экскурсанты — «ходоки» ходили по дому со свечами и молились, как в церкви. Летом, в жару я упала в обморок в кабинете Александра Сергеевича на руки подоспевшей смотрительнице.

Каждый год, в день рождения Пушкина, экскурсоводы Всесоюзного музея поднимали циничный тост: «За кормильца…»

Да, черт догадал его родиться в России с умом и талантом. И не только его одного.

Фото Павла Маркина

Летний Сад

Одним из моих друзей того времени был племянник известного искусствоведа… Он жил в огромной коммуналке на Литейном, а свидания наши проходили исключительно в Летнем Саду. Летний Сад всегда поражал меня невозможностью спрятаться, укрыться от любопытных глаз, своей прозрачностью, несмотря на многолетние дубы и вечно темную густую листву.

Однажды Володя, гуляя со мной по аллее, которая даже осенью сохраняет темно-зеленый сумрак, стал туманно рассказывать о разговоре со своей мамой. «Я сказал ей, что собираюсь жениться».

— А ты собираешься? На ком? — спросила я, не ожидая абсолютно никакого подвоха. Наши встречи носили совершенно платонический и дружеский характер.

— На тебе, конечно, — ответил Володя, и мне пришлось объяснять мужчине, почему его картина мира не совпадает с моей. Он очень удивился, как удивился когда-то другой мой приятель, попавший в первый раз на мою кухню (это была наша вторая встреча) и заявивший оторопевшей маме: «А вот здесь мы повесим полки и купим шкафчик».

Я решила тогда, что это просто Летний Сад навеял романтические чувства, но он видел и не такое, а Володя поймет и остынет. Но…нашей дружбе пришел конец, и Володя исчез в пустынях Израиля, далеко от Летнего Сада и его тенистых аллей. И, как выяснилось, там он вполне счастлив.

Фонтанка

О Фонтанке, 59 еще напишут в анналах. В моей жизни это жутковатое здание в стиле советского фундаментализма, в котором когда-то бурлила жизнь всех городских газет, стало магнитом, притягивающим меня многие годы. Здесь мы, юные, дерзкие и глупые журналисты «Смены» воевали с комсомолом, не зная, что за все надо платить. В том числе и за свободу. От комсомола, от государства, от привычной кормушки. И мы заплатили газетой, которую надо же на что-то издавать…

«Ах, свобода, ах, свобода
У тебя своя природа,
У тебя такой капризный климат,
Ты наступишь, а тебя не примут…»

Бродский не видел свободный Петербург, но, как чувствовал. Добра не жди.

И та веселая талантливая «Смена» с ее грязными коридорами, ночными попойками, главным редактором в белом шарфе, но с помятым лицом, — осталась в Ленинграде. А Петербург обошелся без нее.

Здесь, этажом выше, я с тоской воевала с седыми аксакалами бывшей Ленправды, которые капризно пожелали впустить свежий ветер (в лице молодых журналистов), а потом испугались сквозняков.

И, наконец, третья ежедневка, где не было денег, но была любовь. Первый в моей жизни производственный роман начался в кабинете главного редактора все с тем же видом на серую Фонтанку. Когда-то в ней тонул человек на глазах у всех изумленных журналистов города Питера. Кажется, его спасли, но он был этому не рад. Питерская депрессия, внимательно изучаемая москвичами — это воздух, которым мы дышим с октября по май…И дело было как раз в межсезонье — грязная, серая, холодная весна…

Сначала ничего, так, взгляд в глаза человека напротив, за длинным столом для ежедневных планерок. Потом неожиданное решение отправиться в машине на природу. Выехать удалось лишь на Невский проспект, где и произошла авария — не сработали тормоза, и мы впилились в зад грузовика, к счастью, на маленькой скорости. Если бы инцидент произошел чуть дальше, за городом, а скорость была чуть больше…Не будем об этом.

Выброс адреналина сделал свое дело. И случился роман —

бурный и короткий, как весенний питерский ливень, когда город на полчаса делает вид, что он находится в субтропиках. Мы совершенно не подходили друг другу и расстались, так и не осознав, что же это такое было. Иногда я с ужасом читаю то, что он пишет в соцсетях, пытаясь понять, что же нас связывало… Адреналин и только.

Фото Павла Маркина

Биржа на Стрелке

На Стрелке Васильевского больше всего мне нравится гранитный спуск к Неве. Спуститься, посмотреть на упорных рыбаков, споткнуться об очередную свадьбу, вспомнить свою…

Что еще? Здание Биржи на Стрелке, знаменитый музей Военно-морского флота, куда столько раз мы приходили с сыном смотреть на «кораблики», — в конце 90-х имела бледный вид. Биржа терпела бедствие. На этот раз, кстати, главный виновник — Петр I, который, не подумав, поставил этот город на зыбучей почве, на которой строить ничего нельзя, или уж, если строить, то на высоких сваях.

Для того, чтобы влажность не проникала в здание, сваи в петровские времена просто обрабатывали свинцом, но драгоценный металл при советской власти экспроприировали, и Биржа тонула, как какой-нибудь сухогруз на Неве. То есть подвалы заливало водой, а на модель крейсера «Очаков» еще 8 лет назад рухнул кусок штукатурки. И погиб крейсер. В общем — запустение… И в этом уже не только Петр был виноват, но и более современные деятели руку приложили.

Мой сын, как все ленинградские мальчишки, любил «кораблики». А в музее работают высококлассные специалисты, которые из ценных пород дерева делают эти произведения искусства, путешествующие по Международным выставкам всего мира. При мне один такой мастер с «золотыми руками» как раз увольнялся. Не могу, говорит, больше жить на вашу зарплату. То есть он может быть и готов, а вот семья — не согласна.

— А ведь это он, — шепотом рассказывает научный сотрудник, встреченный мною в перегороженном (ремонт!) коридоре, — делал знаменитую модель, ее еще Горбачев Рейгану дарил…Так знаете, что ему заплатили? Ну, премию выписали в размере оклада. И все.

В общем, «Очакова» потомки уже не увидят. Того самого, из ценных пород дерева.

Фото Павла Маркина

Свидания на улице Восстания

Обожаю улицу Восстания. Она узкая, симпатичная, красиво заасфальтированная плиткой, и витрины на ней все время разные. Вот когда-то, по весне, меня привлек «Магазин знакомств». Хотите повеселиться? Зайдите, даже если вы счастливо женаты или наоборот замужем. Насладитесь. Вам навстречу выскочит очаровательная девушка в элегантном пиджаке и запоет: «Вы так хороши, да для вас, да мы…» А хмурый дядя неопределенной наружности тут же помашет перед носом пачкой анкет. Вы потянитесь к ним всей душой, а вам — по рукам… А платить кто будет? Пушкин? Я вот, например, наблюдала, как в Магазин зашел мужичок лет 50, весьма непрезентабельной наружности. Плащик такой грязноватого цвета, о ботиночках умолчу… Одинокий мужчина в Петербурге часто выглядит таким образом — климат у нас тяжелый, дороги — грязные, химчистки — дорогие… Опять же стимул нужен. Так вот, он не пожалел денег, заплатил за «посмотреть», долго вглядывался в фотографии, выбирал, вчитывался в скупые строки анкеты… И вот она, победительница — 25 лет, блондинка, студентка.

Хозяйка магазина посмотрела на мужичка с плохо скрытым раздражением.

— Ей нужен мужчина с иномаркой. Требования у нее такие. А у вас что?

— А я пока безработный… — жизнерадостно ответил клиент. — Вот решил жениться… Питерских мужчин отличает следующее — они убеждены, что нужны в любом виде и качестве. Их уверенности в себе позавидует любой европеец. Возможно наш мужчина — мутант. Его вывели на безрыбье.

Недавно видела объявление в газете: «Бомж познакомится с девушкой для совместного проведения досуга». Хотите дам телефончик? Даже место для встречи подскажу — Московский вокзал.

Московский вокзал и скоростной поезд

С жутким, грязным, бесприютным, как ночлежка, Московским вокзалом, украшенным у фасада стамеской, грубо разрывающей серое полотнище неба (а как красиво это делает Адмиралтейская Игла!) лично меня может примирить одно. Отсюда иногда отправляется в Москву скоростной поезд.

— А не взлетим? — спросила меня дама, обеспокоено поглядывая в окно на пока неподвижный перрон. Там в снежной пыли колготились бодрые женщины с такими баулами, что оставалось только потрясенно наблюдать за их активным продвижением к дверям вагона знаменитого скорого.

Начало нового тысячелетия два города со столичной и провинциальной судьбами (Москва и Петербург) отметили тем, что принялись интенсивно размывать границы. Потому что, если, сев на поезд в Питере, можно через 4 часа и 20 минут выйти в Москве — это вроде уже и не путешествие в другой город, а так вылазка в соседнюю деревню за грибами. Сел, прочитал пять глав детективного романа, подремал, и приехал.

Особенности этого путешествия можно описывать долго, вспоминая детали. Ну, например, моя соседка (та, что боялась взлететь) через пять минут уже ничего не боялась и делилась со мной наболевшим. Я узнала много интересного, упорно пытаясь смотреть в книгу и не реагируя на вопросы типа: «Кольца нет. Не замужем, что ли? А почему?» Действительно, почему?

Страсть жителей Петербурга к общению с малознакомыми людьми полностью разрушает миф о строгих, по-северному холодноватых горожанах в глазах иностранцев, которые в отличие от меня в таких ситуациях пугаются и неуверенно улыбаются. Но в данном случае у путешественника в скоростного есть преимущества: общаться предстоит недолго (а ведь бывало, в купе всю ночь тебя душат историями жизни, а наутро не желают помочь вытащить чемодан). Кроме того слегка укачивает, потряхивая на рельсовых стыках, и вскоре глаза сами собой начинают слипаться. Правда, мешают веселые бабцы с баулами. Они празднуют перерыв в челночной работе, слегка выпивая и закусывая. Громкий хохот не дает погрузиться в сон и счастливо проспать до прибытия. А баулы на полке угрожающе нависают над головой, и это нервирует. Однако неожиданно прибываем.

Мой сын, впервые прокатившись таким образом, выразил общее мнение. Он сказал, что поезд «прикольный». У них все

делится на «прикольное» и «неприкольное». Вот мы с вами — «неприкольные», чего там. А скоростной поезд Москва — Петербург — вполне.

…Я выхожу на Ленинградском вокзале, иду по неудобной скользкой платформе и привычно скучаю — уже скучаю по Петербургу. В Москве мы — вечные странники, зарабатывающие на хлеб насущный, дома — замираем на ходу, где-нибудь на стрелке Васильевского, пораженные мыслью: «Куда и, главное, зачем я бегу?»

Фото Павла Маркина

Урбанистическое лето

Наш город не приспособлен для лета. Впрочем, он и для зимы не приспособлен, а уж поздней осенью и ранней весной в нем вообще утонешь. Возможно, он не приспособлен к жизни, как таковой. Но сейчас лето. «Карикатура южных зим». Умные люди проводят его за городом и в далеких краях, где жара — сухая, а не влажная, а дожди — теплые и недолгие.

Асфальт может и не плавится под ногами, но от него веет жаром, как от духовки. Воздух над ним дрожит. Иду в 30-градусную жару пешком, в обход того участка Невского, который решили как раз в этот момент ремонтировать. И вот в жарком мареве раздается грохот, летит пыль, работает тяжелая техника и люди в касках. Туристы шарахаются в стороны, сворачивают в близлежащие улицы — у Русского музея я торможу и прошу два стаканчика мороженого — себе и подруге, которая ждет меня в своей квартирке неподалеку. Мороженое стремительно тает, пакета мне не дают с хамскими словами: «А вы мало купили, и вообще пакетов нет». Готова скупить всю тележку, но денег не хватит. Я же в центре, а здесь — некий негласный налог на все — от чашки чая до тарелки супа в кафе.

Лето в центре города. Полжизни за бутылку воды и скамейку в тени. Бутылка есть, а вот присесть можно только в кафе, заказав кофе за неприличные деньги. Прохожие идут мимо узкой вереницей — кафе оттяпали большую часть тротуара. И там все равно жарко и пыльно — вы пробовали сидеть прямо на Невском?

Москвичи завидуют, пишут «У нас вообще ад кромешный. У вас хоть воды много…» Воды много, но до нее еще надо дойти, доехать, доползти…

Лучше всего летом в парках. Летний сад, в котором тень исчезла вместе с аутентичностью парка, отпадает — там толпа японцев и прочих любопытствующих создают движение как по Невскому. Фотографируют пруд с лебедями — все, что осталось от старого сада, и фонтаны — местный новодел. Но есть еще Михайловский, Таврический… В Таврическом — благодать. Можно гулять, можно загорать, можно сидеть на холмике, где кафе стоит еще со времен моего детства, и так это здорово… Ведь детство и счастье — почти синонимы. Влюбленные парочки бредут по аллеям, дети рассекают на велосипедах, мамаши с колясками обмахиваются журналами.

Лето на работе. Кондиционеры есть только в крупных супермаркетах и дорогих машинах. В офисах, как правило, —

тропическая жара, без возможности надеть экстравагантные южные туники. Особенно тяжело мужчинам. Весь Смольный ходит в костюмах, рубашках с галстуками, таков дресс-код, а из открытых дверей кабинетов веет полуденным жаром. Женщинам легче, они могут пройтись в мини даже по смольнинскому коридору. Но жарко всем. Конечно, это не очень надолго, это пройдет, но работать нужно прямо сейчас, в полдень. Сиеста не предусмотрена. Значит, обходимся без сиесты, сидим в редакции под вентиляторами, простужаемся, но не сдаемся. И думаем об отпуске. О том, что очень скоро эта же жара будет казаться благословением. О морском бризе и блаженном ничегонеделаньи на пляже. Но отпуск заканчивается, а лето пока еще нет. И мы не ропщем. Это праздник, который с тобой не так уж надолго. Надо им насладиться.

Лето в Пулково-1.Это просто ад кромешный, без преувеличений. На стоянке машин обливаются потом водители. Пассажиры заполняют каждый миллиметр неудобного здания старого аэропорта, который не приспособлен вообще ни к чему, и уж всяко не готов к тому, что пассажиры будут по 8 часов ожидать задерживающиеся рейсы на неудобных и немногочисленных скамейках. Багаж свален кучами — в комнате, где разыскивают потерявшиеся чемоданы толпа народу. Раздаются крики:

«Там были дорогие театральные костюмы! Вы знаете, сколько это стоит?!» Девушки с фирменными галстуками устало кивают. Они догадываются. На стене телефон медпункта — крупными цифрами. Судя по всему, пользуются им активно.

Лето в квартире. Воду отключают вдруг, неожиданно, и всю вообще. Хотя, говорят, было объявление, но мы его не заметили… Кошка повышенной пушистости орет, ей жарко, она хочет пить, и вообще, желает, чтобы все было, как раньше — прохладно и влажно. За водой надо идти в ближайший супермаркет, и там уже проводит летний вечер население окрестных домов. Но в супермаркете есть кондиционер. Это плюс. Вечером заснуть нет никакой возможности — светло и душно. Это минус. А что делать… Петербург. Белые ночи прилагаются.

В выходные петербуржцев, не покинувших город в пятницу, посещают мысли об электричке, которая отходит от Финляндского вокзала в сторону залива. Вот сесть бы в пустой прохладный вагон и умчаться в Сестрорецк, на берег, на природу, к шашлыкам… Но вагоны переполнены, там духота, как в Африке, до Сестрорецка, как до неба… И мы добредаем до местного пруда

среди многоэтажек. Там есть тень, скамейки, кафе… Дети бесстрашно купаются в луже вместе с собаками. Но что делать, лето. Маленькая жизнь.

2010

Фото Павла Маркина

О зеленоглазом такси

Вы выходите из театра (из ночного клуба, с вечеринки, с работы). Очень хочется домой в свой далекий спальный рай. Вы поднимаете руку, и ни одна… машина не останавливается. Кошмар. Страшный сон.

На моем веку с частным извозом боролись неоднократно. Штрафовали, запрещали, останавливали машину и строго вопрошали:

— Кого везем?

— Это моя сестра двоюродная, — пищал водитель.

— Как зовут брата? — вел допрос гаишник. И тут главное быть готовым и поймать подсказку.

Очистив поле, государство (тогда еще таксопарки принадлежали ему) тут же подрезало бизнес, поднимая цену за километр. Мы вновь опускали руку, приветствующую волгу с шашечками и обращали свой взор к машинам других марок. И так до бесконечности.

Но компании проходили, и все вновь возвращалось на круги своя. Таксисты берут дорого — частники в два раза дешевле. Они, конечно, везут быстро, дешево и сердито. Всегда есть опасность, что машина развалится по дороге, а водитель затеет эмоциональный спор о президенте, губернаторе и войне, опасно занося машину на повороте. Но приходится терпеть и мило улыбаться, потому что бесплатного сыра не бывает.

И вот новый виток борьбы — губернатор решил очистить город от нелегитимных частников, хватающих иностранцев за рукава с предложениями, от которых трудно отказаться. Такова цель. Мне кажется, она сродни стремлению очистить город от проституток, свезя их всех на недельку за 105 км.

— Да разве бы мы возили, если бы зарплата была нормальная, — говорил мне недавно интеллигентный «частник».

Да разве мы бы на них ездили, если бы зарплата позволяла вызывать такси к дому и спокойно следовать по адресу?

Я искренне люблю наше зеленоглазое такси. Наверное, люблю потому, что редко вижу. Я это точно поняла, оказавшись в Нью-Йорке, который славится тем, что поймать такси здесь якобы трудно, почти невозможно. Тем не менее на то, чтобы сесть в желтей чеккер у пен-стэйшен (вокзала) нам понадобилось минуты четыре. А затем, по забитым транспортом улицам Манхэттена, мы ехали по весьма сложному адресу минут 15–20. В этом городе такси — главный способ передвижения, и они наводняют город. Предполагаю, что все водители и владельцев желтых машин

честно платят налоги и, тем не менее, кормят семьи. А вот превратить наших «частников» в такси, боюсь, не получится. В городе 2000 официальных такси и еще столько же зарабатывает на жизнь извозом неофициально. Было бы наивно полагать, что все они поучат лицензию, или захотят ее получить. Машины в плохом состоянии. Кроме того мы все до сих пор неохотно платим налоги (иначе — не выжить), не храним деньги в банках, не платим в магазинах кредитными картами — в общем, далеки еще от цивилизованного мира. Ощущение такое, что все это понимают, однако Смольный очень любит принимать эффектные позы. По самым разным поводам.

2002

Фото Павла Маркина

Нева или Бермудский треугольник?

Почему на Неве затонул сухогруз «Каунас», не вписавшись в Литейный мост, — не знает никто. Нет, версии, конечно, звучали, идет расследование. То ли лоцман сделал неверный маневр, отклонившись от фарватера, то ли руль на корабле 1957-го года постройки не послушался рулевого. К счастью, никто не пострадал, все спаслись. Пострадали только Нева, Литейный мост и ОАО «Волжское пароходство». Вообще-то — позор. Так мне говорили знающие люди.

Позорнее в истории судоходства на Неве был, говорят, только один случай, о котором мне рассказали в музее ВМФ. Это, когда среди бела дня, при всем честном народе недалеко от Горного института неожиданно затонуло госпитальное судно «Народоволец». Дело было в 1920-м году. Ну, не так уж это было неожиданно, как выяснилось в ходе расследования. Старый немецкий пароход давно кренился градуса на три, о чем капитан писал соответствующие рапорты, а их футболили от начальника к начальнику. А тут вдруг судно накренилось на 15 градусов и, как раз в отсутствие всех специалистов, от капитана до механика, которые не вовремя сошли на берег. За них нес вахту неопытный старшина, который, увидев такое дело, начал откачивать воду — хотел спрямить крен. И ничего не получилось. Но, что с него взять, говорили расследователи. Салага.

Что в 20-м году, что в 2002-м, — суть одна. Кто виноват? Дураки и дороги. Капитаны и неисправные механизмы. Мосты и неудобные для судоходства реки. «Это только кажется, что провести здесь корабль — дело нехитрое. Нева — очень сложная река», — говорит научный секретарь музея, в прошлом судостроитель Сергей Климовский с некоторой тоской глядя из окна своего кабинета, что в здании Биржи. Тоска его отнюдь не экзистенциальная, а имеет свое логическое объяснение. Построенное на стрелке здание Биржи, все в строительных лесах (реставрация перед 300-летием), терпит бедствие, совсем как сухогруз «Каунас». Почва у нас тут зыбучая, о чем Петр Первый в свое время не подумал. Или подумал, но государственные интересы перевесили. И вот теперь подвалы исторического здания заливает водой, а куски штукатурки падают с потолка.

«Особенно в районе Литейного моста надо быть осторожным, — продолжает Климовский. — Течение сильное, оно и прибивает к мосту. А у Летнего сада, кстати, глубина — метров 18…»

Правда, когда я сообщила ему, что по собранным мною

сведениям, в акватории Невы и Финского залива от Ладожского озера до Кронштадта насчитывается 138 затонувших судов, причем на первом этапе городской программы «Судоподъем» предполагается поднять со дна 52 затонувших судна от Котлина до моста Лейтенанта Шмидта, уважаемый ученый секретарь очень удивился.

Действительно, это же просто «Бермудский треугольник» какой-то!

«Но думаю, что касается Невы, то, в основном, это — хлам. Брошенные суда, остатки катеров с частных водомоторных стоянок…»

Но вернемся к «Каунасу», груженному двумя тысячами тонн металла и 35-ю тонн горючего. Конечно, все видели на экране, как городские власти, МЧС и представители «Волгобалта» колготились с затонувшим сухогрузом, перегородившим фарватер. Неделю держалась пробка на этом судоходном проспекте, а чтобы восстановить движение, пришлось срезать выступающие части сухогруза. Начали поднимать рубку — лопнул трос, многокилограммовая конструкция рухнула на парапет, чуть не задев любопытствующую публику. Чуть-чуть — не считается. Чиновники рапортовали перед камерами, что, мол, все идет по плану. Лопнул трос? Тоже по плану. Вот в таком, примерно, духе.

А что делать, если оборудование для спасательных работ закупалось в 60-70-х годах, а один плавучий кран, говорят, достался Советскому Союзу еще по ленд-лизу в годы войны.

Судоходство восстановили, под мостом пошли груженые корабли, имеющие осадку 3,6 метра (освобожденная глубина фарватера — 4 метра). Только-только. После прохода под Литейным мостом первого судна с тяжелым грузом, спасатели облегченно вздохнули — навигация действительно восстановлена.

Итак, все вздохнули и начали думать, что делать дальше. Грубо говоря, объяснял мне помощник вице-губернатора, возглавляющего штаб по ликвидации последствий аварии, Владимир Аникеев, «резать, оттаскивать или поднимать». «Народоволец», кстати, в свое время, как написано в архивных документах, «спрямили», откачали воду, и корабль всплыл. Правда, ждать пришлось четыре года.

По поводу «Каунаса» постановили — резать и быстро. За работу взялось Балтийское Аварийно-спасательное Управление. «Нам ведь что важно, — объяснял Аникеев. — Главное — мост не повредить. Так что водолазы работают — ведут исследования».

…Я пришла к месту аварии как раз в промежуток между

этими событиями: авария уже произошла, судоходство восстановлено, а сухогруз еще не достали. Хотела посмотреть, как же они работают, водолазы. Никого, кроме одинокого милиционера, не увидела. Может, водолазы быстренько отстрелялись и ушли? Не знаю. Еще увидела рабочего в каске, который производил жуткий шум, что-то делая с гранитным парапетом. То ли ровнял, то ли зачищал. Сюда, вспомнила я, и рухнула будка.

Вглядывание в глубь вод не привело ни к чему. Но я знала— вот там, совсем недалеко от берега лежит корабль, в нем — топливо. «И главное, чтобы с опорой моста ничего не случилось», — говорили специалисты. Конечно, нашему мрачному воображению разыграться ничего не стоит. Я сразу представила и Неву, по которой дрейфует мазутное пятно, и в нем плещутся ребятишки у Петропавловки, а рыба плавает брюхом вверх, и закрытый мост. Или, не дай Бог, авария случится в момент особо бурного транспортного потока…

Три дня, как на работу, я ходила к набережной. На меня косо смотрел местный дворник. Мальчишки-рыбаки хихикали. Прилично одетый дяденька заподозрил в суицидных намереньях. А я в это время думала, не поверите, что надо бы обновлять торговый флот и закупить новое оборудование для спасательных работ. Интересно, что бы сказал дядечка, если бы я объяснила, что в настоящий момент меня беспокоит акватория Невской губы и самочувствие родного Литейного моста. А ведь это — чистая правда.

2002

Фото Владимира Григорьева

Чечня. С войной покончили ли счеты?

Они, конечно, очень разные — эти ребята в серых больничных халатах и с белыми, прямо под цвет рубах и простыней, лицами. Они родом из России, из разных городов и сел. И возраст самый разнообразный: 18-20-летние солдаты-срочники и 30-летние контрактники. Их объединяет одно — Чечня. Они лечатся в нашем Военно-морском госпитале. На сегодня война для них закончена.

Эти парни плохо спят по ночам, хотя говорят, что в госпитале за ними ухаживают как дома и что страх потихоньку покидает их. «Легкие» отделались обморожениями ног (говорят, сапоги тонкие) и пневмониями («Да я ящики со снарядами разгружал и устал — лег на ящик. Мороз был. Не заметил, как заснул…») «Тяжелые» закончили войну навсегда.

Дима — совсем мальчик. Он наш, из области, из поселка Волосово. Его страдания начались в торт момент, когда в блиндаж залетел минометный снаряд, ранив сразу четверых. Ночь они провели в этом блиндаже, только на утро удалось вытащить их оттуда.

— Двое умерли просто потому, что у нас не было лекарств. Ни промедола, ничего… У меня началась гангрена. Ногу спасти не удалось.

— А еще напишите, — включается моряк Павел, провоевавший по контракту 4 месяца, — 70 процентов наших ребят можно было бы спасти, если бы у нас была нормальная связь. Я даже жалел, что детские «воки-токи» не взял, честное слово…

Павел был ранен в деревне ночью. Часов в 12 он пошел с товарищами вытащить тела погибших товарищей, унести их с улицы.

— Ну, мы понадеялись, что у них молитва, а они как-то быстро помолились, в ускоренном темпе, что ли… И нас накрыло огнем из автомата и гранатомета. Меня в спину ранило. Вытащить-то меня вытащили, а вот связист с нашей огромной допотопной рацией ничего сделать не смог, и сам побежал за помощью.

У Павла позвоночник не задет — пуля прошла в сантиметре, и это, конечно, счастье.

— Еще поедешь?

— Думаю…

«Да ты о дочке лучше подумай!», — говорим мы с Димой. Павел, в отличие от юных солдатиков в госпитале, у которых, как правило, и девушек пока не имеется (как-то не успели) — человек семейный. Но… семью нужно кормить. В Чечне платят по 900 рублей в день. Это — плата за страх.

…Юре Чибизову из Челябинской области 20 лет. Он пока не встает — лежит, укрытый одеялом до подбородка. Стесняется. Ранен, как и остальные, в Аргунском ущелье. Говорит, шел по тропинке замыкающим. Взорвалась граната. Те, что шли впереди — погибли. Юре сделали полостную операцию, пострадали также руки, ноги… Но — выжил.

Призванный на срочную службу, Юра прослужил всего полгода, после чего их экипировали и отправили в Чечню.

— Первые впечатления какие были?

— Как-то не верилось… Все непонятно, странно…

— А местное население как к вам относилось?

— Да по-разному… Кто помогал, кто отворачивался. Осторожно с ними нужно.

— Мать знает, что ты здесь?

— Нет, и я бы не хотел, чтобы она узнала. Потом расскажу, когда домой вернусь…

…А вот мама Сергея Пузыни — рядом с ним, сидит у кровати в этой тесной маленькой палате на троих. Приехала к сыну из Пскова. Сережа — красивый парень, с тонким, умным лицом. Он из тех, кого брали в армию после института, в котором не было военной кафедры. Сергей закончил Институт физкультуры. В Аргунском ущелье он потерял ногу.

Говорит, готовили их к войне всего месяц. И сразу отправили в Урус-Мартан.

Это случилось на сопке.

— Тропа, по которой должна была пройти наша разведгруппа была заминирована. Сапер прошел первым, но мины — пластиковые, их не всегда можно найти. Шли шаг в шаг. И тут — взрыв. Ребята тащили меня на плащ-палатке. Потом часа три ждали «вертушку», наконец, отправили во Владикавказ. Ну и нагноение. Сначала отняли ногу ниже колена, потом — выше…

— Как думаешь, эта война — надолго?

— Ненависть у них в крови. Я согласен, первая война была бессмысленной, но вот эта… Я видел местных мальчишек, которые грозили нам и обещали мстить.

— Ну, у тебя-то наверняка есть девушка, которая…

— Она пока ничего не знает.

…Если кого в этой палате сильно уважают, так это капитана Олега, родом с Урала. Командиры разные бывают, говорили

ребята. — Вот капитан за спинами не прятался, впереди шел. Поэтому и подорвался.

Олег — кадровый военный, служит с 1986-го года. Ранили, когда брал высоту.

— Я приказ выполнял. В Чечню — значит в Чечню. Это не первая моя горячая точка. Воевал в Приднестровье. Да у меня в роду все военные.

— Вот вы человек опытный… А рядом — ведь совсем мальчишки!

— А ведут себя героически. Эти мальчишки меня и спасли — 3 часа спускали на плащ-палатке. Нет, я еще ничего — ступни только лишился, и вот осколки в ноге. Но это — ерунда. Протез сделаю и вернусь в строй.

— Может, уже и война кончится…

— Я так думаю — гидру надо добить. Это надо видеть — они боятся и уважают только силу. Другого отношения им не понять.

А младшей дочке Олега всего 1.5 месяца. Это мне жена сказала. Но она мужу не возражает — понимает, что бесполезно.

Эти люди, конечно, герои. Не понимающие, тем не менее, во имя чего проявляют свой героизм. Молодые — говорят о погибших товарищах, о том, что «кровь за кровь». Старшие — о русском духе, который «должен быть крепок».

Один молоденький солдатик рассказал мне о том, как сидел во вражеском блиндаже и по случайно оставленной рации переговаривался с вахабитом.

— Он мне говорит: «Я воюю за ислам. А ты за что?»

— И что ты ему ответил?

— Да обезьяна ты, говорю…

У них нет слов. Но кровью уже заплатили.

1999

Фото Владимира Григорьева

Не каждый умирает в одиночку

Бедственное положение самого первого хосписа в Лахте — кажется, никого не волнует…

— Раньше я не думала о том, что жизнь полная страданий, может стать почти радостью, что каждое ее мгновение — драгоценно. Я ошибалась. Для Олега это было время духовных открытий, духовного прозрения. Если мы не будем знать, что в последние дни рядом будут бескорыстные замечательные люди, — нет смысла жить…

Эти слова принадлежат Маргарите Кравченко, чей муж провел несколько месяцев в лахтинском хосписе. Хорошо, если бы эти слова услышали все — от губернатора до самого маленького чиновника нашего города. Может быть, тогда не понадобилось бы убеждать людей в том, что должно быть ясно без доказательств.

Сегодня старое здание первого лахтинского хосписа, которое в 1903-м году было построено как больница для бедных в парке на территории усадьбы баронессы Ольги Штейнброк, рассыпается прямо на глазах. Проваливаются полы, лопаются трубы… Пациентов здесь сегодня немного — состояние дома не позволяет принять всех, кто в этой помощи нуждается. Сотни больных, лишены заботы и доброты особых «хосписных людей», которые пока еще здесь работают. Закроется лахтинский дом (а к тому все идет), и распадется удивительное содружество врачей, сестер и санитарок, не боящихся чужого страдания. У нас умеют губить самые замечательные проекты и начинания.

То, что человек смертен, а иногда, по словам героя Булгакова, «внезапно смертен» теоретически известно всем. Но мысль о том, что находится там за гранью, настолько пугающа, что, как правило, зажмурить глаза и постараться сосредоточиться на ходе своей сиюминутной жизни, гораздо легче. Это действительно дает некоторый психологический комфорт (не случайно знаменитый Карнеги советовал жить в отрезке настоящего). Но тогда ситуация тяжелой и неизлечимой болезни близкого человека — невыносима. И для самого страдающего — процесс ухода будет невыносимо тяжел.

К чести Петербурга, который был и остается духовным центром России, именно здесь вопреки атеистическим догмам и многолетней привычке думать всерьез лишь о работоспособном члене общества, зародилось российское хосписное движение, целью которого было изменить сознание, и как следствие, — отношение к человеку, какой бы тяжелой ни была его участь. В те годы, в начале 90-х, о хосписах писали много — тема стала

модной.

Радушно встречали Виктора Зорза — признанного во всем мире главу хосписного движения. Польский еврей, заброшенный судьбой в сталинские лагеря, вырвавшийся оттуда с помощью Ильи Эренбурга и ставший известным английским журналистом, прошел со своей умирающей дочерью все круги земного ада. Это «перевернуло» его жизнь. Да, в Англии давно существовала общенациональная сеть хосписов («хоспис» в переводе «странноприимный дом» — дом, где когда-то останавливались пожилые странники по дороге к Гробу Господню). Но в Америке эта идея вызвала противостояние общества. В стране прагматиков и оптимистов не любили думать о горе, страдании и смерти. И все же Зорза удалось пробить стену молчания и добиться того, что идею поддержали сенатор Эдвард Кеннеди, Генри Киссинджер, супруга президента Форда… Нашел он единомышленников и здесь, в Петербурге. Их объединил психотерапевт Андрей Гнездилов, давно занимающийся проблемами неизлечимо больных людей. Здесь собрались в основном верующие люди, согласные работать за очень маленькие деньги и лишенные страха перед неизведанным. Может быть, поэтому лахтинский хоспис и отличается от других, возникших позднее в разных районах города. Здесь особая атмосфера.

…С Виктором Зорза мне удалось побеседовать по телефону незадолго до его гибели. Наша беседа прерывалась — он принимал лекарства, справляясь с болями в сердце. Но говорил уверенно и определенно:

— В лахтинском хосписе работают замечательные люди. Там все именно так, как и должно быть. Знаю, они сталкиваются с большими проблемами в своем деле. Защитите, поддержите их…

Но почему же нужно защищать людей, отдающих силы важному, гуманному делу? От кого защищать?

Но он знал, о чем говорил…

* * *

…Когда мы встретились с Леной, она уже понимала, что ей предстоит… Чем дальше развивалась болезнь, тем более одинокой она себя чувствовала. Ее раздражали люди, глядящие на нее с состраданием и страхом. Она знала, что ей предстоят физические страдания. Муж разрывался между работой и домом, а дочка тихо сидела в своей комнате, боясь нарушить тишину мрачной квартиры…

Шесть лет назад, когда тема стала модной и на ней многие завоевывали политический капитал, первый хоспис получал и поддержку государства и гуманитарную помощь. Тогда же в городе стали появляться и другие хосписы и выездные службы. Но за эти шесть лет мода, похоже, прошла. Здание пришло в негодность. Наконец, год назад в день рождения хосписа в саду был торжественно заложен первый камень нового дома.

Красиво звучали обещания представителей комитета по здравоохранению (иных уж нет, а те далече)… Строители уверенно предполагали возвести здание за один только 1997-й год…

И вот он, долгожданный 1997-й… И Андрей Гнездилов бросается за помощью к журналистам (чиновников просить уже нет сил) — строительство нового здания не было включено в адресную программу 97-го года и неизвестно, будет ли включено в программу 98-го…

— Может быть дело в том, что мы шагнули в капитализм прямо из атеизма? — говорит Андрей Владимирович. — Отсюда высокий уровень агрессии и тотальное равнодушие к слабому. Но как-то нужно этому противостоять…

Оказывается, денег не хватает сегодня ни на ремонт старого, ни на строительство нового здания. Не хватает их и на адекватную оплату труда врачей, сестер и санитарок. Строительство хосписов, оказывается, — не приоритетно. Когда же появляются иные источники финансирования — тут государственные чиновники на страже. И, кажется, главная их задача — не допустить подобного «произвола».

Как выяснилось, иностранцы не раз и не два предлагали свою помощь. Они, по словам Андрея Гнездилова, всегда были готовы послать оборудование, медикаменты, одежду, продукты. Но чтобы получить одну только посылку с необходимым перевязочным материалом, Гнездилову пришлось обойти 56 чиновников, путешествуя по всему городу и собирая бесчисленные справки и подписи. Не говоря уж о деньгах, которые пришлось за все это заплатить.

И директор немецкого банка, который искренне хотел помочь, отказался от этой мысли, сказав, что не готов платить за подарки вдвое того, что они стоят. За перевозку груза гуманитарной помощи его попросили выложить несообразную сумму. Западные благотворители могли бы даже выстроить новый дом, на который у нас не находится средств. Но за один только проект дома (а он должен быть утвержден нашими властными структурами) отечественные проектировщики требуют с западных дарителей огромные деньги.

— Да любому нашему бизнесмену собственный особняк обойдется гораздо дешевле, чем нам! — утверждает Гнездилов. — Ведь им не надо иметь дело с нашими чиновниками.

Значит, дело не только и не столько в отсутствии денег. Законы становятся грабительскими в исполнении чиновников.

И еще одна важнейшая проблема, не решенная до сих пор, хотя битва идет давно. Смерть не так страшна, как боль ей сопутствующая. Один из основных принципов хосписа — не снятие, а предупреждение боли. Однако объяснять это пришлось много лет. Сколько сил пришлось потратить врачам, чтобы доказать чиновникам от медицины, что дозу наркотических обезболивающих средств в хосписе нужно увеличить — привести ее к существующим европейским стандартам. Это, наконец, удалось сделать. Но больных и их родственников постоянно подозревают в наркомании, воровстве наркотиков.

* * *

Лена, молодая красивая женщина в свои неполные сорок лет сжималась от страха, глядя на часы. Вот сейчас пройдет действие лекарства. И снова— неотложка. Два дня назад врачи нашли ее в состоянии болевого шока.

— Я уверена, он — наркоман! — говорила мне врач поликлиники, имея в виду лениного мужа, который не мог спокойно наблюдать, как страдает жена. — А что он все просит и просит рецепты…

Родственники тех больных, которые лежат дома, вынуждены каждые три дня ходить за новым рецептом, а если лекарство вдруг пропадает из аптеки — все вызывать и вызывать неотложку (80 % всех вызовов в городе — к онкологическим больным.)

Или вдруг новая проблема — милиция требует ужесточить охрану наркотических средств в самом хосписе, вбить столбы, установить решетки (а ведь здание старое, стены могут и не выдержать). Причем все преследуют свои интересы, и та же представители милиции требуют заказать решетки в определенной фирме за определенные деньги. О благотворительности речь не идет.

…Моя знакомая, та самая, что страдала от страшных болей у себя дома, — могла бы спокойно и даже счастливо прожить эти последние месяцы. Для этого нужно было так немного — доверять ей и ее близким. Поддерживать ее наркотиками и, может быть, вместе с родными ухаживать за ней в хосписе. Но с доверием у нас по-прежнему плохо, а хосписа в этом районе не

было (их до сих пор нет в 9 районах города).

На самом деле трудно сегодня представить себе иную, более гуманную систему помощи смертельно больному человеку, чем сеть хосписов.

В хосписе человеку легче уже только потому, что конца здесь не ждут и не боятся. Родные тоже успокаиваются — им помогают и их поддерживают. Как правило, бедность среднего класса и обнищание тех, кто никогда не был состоятелен, не позволяет «вытянуть» уход за больным чисто экономически. Так что альтернативы пока нет. И это нужно понять.

Я спросила Андрея Владимировича Гнездилова, что самое главное в жизни человека, знающего о своей скорой смерти. И услышала:

«Прощение. Люди часто испытывают чувство вины в конце жизни, потому что их ценности меняются…»

Может быть, попробовать взглянуть на жизнь их глазами и заслужить прощение прямо сейчас?

1997

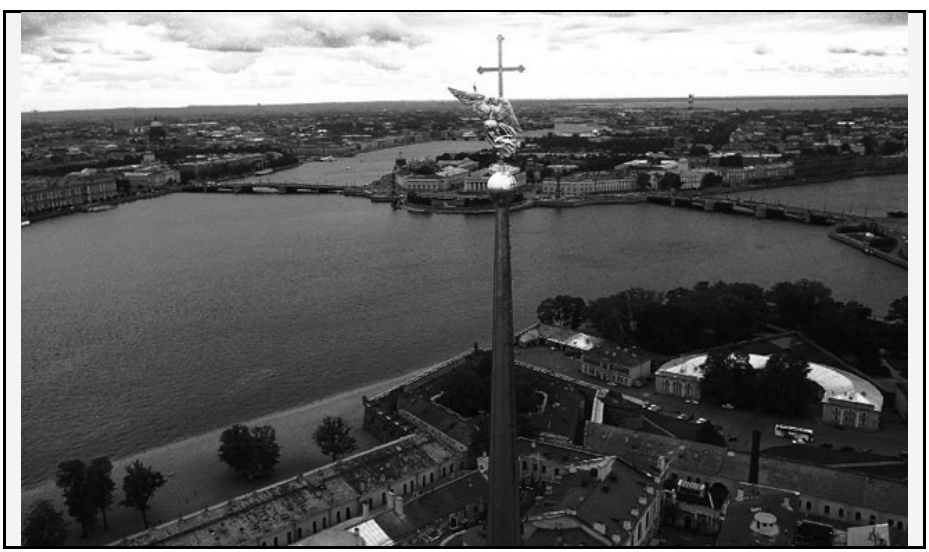


Фото Павла Маркина

Как достать до неба?

Печальное место — колония для несовершеннолетних. Окружающий пейзаж на окраине Колпино напоминает кадр из фильма «Солярис». Заросшие пустыри, железнодорожная колея. Длинный глухой забор, ряды колючей проволоки. Замки шести дверей щелкают, когда мы проходим внутрь. Унылые строения непередаваемого цвета. Заросшее пожухлой травой футбольное поле, по которому бродит одинокая кошка. Ей здесь явно вольготней, чем людям. Ни одного дерева или цветка. Только желтые бревна на лесопилке оживляют пейзаж.

Раньше несовершеннолетние заключенные тут делали гробы, на которых всегда есть спрос, и руководство колонии стесняется вспоминать о тех не столь отдаленных временах. Теперь новые песни придумала жизнь. Вернее старые песни на новый лад. В колонии и комитете по молодежной политике вспомнили о Макаренко — все-таки его подопечные занимались чем-то созидательным и даже деньги за это получали. Вот и в Колпино спустя 80 лет открыли цех по производству развивающих игр, оборудовали его всевозможными роскошными вещами — теннисными столами, кафе, телевизором, сверкающим туалетом — одели детей в белые халаты и дали им в руки ножницы. Все за счет города и предприятия. Красиво. Хоть и небезопасно — на 100 детей с ножницами два охранника. Может, об опасности и не стоило бы вспоминать (руководству виднее), но вот, например, в начале этого года кое-кто из колонии бежал. Об этом никто говорить не хочет, лаконично обрезая разговор: «Всех нашли».

Но сейчас они работают с видимым удовольствием. Клеят кубики для конструкторов, стараются, чтобы было без пятен. В месяц пока получат рублей 500. Но и это деньги, все-таки можно прикупить себе в ларьке пачку чая и сахару по цене почему-то выше обычной.

Конечно, хочется узнать, что кроется за фасадом. Конечно, никто не скажет и не покажет, хотя и дети и взрослые порою проговариваются по Фрейду. И если внимательно слушать многое можно узнать.

16-18-летние парни четко формулируют статьи, по которым сидят. Как правило, это — разбой, угон. Один кратко сказал «убийство». Сидеть ему еще долго и в глазах есть что-то такое… фатально-неизбежное. Другой, наоборот, весел и общителен. Через пару месяцев его выпустят досрочно. «Я научился ценить некоторые вещи», — заученно говорит он, а глаза — хитрые. «Что именно?». «Волю».

Сумеют ли они удержаться на воле — вот вопрос. Потому что иерархия, весь строй, порядок их жизни здесь нормальную жизнь ничем не напоминает. Это порядок зоны, тюрьмы. Тот же лексикон, тот же «Закон». Взрослые кстати этого не скрывают. Начальник колонии, рапортуя о достижениях (а они, конечно, есть — вот новый цех, например) говорит о том, что алкоголя и наркотиков в колонии не достать, потому что «они сами так решили. У них тут такой Закон. Они не допустят». Удобно, когда порядок устанавливают сами ребята, а взрослым только и остается, что расхаживать и давать ценные указания.

В жилом корпусе на двух этажах — два отряда. Живут человек по 20 в комнате. «Я — э, старший» — с трудом подбирая слова, докладывает гид по корпусу, демонстрируя свое хозяйство. «Здесь вот пацаны спят, там, в углу — бугор, а рядом его правая рука. Это он сам выбирает — кого захочет. А „блатные“ — они в другой комнате». Суровый взгляд воспитателя. «Ну, то есть „актив“».

«Актив» действительно занял комнатку получше. Здесь обои с картиной осеннего леса и много икон. Иконы — православные. А в руках у ребят — четки. И то, и другое, по-видимому, в большой моде.

Но батюшка, к счастью, самый настоящий и присутствует здесь не для галочки. Он действительно всех знает, со всеми разговаривает и многое порассказать может.

«Знаете, какая главная проблема? Эти большие комнаты. Днем еще ладно… А вот ночью — беда. Они же там одни остаются. Я вот заграницей был, так там хоть на ночью человек сам с собой. Большое дело. У нас на это средств нет, хотя финансировать стали гораздо лучше, это правда. (Получше — это тысяча рублей в месяц на человека — А. Б.) Но дедовщина, конечно, процветает. Вот об этом они и говорят мне. Еще семейные дела у них тяжкие. Кого-то и не навещают совсем, а без посылок здесь трудно. Мы вот стараемся их подкармливать. Сначала хотели посылки организовывать, так это сложно. Отобрать могут посылку. Поэтому обедами их кормим».

«Как кормят?» — спрашиваю парней. Молчат. «Лучше свое есть» — наконец, один говорит, но тихо, чтобы взрослые не слышали. «Бьют?» — это я спрашиваю убедившись, что могу поговорить без посторонних. «Да, у них есть дубинки. И ДИЗО». ДИЗО — это карцер. Одиночка, где долго не высидеть. Два раза посадят и дело плохо. Изменят режим содержания на строгий.

«А книжки читаете?». Смеются. «Не, телевизор смотрим». Телевизоры есть, а вот с кино — проблема. Нет звуковой установки.

Жалко парней. Взрослых не жалко — это их работа. Однако каково это работать со 180 парнями, которые на воле напрочь не вписывались в социум, понять тоже надо. «Вон того парня видите? — тихо говорит мне знакомый чиновник. — Это наркодиллер, я хорошо его помню. Не верю, что наркотиков у них нет. Посмотрите, какие у него глаза».

Не знаю, глаза у них у всех странные. А может все дело в бритых сиротских затылках, серых робах, страшных лестницах и помещениях типа барак. Правда, идет ремонт. Но цивилизацией здесь пока не пахнет. Далеко здесь до цивилизации. И до нормальной жизни на свободе эти ребятам очень далеко, несмотря на все усилия и подаренный кандидатом в губернаторы телевизор с плазменным экраном. Как до неба.

2001

В день, когда Америка стала частью мира

Говорят, 11 сентября Америка стала другой страной. Как будто в один момент закончилось детство, и миф о собственной исключительности и неуязвимости разлетелся вместе с башнями Всемирного Торгового Центра.

Я увидела Америку после — но я не видела ее до. Это делает задачу сложнее, и о том, насколько она изменилась я судила не только по собственным впечатлениям, но по рассказам, по воспоминаниям, по ощущениям тех, для кого эта страна — дом.

Но кое-что я увидела. Проведя весну в штате Иллинойс, я прилетела в Вашингтон в начале июня. Отель располагался в непосредственной близости от Белого Дома. Первое, что я услышала, включив телевизор у себя в номере, было паническое сообщение о том, что обитатели Белого Дома эвакуированы. Некий самолет, связь с которым не удалось установить, пролетел слишком низко над головой обитателя овального кабинета. Военные подняли тревогу. Говорят, что сам Президент оставался на месте. То ли из патриотизма, то ли его решили не беспокоить. Но степень готовности американцев буквально ко всему стала видна невооруженным взглядом.

…С этой энергичной, подтянутой женщиной, бывшей учительницей английского, мы не виделись много лет. Мои бывшие учителя языка ленинградской английской школы дали нам ценную способность адаптироваться в англоязычной среде. Без этого мое путешествие было бы невозможным.

Оказалось, что моя учительница английского давно живет в Нью-Йорке, на Манхэттене. А дело было так: однажды в Питере ее дочь-студентка отправилась в пункт обмена валюты менять деньги. Там же менял свои родные доллары довольно состоятельный американец. Так и познакомились. За этим последовала свадьба, рождение троих детей, и моя учительница Нина, бросив все, улетела нянчить внуков. Родителям некогда: папа работает в компании, офис которой находился в одной из башен Trade Center, мама — в банке. Вот так и получилось, что 11 сентября Нина (она уже привыкла к отсутствию отчества) сидела дома с двумя младшими внуками и смотрела в окно. Удивительно то, что ее зять Грег на работу в этот день не пошел — простудился, и эта банальная простуда, а может быть и что-то другое — судьба, Бог, карма — спасли ему жизнь. Телевизор был включен, и на экране появились странные кадры. Впервые в

истории человечества трагедия такого масштаба транслировалась в режиме реального времени.

— Нина! — позвал Грег, но она уже видела происходящее из окна, не веря своим глазам.

— Меня потом спрашивали, что я видела, видела ли я самолет… Да, но только сбоку, и мне показалась, что это ракета.

Через минуту позвонила дочь. Голосом человека, генетическая память которого отягощена революциями, войной, сталинскими репрессиями и чем только не отягощена, она попросила срочно собрать детей, документы, необходимые вещи.

— Зачем? — удивилась мать. Она не верила, что все так серьезно. Не понимала, почему придется уходить из дома.

— Но я уже видела, как по воздуху полетели бумаги. Это была метель из бумаг. Потом — страшнее. Полетели люди. И я видела это своими глазами!

Она и сейчас не может говорить, плачет, но я прошу продолжать.

— Самое ужасное, что мы все потерялись. Грег побежал в школу за старшим сыном, дочка пришла домой и начала собирать детей и вещи, а я с восьмимесячным малышом в коляске и тяжелой сумкой уже ждала их на улице, когда во всем доме отключили электричество и связь, и полиция потребовала срочно идти с ними.

— Я говорила: «Как же я пойду? У меня там в доме дочка и внук!», но мне не разрешили остаться.

Людей срочно эвакуировали. Они шли по парку, когда раздался приказ: «Ложись!» и взрыв. Это рухнула башня. Нина закрыла телом внука в коляске. Глаза обожгло, дышать было нечем из-за гари, черное облако закрыло солнце.

— Я спрашиваю мальчика: «Ты жив? Ну, пошевели ручкой!» Я думала только о том, что должна спасти внука.

…Я пытаюсь представить себе этот Апокалипсис, повторяющий кадры из «фильмов — катастроф». Люди, которых вели из оцепленного центра в автобусы, не понимали, что происходит. Война? Конец света? Они не знали, где их близкие и живы ли они. Целый день длилось нескончаемое путешествие на автобусах, на катере, пешком. В какой-то момент Нина поняла, что не может идти — от пережитого шока отнялась нога, и в пункт приема беженцев на военной базе, куда они попали к вечеру, ее с ребенком просто внесли на руках. За все время малыш не проронил ни звука. Голодный, мокрый, перепуганный, он молчал до самого вечера.

Силы подходили к концу. Их хватило только на то, чтобы зарегистрироваться в большой книге. Через пять минут к ней

бросился зять. И повел к дочери. Они все встретились там, на базе. И она снова плачет, вспоминая эту сцену. Слезящиеся от копоти глаза, перепуганные дети и то, как их кормили и одевали в одинаковые футболки.

— Я никогда этого не забуду. Это невозможно забыть. Ты знаешь, это ведь небольшой такой район Нью-Йорка, и мы там многих знаем. К этим башням мы ходили почти каждый день — я там покупала русские газеты. Очень тоскливо без русского языка, ведь все наше окружение — американцы. И я знала этих ребят из службы безопасности, которые работали там. Мы часто разговаривали. Они все погибли. Все, кого я знала…

11 сентября американцы сделали для себя открытие — оказывается, Америку можно ненавидеть. «Добрая Америка» — эта национальная идея была скомпрометирована в один момент. Ведь многие — и в Америке, и у нас в России — не понимали, что стояло за этими атаками. Об исламском фундаментализме тогда мало кто задумывался…

2004

О национальном оптимизме

Нынче в моде — патриотизм, оптимизм и пофигизм.

За патриотизм отвечает важнейшее из искусств — кинематограф (то есть режиссеры, снимающие блокбастеры, соответствующего содержания) и сотрудники военкоматов, обеспечивающие призыв. Пофигизм находит ярчайшее отражение в глянцевых журналах, с одной стороны, и желтой прессе — с другой.

За повальный оптимизм, судя по всему, ответит телевидение и те, кому оно подчиняется напрямую. Таковы, на мой взгляд, тенденции.

Как и всегда, в России привычно смешивается французский с нижегородским — отечественные реалии и западная мода порождают причудливые сочетания.

Мы теперь бывали заграницах и знаем, как нужно общаться при встрече. Очень просто: значит, вы говорите: «Хай! Хау а ю?» и делаете такое лицо, как будто съели засахаренный фрукт. А вам отвечают: «О! Все замечательно! Лучше не бывает! Как поживаете? Как ваши дети и супруги?» Вы снова съедаете засахаренный фрукт и поете что-то о том, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались. И этот ритуальный танец еще какое-то время продолжается, а потом вы напрочь забываете, кто же это встретился вам на пути.

Нет, не скажу, что это плохо — наоборот, если попривыкнуть, потренировать мышцы лица, все, действительно, «Файн!».

А ночью хочется повеситься.

Ну, может, не всем, может, не всегда, может, не повеситься… Но депрессию испытывает в своей жизни каждый и умение улыбаться в этот момент — вот величайшее достижение западной цивилизации.

Эта западная традиция вдруг так удачно совпала с отечественной генеральной политической линией, что просто диву даешься! Но приживается плохо, потому что у нас тут — свои традиции повального оптимизма. Что для американца естественно — то для русского — смерть. Ведь они не переживали эпоху соцреализма, с ее рабочим и колхозницей, не слушали внушающий необоснованные надежды ликующий голос Левитана, не маршировали, скандируя речевки в день Первомая, не смотрели «вести с полей». А вот в нашей генетической памяти все это живет и поэтому возродившаяся из пепла тенденция не радует. От сладкого сразу свело скулы, и впереди замаячил лозунг: «Вперед, в позавчерашний день!». Хочется, знаете,

немножко правды. Помните в пьесе Шварца «Дракон» во время битвы в небе Дракона с Ланцелотом, народу был дан приказ: «Во избежание глазных болезней, и только поэтому, не небо смотреть воспрещается!». Но они все равно смотрели, вот ведь в чем штука. И мы будем.

2002

Фото Галины Зерниной

Люблю Дворцовую. Но странною любовью…

Окно в Европу мы в 1990-е рубили заново. Но сегодня из него предательски дует… Может, нужен капитальный ремонт? И тогда мы обойдемся без простуд и приступов весенней депрессии.

Однажды весенним воскресным утром под мокрым снегом и дождем я вышла из дома. Ну, в деревне «Гадюкино», как известно, всегда дожди, мы люди привыкшие, закаленные зимами и холодами, весенне-осенними депрессиями и прочими милыми пустяками. «А мы такие зимы знали, вжились в такие холода…», — написал когда-то Илья Эренбург. Как будто сегодня написал.

Цели у меня были простые, незатейливые — постричься и сходить в Эрмитаж. Мне показалось, что это здорово: привести голову и мысли в порядок, а затем красивой и нарядной встретиться с прекрасным. Если конкретно — побывать на выставке, которую давно мечтала посетить.

В салоне меня приняли с почестями, вполне адекватными сумме, которую я собралась там оставить. Девушка на ресепшн выглядела счастливой.

Мастер долго выбирала со мной оттенки, красила, стригла и параллельно поила чаем. В общем, я расслабилась и решила, что пусть у нас тут снег, дождь и протекающие крыши, зато сервис местами на высоком уровне, потому как окно в Европу все-таки было прорублено раз и навсегда. Иногда из него дует, но в целом все не так и плохо. Девяностые, с их стремительной приватизацией и немалыми жертвами, прошли не напрасно, и теперь за некоторую сумму с тобой будут разговаривать как с родной, и ты в отношениях с обслуживающим персоналом выступаешь не просителем, а нормальным человеком — прежде всего, с правами и лишь потом с обязанностями. Рано я радовалась.

В общем, провозились со мной чуть дольше, чем я предполагала. К Эрмитажу я уже продвигалась бегом, хотя бегом это назвать трудно — по Дворцовой площади, покрытой брусчаткой, под мокрым снегом не разбежишься — под ногами скользкая грязь.

И вдруг неподалеку увидела лошадей, которые катают туристов. Несчастные животные стояли, переминаясь с ноги на ногу. Мокрые, продрогшие, понурые…

Но еще больше я пожалела людей, которые стояли у входа в Эрмитаж. Часы показывали четыре пополудни. Воскресенье, школьные каникулы, но продавать билеты уже прекратили, даже на временные выставки. До закрытия музея оставался час. Школьники, не знавшие правил музея, стояли у входа обреченно. Иностранцы пытались выяснить, в чем дело, и натыкались на суровые лица обслуживающего персонала. Я тоже постаралась объяснить, что хотела бы посетить выставку и сорок минут мне для этого хватит, но столкнулась с ледяным молчанием администраторов. Не хотели они со мной вести какие бы то ни было беседы.

Напомню, цена на билет в Эрмитаж варьируется от 300 рублей до 17,95 долларов при заказе через Интернет. Не хочу сказать, что оно того не стоит — стоит, конечно. Но что-то не припомню, чтобы из бесплатных музеев Вашингтона (повторяю, бесплатных!) меня выгоняли в четыре часа дня. Причем довольно бесцеремонно, без улыбок, извинений и приглашений зайти в другой раз. Не было такого.

Само собой, один из крупнейших и прекраснейших музеев мира и салон красоты есть две вещи не сравнимые. Тем не менее, в это воскресенье сравнение напрашивалось само собой. И было оно не в пользу музея.

Пока палитра нашей жизни серого цвета на провокационный вопрос в ЖЖ галериста Марата Гельмана «За что вы не любите Россию?» ответов будет тьма. От «За серость, жадность и лень, а вы за что?» до «А за что ее любить? В России все сделано не для жизни человека, а для практики естественного отбора…». Ребята, признаем: у нас во многих регионах плохой климат. У нас непростой менталитет. У нас тяжелое историческое наследие. Всё так. Но если мы и дальше будем не любить друг друга, а временами ненавидеть, жить нам станет еще тяжелее. Может, лучше попробовать жить по-другому? Улыбаться встречным, разговаривать вежливо даже с незнакомцами, думать о посетителях, клиентах, коллегах и друзьях. Заботиться о чистоте и приветливости своего дома, своей улицы, своего города. В общем, жить, как нормальные люди.

Вы не замечали — в последние несколько лет об эмиграции заговорили те, кто раньше никуда не собирался, а на вопрос о патриотизме начинали бить себя в грудь. Вот моя подруга, к которой я, желая исправить настроение, направилась прямо с Дворцовой. Она половину времени проводит в Европе — такая у нее работа. Но недавно призналась, что всякий раз ей стало все безрадостнее возвращаться из Рима или Парижа в Петербург. Потому что к хорошему привыкают быстро, а к плохому —

никогда.

Мы с ней немножко выпили и пришли к каким-то выводам. Голодные годы давно позади. Колбасы у всех достаточно, захотелось большего — уважения, например. Уважения к тебе просто потому, что ты есть, работаешь, исправно платишь налоги, никого не обижаешь и даже ходишь на выборы. Захотелось чистоты, красоты, порядка, улыбок. И — на тебе: аномальная зима и пыльная весна с аномальным неуважением и хамством в придачу. И что теперь делать с любовью к Эрмитажу и Дворцовой площади?

2011

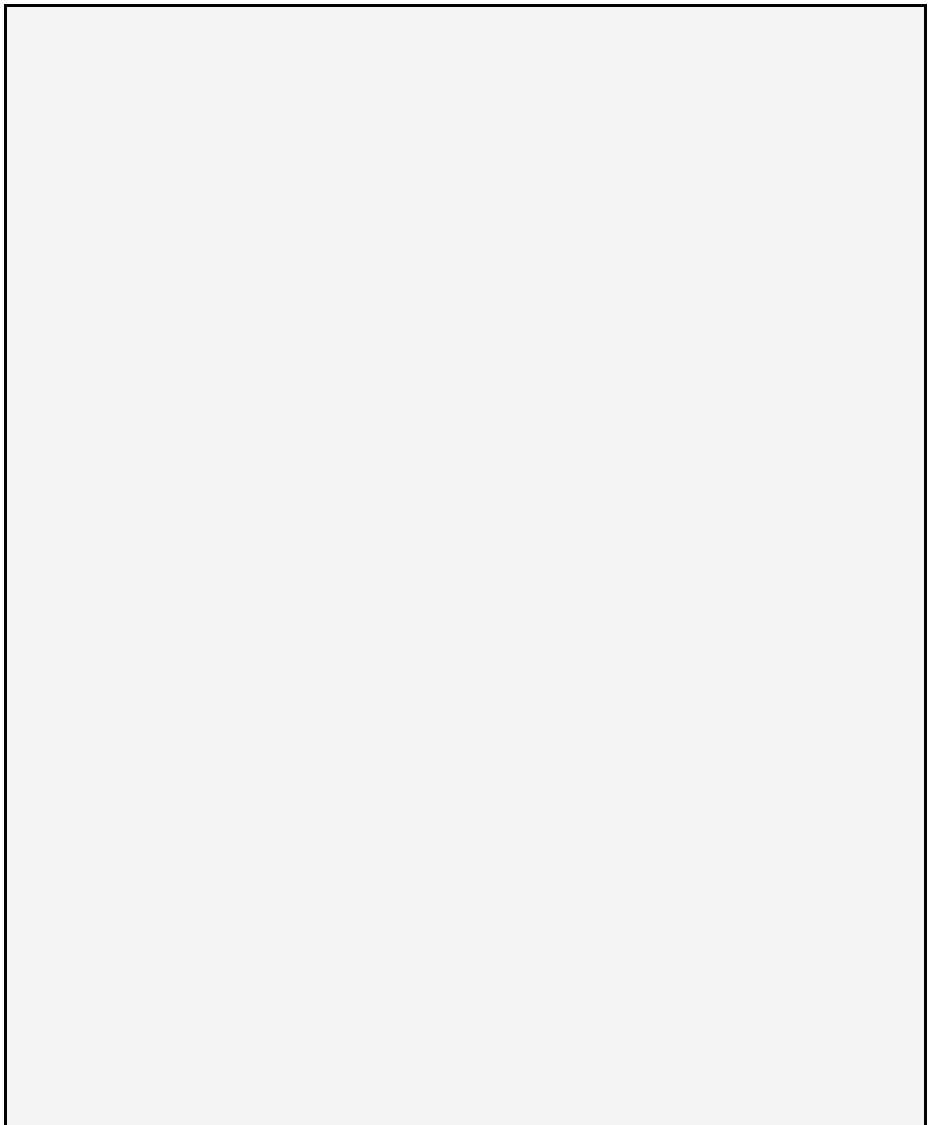


Фото Галины Зерниной

Буржуазные дети советских родителей

Мы раздражаем наших детей. Многим, если не всем. Надеюсь, что они нас все же любят, но в любви этой иногда проскальзывает что-то снисходительное.

— Мне не нравится твой свитер, — сказал мне сын, критически оглядывая меня за столиком кафе.

Свитер как свитер, он мне идет, вроде бы. Но, похоже, сыну во мне многое не нравится, не только свитер, а кое-что у них вообще вызывает аллергию.

Едва повзрослев, наши дети начинают с неизбежностью одноименно заряженных зарядов отталкиваться от нас… Почему-то их особенно раздражают не преподаватели в институтах или взрослые коллеги по работе, а именно родители — они далеки от идеала, неправильно живут, одеваются, говорят и даже неправильно мыслят.

Все это мы, конечно, тоже проходили, нас тоже многое раздражало в наших «предках». Чего там, вечная история «отцов и детей»… Но в нашем случае это было в большей степени оправданно исторически — мы с родителями росли, взрослели практически в разных странах, впитали разные идеологические постулаты. В моих маме и бабушке, например, был неистребим дух коллективизма, они не понимали, что значит право на частную жизнь, плохо ориентировались в западных реалиях и никогда не пользовались кредитной картой, а за границу мама выехала только в старости. На детский вопрос «откуда берутся дети?» обе когда-то краснели и отмахивались. Мой отец в ранней юности прошел сталинские лагеря, его мироощущение было навсегда сформировано тем страшным временем, о котором он почти никогда не вспоминал, а я узнала об этой детали его биографии только в юности…

В общем, дистанция между ними и мной была гораздо больше, чем между мной и моим сыном, ныне молодым специалистом в области PR. Так мне казалось. Но, видимо, я была неправа.

Я всегда старалась уважать право сына на свое мнение, на свою жизнь, не давила авторитетом, не призывала быть как все. Но меня это не спасло: когда сын вырос, он критически оглядел меня с ног до головы и, судя по всему, остался не слишком доволен увиденным.

Недавно мы как раз обсуждали эту проблему с подругой и нервно смеялись, потому что выяснили, что многое у нас сходится.

Ну, во-первых, хотя нам не говорят: «Если вы такие умные, то почему вы не такие богатые», — но явно подразумевают. Ссылка на то, что не всем было дано заниматься бизнесом в лихие девяностые, не принимается. Сразу возникают вопросы: почему не скопили, не вложили, не запасли на черный день… Они не помнят наших трагических финансовых кризисов, которые навсегда отвратили от потребности копить деньги, они живут реалиями современного мира. Для них это кажется таким простым и понятным — не надо тратиться на всякую чепуху вроде частых путешествий, покупку очередной книжки, диска, билета в театр, украшения или чашки чая в кафе за долгой беседой. Все это лишнее и отвлекает от квартир, машин и прочих вечных ценностей. Конечно, им кажется, что жизнь длинная, и все эти мелкие радости у них будут, но пока они идут к цели, и цель эта довольно материальна и, я бы сказала, несколько буржуазна.

Во-вторых, дочь моей подруги и мой сын, как выяснилось, сделали нам абсолютно одинаковые подарки на Новый Год — не сговариваясь (они вообще давно не виделись), подарили и ей и мне по комплекту постельного белья. Вещь нужная, практичная, мы обе сказали «спасибо». Но потом созвонились и снова посмеялись над нашей непрактичностью и желанием дарить друг другу духи, свечки, книжки, шарфы и прочие милые пустяки — и их трезвым взглядом на жизнь.

Может, это и хорошо — наши дети прочно стоят на этой земле и влились в тот самый средний класс, который будет сейчас бороться за консервативное «чтобы хуже не было». А мы продолжаем надеяться на лучшее, ждать ветра перемен, спорить до хрипоты… Похоже, это в нас их тоже раздражает. Они считают нас неприспособленными к жизни идеалистами. Резкий переход на капиталистические рельсы, который случился в пору их детства, а потому незаметно, сделал этих ребят гораздо более прагматичными, чем, если бы они выросли в капиталистическом обществе и считали буржуазные ценности надоевшим родительским капиталом.

Нет, эти маленькие «буржуа» в первом поколении не желают ездить в метро и меняют машины на лучшие. Они будут работать не потому, что эта работа им очень интересна, а потому что она дает деньги и перспективы. Им это кажется естественным, а любое отклонение от этих позиций — раздражающим анахронизмом.

…Вот только раньше мы понимали друг друга гораздо лучше.

И еще… готовы ли они к возможным испытаниям и разочарованиям?

2010

Фото Павла Маркина

Дефилируй!

Длинноногие модели на высоченных шпильках вышагивали по плитам набережной. Волосы развевались на невском ветру. Строгий фэйс-контроль сверлил моделей пронизывающим взглядом. Но девушки привычно открывали крошечные сумочки и проникали в шатер, выстроенный рядом с Кадетским корпусом. В этой импровизированной палатке-манеже проходила очередная неделя «Дефиле на Неве».

Потуги на Лондон, Милан и Москву в этот раз не оправдывали себя. Модная всевозрастная публика клубилась в опасной тесноте и темноте. Конечно, пили шампанское и сложные коктейли. Конечно, пытались разглядеть друг друга. Шныряли светские фотографы, в надежде узнать немногочисленных местных селебритис и снять их в самом непотребном виде, раздавались радостные приветственные клики.

Откуда-то вынырнул знакомый русско-африканский журналист Али Нассор. Рядом с ним из клубов дыма и вспышек фотокамер соткался еще один удивительной красоты африканец в парчовом костюме, пригасивший на вечеринку с барабанами. Где-то вдали махала рукой модный обозреватель Саша Андреева, у которой на показах всегда свой собственный стул в первом ряду. Толпа клиентов, байеров, журналистов и светских тусовщиков наконец втиснулась в зал с подиумом и затихла. По подиуму шагали нереально худые девушки, высоко, как цапли, задирая ноги и откидывая назад головы со странными головными уборами в африканском стиле. Начался показ коллекции модельера Киаби. Поскольку шел он сразу после весьма невнятных и неинтересных коллекций, публика благодарно хлопала. «Плохой показ отбирает у тебя энергию — хороший дает силы», — делилась со мной закаленная в модных боях Саша. И это правда. Это взгляд профи. Но профессионалов здесь — журналистов и фотографов — не так уж и много. Остальное — тусовка На таких мероприятиях вы ощутите, всей кожей почувствуете жажду молодого питерского тусовщика прикоснуться к гламуру, пусть и питерскому, показать, что он в теме, актуален, знает, что было вчера и в курсах по поводу завтрашнего афтепати. Он вездесущ. Он везде. У него куча приглашений (но почему-то не позвали на Парфенову!), он обмотан брендами. Он жаждет праздника. Он желает всем доказать свою востребованность и успешность. Его все знают, и он знает всех. И о деньгах, кстати, не думает, а как-то все устраивается. Можно стать светским обозревателем модного

журнала. Найти спонсора. Встретить в тусовке небедных людей и сесть им на хвост.

А в это время….

А в это время (или несколько дней назад, что не суть) в далекой калужской деревне грязь месили два журналиста. Они шагали на рынок. Там на рынке произошло нечто — у Петра украли кошелек. И все знали, кто именно украл, и надо было срочно взять комментарий у главы местной милиции и поставить заметку в номер. Но написать так, чтобы алконавт дядя Петя не испугался, увидев свою фамилию в газете, и не обиделся. И купил-таки этот номер, потому что, смотрите, — на второй странице написано про него и его кошелек.

Эту семейную журналистскую пару я встретила на съемках телепрограммы «Энергичные люди». Они были героями программы, гордо показывали свою собственную газету. На первой странице издания кто-то убил кого-то паяльником.

— Если на первой странице нет крови, — простодушно рассказывала девушка-редактор, — газету не покупают. Сплошной возврат.

А семейной паре нужно ведь как-то выживать… Девушка-редактор до своей журналистской карьеры работала хореографом.

— В селе ведь как, — рассказывала она залу, — либо дояркой, либо хореографом. Но хореографу платят 4 тысячи в месяц… И семейная пара нашла свое дело. Они информируют, публикуют объявления, рассказывают местные новости — и никаких перепечаток из Интернета.

Дело хорошее, нужное, вот только паяльник… Этот паяльник всех смущал. Получалось, что без него на первой полосе молодому предприятию никак не выжить….

«Интересно, бывали ли эти ребята на модных показах?», — думала я, возвращаясь с программы и размышляя над причудливыми жизненными сценариями. Приходилось ли им бывать в местах, где шампанское льется рекой, и тонкие модели вышагивают на неимоверных каблуках, которых в калужской деревни никто никогда в натуре не видел?.. «Специфика российского fashion такова, что редкие его представители задумываются о грамотной интеграции в современные бизнес-процессы. Многие дизайнеры творят без оглядки на потребителя…» — удивляются устроители Недели моды.

Думаю, не надо калужским журналистам туда, на Дефиле. Расстроятся.

2008

И не друг, и не враг, а френд

Что значит «дружить» в нашем быстро меняющемся мире? И вообще, сохранилось ли это понятие, или прагматичный век потребовал прагматичного отношения друг к другу?

Когда сидишь дома, ну, скажем, лечишь ногу, пострадавшую при твоем головокружительном падении у родного подъезда, мир вокруг тебя сужается до размера квартиры, а отношения с друзьями и родственниками… не то, чтобы меняются, а становятся, как это модно сейчас говорить, транспарентными. То есть хрустально-прозрачными.

Ну, с родственниками все понятно — их, известное дело, не выбирают, и ведут они себя, как Бог на душу положит, то есть вполне ожидаемо — то на три с минусом, то на пять с плюсом в зависимости от настроения. Например, родственник из Франции звонит регулярно и рассказывает, как плохо он сам себя чувствует. Я долго сопереживаю, и он вешает трубку, забыв о моей проблеме, о которой узнал по почте. Другой родственник, из США, заботливо советует съездить куда-нибудь на морской курорт, прогреться. Я слушаю и киваю.

А вот с друзьями — еще сложнее. Я вообще стала сомневаться, что понятие дружба значима для нашего среднего поколения (что же касается 20-летних, они под этим словом понимают, кажется, реальные и виртуальные тусовки или партнерство в каких-то занятиях). Я еще недавно была убеждена: мои друзья — мое богатство. Сегодня констатирую: я не так богата, как мне казалось до сих пор.

— Хорошо бы завезти хлеба, — кидаю я клич друзьям. И в ожидании ответа скачу на здоровой ноге в сторону кухни, где мыши давно повесились и в холодильнике и в шкафу.

— Да-да, я на машине, завтра заеду, — торопится подруга и пропадает навсегда. То есть — не заезжает, и что, характерно, не звонит, потому что она — нормальный человек, и ей стыдно.

У друга тоже есть машина, и я прошу его подбросить меня к врачу. Он соглашается сразу:

— Только, — добавляет, — знаешь, сегодня очень плохая дорожная обстановка. Снег идет. А давай я тебя лучше до метро довезу, а там ты уж сама…

Спасибо, не надо. К врачу я еду на такси.

Вдруг в моем доме появляется старый приятель с сумкой продуктов. Я радуюсь, как ребенок, и мы зависаем на кухне в нескончаемом интеллигентском разговоре. Я даже не замечаю, как он съедает все, что принес, и прихожу в себя, только когда он

убегает, забыв вынести мусор. Хлеба, кстати, по-прежнему нет. Приходится заказать пиццу по телефону, что обходится не дешевле такси. Впрочем, спасибо тебе, друг, — ты скрасил мое одиночество, а это тоже немало.

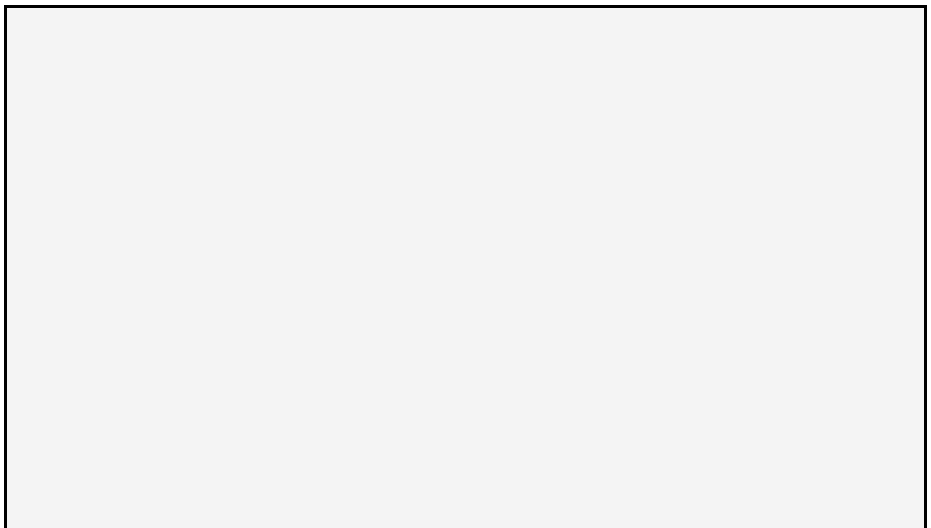
Кто выражал искреннюю готовность помочь, так это подруги моей мамы. Дамы лет под восемьдесят, они, случайно узнав о моих проблемах, предлагали на выбор костыли, мази, продукты и деньги. Тронутая до слез, я отказывалась, упорно надеясь на «своих» — мобильных, здоровых и на колесах.

И, наконец, — о чудо! — меня навещают две подружки. Настоящие: приносят хлеб и поднимают настроение. Жить можно.

…Конечно, никто не обещал, что будет легко. Но, земную жизнь пройдя до половины, а, может, и больше, я, оказывается, ожидала от дружбы того, что могу предложить сама в сходной ситуации. Когда-то, впечатлившись теорией «малых дел», я решила, что сделать жизнь близкого тебе человека чуть легче — это самое малое, что мы можем и должны делать в этом суровом мире. Вести себя милосердно по отношению к человечеству и даже к незнакомым тебе людям — трудная задача, а вот помочь близкому — легко и приятно. Повторяю: так мне казалось.

Но в реальности мое старое понятие дружбы теперь идеалистично, а виртуальные френды, наоборот, реальны. Слишком часто дружба в наши дни — милое или не очень милое общение в сети. Я знаю кучу любителей дружить в ЖЖ, с восхищением оценивать друг друга, писать комменты «как ты прав, однако» и посылать по случаю стишки. И все, так сказать. That’s it.

2010



PALUX
NOVEL

Провинция у моря

Ну никак я не могла в очередной раз понять, гуляя по Зеленогорску (бывшему Териоки), почему мы еще не в Европе? Море, вернее, — залив рядом, сады и парки — просто великолепны… а вот не Европа. И не Восток, и не Азия, а неведома зверушка.

Сестрорецк, Комарово, Зеленогорск… Благословенные когда-то места все больше напоминают удаленные депрессивные районы Петербурга. На старой электричке — никаких тебе чудных мягких кресел, все те же лавки, все те же грязные окна — приезжаю в Зеленогорск.

«Зеленогорск — настоящий курорт, гордо носящий это звание вопреки всем климатическим недостаткам нашего города», — утверждает туристический сайт. Позвольте не согласиться. Да, хотелось бы видеть в бывшем Териоки тот курорт, каким он был, например, в 30-е годы прошлого века, когда старые русские дачи были восстановлены и реконструированы под пансионаты. И курорт Териоки завоевал популярность не только в Финляндии, но также и в северных странах. Тогда, оказывается, в городке числились библиотека, издательство, полиция, почта, казино, два банка, семь гостиниц, три учебных заведения, две больницы…

Но в войну 1939–1940 годов Териоки был почти полностью разрушен. А потом началась новая жизнь. Еще в 1960-е, если верить Довлатову, вспоминающему свою поездку на залив в повести «Филиал», — прибрежная наша полоса выглядела не так плохо. «Мы пересекли границу курортной зоны. Теперь можно было выйти на любой станции. Везде можно было найти хороший пляж и чистую столовую…» То ли ностальгические воспоминания окрасили все в розовый цвет, то ли, действительно, не успели к тому времени доконать «провинцию у моря»…

Сейчас маленький Зеленогорск, конечно, тоже старается, спору нет. Власти обихаживают парк — главную достопримечательность, возводят скульптуры — иногда сомнительного художественного значения, а иногда и неплохие — как, например, памятник Примирения скульптора Арсена Аветисяна, где русские и финские винтовки воткнуты в землю и превращаются в деревья. Православная церковь Казанской иконы Божьей Матери и Лютеранская кирха в хорошем состоянии и тоже придают городку особое очарование.

Но все-таки о курорте речь не идет. Повсюду следы недавнего советского прошлого — разбитый асфальт, пропыленные потрескавшиеся стены домов, полуразрушенные заросшие

сорняками строения бывших санаториев… А когда на этом фоне возникают капиталистические штучки, типа яхт-клуба, который торчит в старинном парке, как новенький золотой зуб (там, кстати, можно выпить стаканчик воды рублей за 400), создается впечатление весьма странное.

На главной улице Зеленогорска почти нет симпатичных магазинов и сувенирных лавок, не говоря уж о недорогих кафе. Есть странного вида углы и лавки, где продают китайский ширпотреб, словно задворки Апраксина двора или рынка в новостройках переехали в прибрежный курортный городок. И залив не радует — он загнивает на глазах. И этот запах витает над пляжем. Не думаю, что очистить прибрежную полосу от слоев ила и валунов такая уж непосильная задача. А если построить красивую набережную, чтобы прогулка вдоль залива не ограничивалась короткими перебежками между грядами камней, так и вовсе была бы красота. И возможно, эта красота, наконец, соединилась бы с десятками старых здравниц и новых отелей, некоторые из которых обеспечивают сервис уже почти на европейском уровне.

Сейчас этот сервис заканчивается прямо на пороге. Когда я решила перекусить, в кафе около вполне современной гостиницы мне заявили, что клиентов слишком много (человек пять) и ждать не имеет смысла. В другом кафе прямо на берегу — замечательное место! — предложили разогретые в микроволновке блинчики из магазинной упаковки и сомнительный кофе. Может, законы бизнеса здесь не работают? Или в отсутствии конкуренции и это сойдет? В гостинице я спросила, есть ли в городе кинотеатр (в детских воспоминаниях рисовался какой-то открытый кинозал, полный отдыхающих в красивых платьях). На меня посмотрели, как на сумасшедшую, и предложили сесть в маршрутку и доехать до Питера.

Когда-то в Териоки отдыхала вся интеллигенция Петербурга — Валентин Серов, Александр Блок, Максим Горький… Финны до сих пор хранят память об утерянном городке и наведываются сюда целыми автобусами. И что они видят? Совсем недавно в этих местах, вблизи от Зеленогорска, располагалась старинная финская усадьба, переделанная в детский сад, где проводил когда-то лето мой сын. Однажды у покосившегося ободранного деревянного здания (а как еще могли выглядеть летние детские садики в 90-х?) остановился автомобиль, и оттуда вышел финский гражданин. Он пришел посмотреть на родовое гнездо и разбитый вокруг парк. Говорят, воспитатели плакали с ним вместе. С тех пор мало что изменилось.

Стыдно. Я бывала на финском, эстонском, латвийском

побережьях. Я видела там ухоженные парки и пляжи. Или, может, Финляндия, Эстония, Латвия богаче России? Видимо, да. В чем-то явно богаче.

2011

Все — в сад!

В конце жаркого лета я была потрясена до глубины души. Выйдя в магазин, я увидела, как между нашими хрущевскими пятиэтажками — там, где сохранилась пара рядов старых деревьев (а вокруг — помойка, разруха, мусорные завалы) — вдруг начали разбивать сад.

Нет, конечно, я видела, как трудятся, например, над ландшафтами Летнего сада. С радостью наблюдала когда-то работу над Александровским парком у метро «Горьковская». И вообще, многое в городе меняется, хотя нам всегда хочется, чтобы все было лучше и краше и желательно без существенных потерь. Но никогда я не видела, чтобы в спальном районе у метро «Гражданский проспект», во дворах старых хрущевских домиков, кто-то решил украсить наш быт. Вот изуродовать этот быт страшного вида торговыми центрами и новостройками на каждом шагу — это пожалуйста.

Поймите меня правильно: я не собираюсь петь панегирики городской власти. Только что то тут, то там сограждане воевали ни на жизнь, а на смерть против точечной застройки, выстраивались в пикеты, пытались отстоять зеленые островки у домов. Вот и у нас совсем недавно стройка кипела вовсю — рядом с магазином в глубине двора взлетела вверх новая высотка. И эту стройку, шум механизмов, пыль и грязь все воспринимали как должное. Боялись, не было бы хуже, не застроили бы и небольшой зеленый островок с деревьями, на которых поселились громкоголосые вороны, которые хоть и пугали прохожих, но заставляли задрать голову вверх и полюбоваться кронами старых берез и осин.

И вдруг… случилось невероятное. Во двор пришли добры молодцы приезжего вида, а с ними дядька Черномор, то есть бригадир. Жители хрущевок напряглись — а не начало ли это очередного строительства? Но нет. Ребята начали прокладывать дорожки, застилать газоны дерном, сажать цветы, ставить вдоль дорожек вазоны, выкладывать плиткой красивые площадки, на которых появились новенькие деревянные скамейки. Публика недоумевала.

— Это кто ж так раскошелился? — вопрошала соседская бабушка, привыкшая выносить стул из дома, чтобы погреться на солнышке — скамейки у наших домов к тому времени были истреблены как класс. Дворникам надоело вытаскивать из-под них горы бутылок и прочего мусора.

— Наверно, застройщики постарались, — выдвинула свою

версию мамаша с коляской, — вон там дом строят и парк заодно, чтобы, значит, была инфраструктура…

— Неправда, — крикнул им бригадир, отвлекшись от своих бригадирских обязанностей. — Муниципалы нам заказали сад, вот и делаем.

Народ уважительно притих.

Несколько дней подряд я радостно наблюдала за ходом работ. Траву обильно поливали из шланга, и она послушно зеленела. Скамейки были покрашены благородной морилкой. На дорожках появился рыжий гравий, а у входа в садик возникла табличка «Выгул собак запрещен».

— Они бы лучше написали «Алкоголикам вход заказан!», — вздохнула соседка. — Замусорят ведь, разрушат всю эту красоту. Вандалы! …А может, все-таки не захотят портить? — с надеждой спросила у меня. И я покивала, хотя сама с тоской подумала, что вряд ли.

Ребята между тем закончили свою работу в саду, свернули свои шланги, собрали инструменты, погрузились в микроавтобус и отбыли. А мы, жители соседских домов, остались. В выходные прятались здесь в тени деревьев от жары. И казалось, что ты за городом, сидишь себе на даче — тишина, запах цветов, шелест листьев… Поскольку путь в магазин пролегает как раз через садик, я стала наблюдать за происходящим. Не надеялась, честно говоря, на лучшее, а готовилась к худшему.

Так вот, рапортую: наступила осень, и пока все спокойно. Алкоголики бросают бутылки в урны (благо урн тут много). Молодежь не гогочет на спинках скамеек, а садится и пьет свое пиво в цивилизованной обстановке. Бабушки устроили здесь клуб по интересам — вяжут и обсуждают детей, внуков и проходящих мимо соседей. Заходя в садик, все улыбаются, потому что на входе сидят два льва, странного вида заяц и черепаха. Художественной ценностью эти образцы садово-парковой скульптуры не обладают, но поднимают настроение. В общем, благодать.

Все это показалось мне весьма символичным. Оказывается, многое можно изменить, если исчезнет разруха в головах. Менталитет самого что ни на есть опустившегося бомжа, алкоголика и хулигана — не константа. И этим существам ничто человеческое не чуждо. Не говоря уж об остальных жителях, которые несут окурок в урну, не желая портить «красоту». А всего-то потребовались — вазоны с цветами, красивые скамейки, чистые дорожки и ухоженный газон.

Отдельно взятый садик привел меня к мысли о судьбе отдельно взятого города, отдельно взятой страны и нас —

граждан советского разлива, попавших в зазор между прошлым и будущим. Это будущее может быть прекрасным, вот только разруху в головах бы осилить. На всех уровнях.

2011

Фото Галины Зерниной

Алкогольный дворик

Почти каждый день я прохожу этот дворик, срезая путь по дороге на работу — или посещаю его днем, направляясь на обед. Каждый день дворик заполнен мужчинами вполне трудоспособного возраста. Человек восемь-десять оккупируют лавочки, не давая детям спокойно поиграть. Здесь у местных мужиков тусовка, маевка, клуб по интересам. Интерес впрочем, один — водка.

Все они, как я поняла из долетающих до меня обрывочных бесед, жители близлежащих домов. Вроде не бомжи пока, хотя по внешнему виду не скажешь, что они вышли сегодня из дверей городской квартиры, а не вылезли из канавы, проведя в ней не одну ночь. Они живо обсуждают поведение Машки из 47-й квартиры и политическую ситуацию в мире. Попутно ловят знакомых на предмет «дай сто рублей» и прикидывают, кто пойдет в магазин. На какие деньги они живут, я не знаю, хотя догадываюсь. За спиной каждого маячат жены, мамы, бабушки.

А невдалеке на лавочке сидят опрятно одетые старушки и толкуют о чем-то своем, домашнем. Судя по всему, одинокие такие старушки — дети разлетелись, а мужья… ну, что мужья. Как известно до 65– мало кто из них доживает. Поэтому наш город, как многие другие российские города — город старушек. Тусовка в садике этих соседок не удивляет и не возмущает, они привыкли к этому, как к промозглой питерской весне. «Ты, главное, Ваське денег не давай, — слышу предостережение бабушки в аккуратном питерском беретике. — Все одно — не отдаст». «А я дала недавно… — вздыхает визави в платочке». «Ну, с концами…» — сочувствует «беретик».

В этом дворике я часто вспоминаю своих подруг. У одной муж — нарколог и психотерапевт. Несколько лет назад Борис погиб от передозировки. Он то пил, то переходил на наркотики и при этом лечил людей. «Спасибо вам доктор», говорили ему пациенты, а он из-за стола встать не мог, потому что со вчерашнего дня еще не очухался. Погиб рано, не дожив до пятидесяти. Когда-то я брала у него интервью — он был в моде, лечил известных людей.

«Если я тебе фамилии начну называть — весь наш истеблишмент рухнет, понимаешь?».

У другой моей подруги недавно появился гражданский муж. «Я так его всем представляю, потому что, какая там свадьба… Жить же с ним невозможно. Он когда пьет, уходит в свою

квартиру недели на две. А потом возвращается… Хороший человек, вот только…»

Вот только не может ни работать нормально, ни семьи создать. В общем, жить он не в состоянии, чего уж там. Паралич воли, болезнь. И все задает бессмысленный вопрос: «А что, я в свой законный выходной уже и выпить не могу?». Не можешь, друг мой — ни глотка, ни капли. Это болезнь, вот в чем дело-то.

Третья — одинокая красавица лет тридцати пяти. «Скажи, что со мной не так, — говорит она мне в кафе. У меня что, на лбу написано, что я люблю алкоголиков? Почему они летят ко мне, как пчелы на мед?» Я бы рада оказать психотерапевтическую помощь, провести сеанс психоанализа и найти причину в моей дорогой подруге. Но трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет. Причина в другом — трезвых и адекватных мужчин на душу женского населения гораздо меньше одного. Все дело в повальном пьянстве, в эпидемии, которая посильнее птичьего гриппа. Она косит мужчин, лишая их возможности создавать семью и заниматься инновационной экономикой. Она и до женщин доходит, потому что, цепляясь за своих мужчин, пытаясь вытащить их или составить им компанию, они увязают в том же болоте. А потом рожают детей и надо ли говорить, какими вырастут эти дети?

Ученые выдвигают разные теории — от генетической до экономической. Рассматривают варианты, когда стереотипы пьянства закладываются с младенческого возраста (родители выпивают ежедневно, и это становится нормой для ребенка). Все это так, но, если честно, мне давно не интересны причины того, что в России пьют, а в соседних странах ЕС пьют в разы меньше. Интересно другое — почему общество с этим не борется? Почему на государственном уровне алкоголизм не признается страшной болезнью, разъедающей страну?

Не знаю, помог бы в этом сухой закон или нет. Может быть, и нет. Но повышение акцизов на алкоголь — помогло бы. Продажа пива на каждом углу, огромное количество винных магазинов — все это ведь поддается какой-то корректировке. Есть давно опробованные западными странами ограничения — ну, например, никто в Америке не станет идти по улице с бутылкой пива в руках — это преследуется законом. Продажа спиртного несовершеннолетним преследуется законом. Ларьки с пивом не появятся вблизи школ или университетов. Хулиганские деяния, совершенные в пьяном виде, в западных странах влекут за собой принудительное лечение алкоголика в специальных центрах. И так далее.

«Я пью от тяжелой жизнь», — говорит наш отечественный алкоголик, как говорил он это сто и двести лет назад, когда последнюю заработанную тяжким трудом копейку нес в кабак. Понимание того, что эту тяжелую жизнь можно как-то изменить могло бы стать национальной идеей. Для того чтобы вылечиться, как утверждают психологи Анонимных Алкоголиков, нужно совершить один важный шаг. Сказать себе: «Я — алкоголик». А в нашем случае, признать, что наше общество — больное общество. В нем 80 % взрослых мужчин выпивают в год более 200 полулитровых бутылок водки, то есть более чем 1 бутылку в два дня.

Признаем, наконец, что это — катастрофа.

2010

Закат дачного Петербурга

Любите ли вы дачу? Любите ли вы ее так, как люблю ее я?

Но со многими любимыми вещами приходится прощаться, хотим мы этого или нет. Вот и наша дачная традиция, кажется, трещит по швам. Хотя, казалось бы, чем не повод в кризисное лето вспомнить о недорогих летних радостях?

Еще совсем недавно понятие «дачный Петербург» можно было считать вполне современным — стойкая привычка петербуржцев проводить лето на даче пережила несколько веков.

Само слово «дача», как известно, — порождение петровского времени: тогда царь жаловал («давал») пригородную усадьбу приближенным за особые заслуги. В 19 веке и в начале 20-го иметь дачу — означало принадлежать к высшему или среднему классу. Дачную жизнь воспевали Пушкин, Чехов и Достоевский, Блок прогуливался в Озерках, где «по вечерам над ресторанами горячий воздух дик и глух…» А вообще, жизнь на даче — обычное времяпрепровождение коротким северным летом. Мода из Петербурга пришла и в Москву, и историк Карамзин подмечал еще в 1803 году, что Москва совершенно пустеет летом, трудно даже найти извозчика, потому что все за городом и невозможно понять: то ли они там по делу, то ли отдыхают в тенечке…

В сталинское время на дачах жила номенклатурная и творческая элита — все эти «утомленные солнцем», со страхом ожидавшие ночного шороха шин. Мода на белые чехольчики, покрывающие диваны и кресла пришла из знаменитого дома в Горках.

Огромные участки с приличными домами в Комарово или в подмосковном Переделкино свидетельствовали о творческом и жизненном успехе, признании властями, впрочем, весьма непостоянном. Переделкинский житель Борис Пастернак сформулировал эту тягу к земле внутренне свободного человека: «Какое счастье — работать на себя и семью от зари до зари, сооружать кров, возделывать землю в заботах о пропитании, создавать свой мир, подражая Творцу в сотворении Вселенной, сколько нового передумаешь, пока руки заняты мускульной, телесной или плотничьей работой…» А что еще оставалось поэту в условиях тотальной несвободы?

Потом все выродилось в советские «шесть соток». Помню, как поразили моего немецкого гостя, который путешествовал со мной по ижорским дачным поселкам, склоненные спины людей на огородах. «Кто они, эти рабы на плантациях?» — спрашивал он, а

я объясняла, что как раз никакие они не рабы, а, совсем наоборот: на даче человек чувствует себя свободно и рвется на свою делянку за глотком свежего воздуха. «Как это по-русски…» — сказал бы герой фильма Михалкова «12».

Те, кто дачными сотками не обладал, занимались съемом дач, то есть арендой — в Ленинграде-Петербурге было принято вывозить детей «на воздух». Ведь всем известно, что город наш на болотах и в граните зимой, весной и осенью душит влажностью, а жарким летом становится просто невыносимым.

Дачные радости — чай на веранде, «над озером звенят уключины и раздается женский визг», вечерний бадминтон, велосипедные прогулки, а позже и шашлык на лоне природы — были доступны и арендаторам.

Поселок Разлив вблизи Сестрорецка, с неизменным Лениным у станции, в июне-июле заполнялся отдыхающими. Магазины были полны народа, по Второй Тарховской фланировала публика в купальниках, направляясь на старинные разливские пляжи и Разливную набережную. Запахи шашлыков из каждого двора будоражили воображение.

Сегодня поселок опустел. Коттеджи и настоящие дворцы, в которых живут круглый год или держат пустыми до лучших времен, стали наступать на деревянные домики еще в 90-х. Это были незабываемые «стройки века». По утрам крик подвыпившего прораба означал начало рабочего дня. Быстро росли странные дома эклектичной архитектуры, с башенками и минаретами, или крепости в эстетике «Крестов» — с узкими зарешеченными окошками. И сейчас толстый владелец такого дома по вечерами выходит на улицу покурить — скучно там, за воротами с камерами слежения, что ли?

Или вдруг попадалась точная копия финского домика, но с не по-фински высоким забором. Стройки замирали, вновь возобновлялись — дворцы меняли хозяев, как перчатки. Конечно, нет того размаха, что на Николиной Горе или в Барвихе, однако и здесь есть дома, поражающие воображение, и дачей их никак не назовешь…

Но дачники держались стойко. Охраняли береговую линию, боролись за пляжи — иногда побеждали, иногда проигрывали. Так было на маленьком пляже озера Разлив с вековой сосной посередине. Днем владелец, въехавший со своим домом чуть ли не в озеро, ставил незаконный забор, отгораживая пляж, а ночью дачники окрестных улиц вырывали из земли вкопанные столбы. Та локальная война закончилась победой закона — забор был снесен. Однако в целом береговая линия стала менее доступной.

Сейчас дачная культура сходит на нет: уж строить — так

зимний дом, а снимать дачу на лето — верандочку с туалетом на улице — уже практически негде, да и желающих немного. И поселок Разлив, как и соседняя Тарховка, а по другой ветке — Комарово, Репино, Зеленогорск… летом становятся все менее обитаемыми.

Уходит дачная эпоха. С гамаками, старым бабушкиным самоваром, древними вещами, вывезенными когда-то из города за ненадобностью, с бурьяном у штакетника и неумело посаженной клумбой. С прогулками по лесу с корзинкой — то ли для грибов, то ли для полевых цветов. Со свободными берегами рек и озер. Пригороды медленно, но верно превращаются в «одноэтажный Петербург». И это уже совсем другая история.

2008

Война за право жить

Эту войну я веду весь последний год. Невидимые миру слезы. На карте — мамина жизнь. Врагов слишком много на одного человека, который должен выполнить свой дочерний долг. Первый враг, конечно, болезнь и старость. Второй — вся наша система здравоохранения с ее нечеловеческим лицом. Система, как известно, состоит из винтиков. И если эти винтики сделаны из некачественного материала и собраны не так, как надо, то ничего у нас с мамой не получается. А речь идет о врачах, медсестрах, чиновников от медицины и том фашистском менталитете, который сложился в нашей стране здесь и сейчас.

«Скорая» приезжает скоро, но, кажется, что лучше бы не приезжала. Они топают сапогами по ковру, они зевают нам в лицо, они пожимают плечами и откровенно хамят. «А что вы хотите? Возраст…» Я хочу, чтобы моему близкому человеку помогли. И помогли профессионально. Я сую деньги, чтобы везли в хорошую больницу. Не помогает — и везут все равно в плохую. Не оборачиваясь, врач и фельдшер идут в машину — я тащу маму буквально на себе.

Приемный покой многопрофильной городской больницы — не поддается никакому описанию. Я хочу, чтобы губернатор нашего города когда-нибудь оказался в нем, пусть даже просто на экскурсии. Не в специально отремонтированном показушном отделении, где трут полы по три раза в день — а здесь, в ночном приемном покое, где один старенький врач-пенсионер обслуживает десятки тяжелых пациентов, привозимых по скорой помощи со всего района. Лежат инсультники, кровоточат раны пострадавших — никто не бежит с каталками и бригадами, готовыми экстренно помочь, спасти, облегчить страдания. На грязных, вонючих лавках, опираясь на заплеванную стену, мы с мамой сидели два часа. Я «бегала по потолку», пока врач не посмотрел лениво и не сказал «А зачем вы ее привезли? У нас нет мест». «Я привезла? Это же „скорая“ привезла!» Это никого не интересует, «скорая» давно уехала везти следующего страдальца.

В этой больнице мама провела два месяца. После долгих разговоров и милым, интеллигентным главврачом ее действительно начали лечить. На остальных бабушек в этой палате было больно смотреть. Одна из них умерла, не дождавшись врача, за которым побежали соседки по палате… За

эти два месяца в больнице маме так и не поставили правильного главного диагноза, который потом поставили на платном приеме.

И начались новые круги ада, которые у нас называются бесплатным лечением онкологических заболеваний. Миллион инстанций. Миллион справок, многочасовые очереди и блат, блат, блат… Я не буду уходить в подробности. Попавшийся на этом пути хирург от Бога — подарок судьбы. Добрая медсестра-сиделка, осуществляющая уход в больнице — живет не на свою мизерную зарплату, которую мы обеспечиваем своими отчислениями, а на вполне реальный кэш, который я плачу из своего кармана.

Я плачу за хорошее лекарство, за бандажи, за что-то еще… плачу хирургу, анестезиологу. И эти деньги, конечно, превышают мою зарплату и мамину пенсию. Я вытягиваю эту ситуацию как могу. Злая медсестра — не подходит к больному, не дает ему ключи от ванной комнаты, орет на него — и все потому, что ей не положили в карман черную зарплату. Серые стены больницы со стенгазетами советского времени навевают нечеловеческую тоску. Устойчивый запах беды и нищеты преследует нас в коридорах и палатах. Я ношусь из больницы на работу и обратно, я должна зарабатывать деньги. Мои силы истощаются, хотя я знаю, знаю эту знаменитую фразу «Сам погибай, а родителей выручай». Неужели именно этого ждет от меня государство?

Конечно, я не одна в такой ситуации. Имя нам — легион. Государство скинуло на нас свои вечные функции обеспечить пристойную жизнь слабым, старым и больным. Зачем? Есть же дети… Не знаю, как это назвать. Я бы назвала это геноцидом. Геноцидом не против стариков, как таковых, хотя множество воспитанных этой системой врачей за пациентов их не считают… Это геноцид против народа. Государство махнуло на нас с мамой рукой. Мы — не очень юные и не очень здоровые ему не нужны. Вернее я-то пока вроде нужна. Чтобы платить налоги и доплачивать медсестрам и врачам недоплаченную государством зарплату.

Моя мама пережила войну и эвакуацию. Она закончила наш знаменитый университет, она сама воспитала сотни учеников, и теперь они обрывают мне телефон. Я не знаю, какими вырастут наши дети, глядя на то, что происходит сейчас с их дедушками и бабушками, прожившими долгую, трудную, достойную уважения жизнь.

Возникла одна конструктивная мысль. А что, если вместе с

обнародованием своих доходов мэры и чиновники размесят рядом говорящие цифры: доход практикующего врача, участкового врача, медсестры, сиделки… Я говорю об официальных цифрах — во сколько государство оценивает труд сестры-сиделки, которая выхаживает вашу старенькую маму после тяжелой операции? А труд хирурга? Я не буду называть эти цифры, мы примерно представляем, какой процент от дохода чиновника составляет эта сумма. Пенсия моей мамы — 9 000 рублей. Говорят, это немало. 20 000 черных рублей мы заплатили за послеоперационный уход, потому что государство платить — отказывается… И это лишь один пример. Мне стыдно жить в такой стране.

2010

Фото Галины Зерниной

Трудности перевода

В конце лета в кафе на Невском сидел грустный турист-американец и смотрел на карту, как на новые ворота. Я попыталась помочь разобраться, где Петропавловка и с чем ее едят. Он обрадовался, заволновался, залопотал на калифорнийском английском. По всему выходило, что Петербург его разочаровал. Во-первых, москиты. Они кусаются. И нигде нет screens — таких специальных экранов на окнах, а есть странные штуки, которые втыкают в розетку. И вопреки сложному устройству десять москитов укусили его за ногу.

Во-вторых, он солнечно улыбается прохожим. «Я устанавливаю контакт глаза в глаза. А они думают, я crazy». В-третьих, остановки в метро объявляют по-русски. Это никуда не годится, тем более что он в метро вообще первый раз в жизни. Он не был в Нью-Йорке. Он не был в Вашингтоне. Однажды выехал из своей деревушки в Сан-Франциско. Зато теперь он в Санкт-Петербурге. И знает пока только название своего района «Весьолый па — селок». Там живет девушка, которая позвала его в Россию, а теперь исполнительно ходит на работу, бросая его на произвол судьбы. «Жаль, что здесь нет моего грузовика» — тоскует калифорниец. «И океана тоже нет…» На океан он обычно ездит на своем грузовике…

Он здорово меня утомил. «А вы знаете, что в районе Литейного моста, например, течение довольно сильное. А у Летнего сада глубина — метров 18?…» — спрашиваю его. И повествую о затонувших в Неве и заливе кораблях, о Невской губе и Финском заливе, об окне в Европу, о Петре и недавнем перезахоронении в Петропавловской крепости… Он недоверчиво улыбается, потому что не верит. Не верит, что все так сложно и интересно и жаждет родных океанских просторов. Надеюсь, эта жертва любви по Интернету все-таки не пожалеет о лете в России. Но, кажется, он уедет разочарованный. Он ничего не понял. А непонимание рождает страх.

На стажировке в США меня попросили прочитать лекцию 20-летним студентам о современных российских СМИ. Из всех работавших на факультете журналистики этого крупного университета профессоров, только двое выезжали из США дальше Канады. Они для своего вояжа выбрали Великобританию — там им проще общаться. Им не очень интересен мир другого полушария.

А, с другой стороны, кому он интересен в России? Понимаем ли мы эту страну, где тебя встречают радостной улыбкой в

супермаркете, как будто ты близкий родственник, приехавший после дальнего отсутствия? И это ровным счетом ничего не значит — но эта условность поднимает тебе настроение на весь день и помогает выжить в довольно жестком мире. Где никто никогда не займет место рядом с тобой за столиком кафе — они свято чтут свое и чужое право на частную жизнь. Где не подадут тебе руку в автобусе, потому что побоятся оскорбить твое женское достоинство, отстаиваемое здесь десятилетиями. Где книги читают только интеллектуалы — они же никогда не пойдут в Макдоналдс, а приготовят сложное японское блюдо специально для тебя. Где от тебя требуется одно — работать, и социальный лифт исправно вывезет тебя на более высокий уровень, только шевели лапками, не бездельничай… И ты вряд ли в концу жизни окажешься в положении наших пенсионеров — «голый человек на голой земле». А если ты имеешь счастье принадлежать к меньшинству (национальному ли, сексуальному ли и так далее), то дела твои просто прекрасны, гораздо лучше иногда, чем у представителя скучного большинства. Например, получишь работу вне общего конкурса. Уроки недавней истории и многолетняя кропотливая работу по устройству общества привели вот к таким парадоксам.

Где ухаживания строго регламентированы — на первом свидании проводить, на втором — поцеловать, на третьем… ну и так далее… Обилие клише в поведении и в языке порождают строгую упорядоченность жизни. С сказать «Дайте мне, пожалуйста, кофе» — нельзя, это грубость. А надо «Добрый день. Я бы хотела чашку кофе…»

Если вы думаете, что все это неважно — ошибаетесь. И тут не подходят оценочные эпитеты. Мы должны просто понимать, а не оценивать друг друга. А кто-то вместо этого с идиотской задорновской улыбкой тянет «Ну, ту-у-пы-ы-е…» Типа, презирает.

Они же видят вечно хмурого Сергея Лаврова, слышат суровые речи президента и, конечно, боятся. Или — опасаются. Нам нужно, чтобы они боялись? На страхе можно построить нормальные отношения?

Это, конечно, сильно нам поможет их понять.

Это здорово им поможет в разгадке тайн российской души.

2010

Фото Владимира Григорьева

Беда России — мастера и отремонтированные ими квартиры

Лето — пора путешествий. В далекие края или… в ближайший магазин стройматериалов. Немногим удается совместить эти удовольствия в рамках одного отпуска. И тем, кому доведется выбрать второе — я искренне сочувствую. Наша борьба за чистоту и цивилизованность среды обитания носит мучительный характер. Привести свое жилище в соответствие европейским стандартам с малыми потерями удается немногим.

В ситуации, когда, покупая новую квартиру, ты оказываешься в недостроенной коробке, или, сдирая обои в старой, вдруг обнаруживаешь огромные щели между стенами и полом, твои страдания могут затянуться. Ремонт по-русски имеет интересную особенность: раз начавшись, он норовит длиться вечно. Выжившие долго приходят в себя, перебирая детали.

Мы с подругой одновременно превратились в прорабов. Она в своей квартире пыталась заменить пол на кухне — и все закончилось полным разгромом с крушением стен и необходимостью покупать новую сантехнику, мебель и стиральную машину. Муж бежал на дачу, холодно заявив, что «с него хватит».

Я же хотела ограничиться скромной косметикой в комнатах и увязла в ней по самые уши.

Давно заметила: наша битва за чистоту и приличный вид жилища — это как битва за урожай со стихией, причем в роли стихии выступают строительные рабочие всех мастей и калибров.

У подруги Лены в коридоре на полу целые сутки лежал яркий представитель бригады ремонтников.

«Ему плохо? Вызвать „скорую?“» — волновалась Лена.

«Ему хорошо!» — ответствовали члены бригады, громко прихлебывая чай из ее любимых чашек, которые рабочие обнаружили на кухне. «Скоро оклемается».

«А прихожую делать будем?» — с этим вопросом мой мастер схватил уголок обоев и с силой рванул, чтобы посмотреть, что там под ними.

«Теперь уже да», — отвечала я. Он удовлетворенно кивнул.

…К вопросу об авансе я была готова и сказала свое твердое «Нет».

Уж я-то помню, как аванс затормозил мой предыдущий ремонт на целую неделю, в течение которой маляры пребывали в

тяжелом запое, после чего все поклеили вкривь и вкось. Но опыт меня не спас.

Мастер вздохнул, посмотрел на меня с легкой укоризной и неспешно приступил к делу. Как выяснилось, он никуда не торопился и вдумчиво шпаклевал стену вот уже который день. Через две недели он неожиданно исчез, выключив телефон и не получив ни копейки денег. Нет, одна эсэмэска пришла. Цитирую: «Я дико извиняюсь!!!».

Может из Питера начали исчезать люди, как из булгаковской Москвы? И мой мастер очнулся где-нибудь в Ялте как Степа Лиходеев?

Подруги развлекали меня леденящими душу историями об украденных серебряных ложках, загубленной в процессе ремонта мебели, малярных кистях в новой ванне, бесстыдного вымогательства и бесстыдной халтуры. Например, подруга, отпраздновав окончание эпопеи ремонта, проснулась ночью от странного треска. Это трещали и отваливались обои на кухне. «Клей некачественный! — вынес вердикт народный умелец. — А мы-то тут при чем?»

«У вас слишком много мебели», — неодобрительно поглядывая в сторону маминого любимого шкафа, заявили мои очередные мастера. Я немедленно почувствовала себя виновной и с трудом поборола желание вынести всю мебель на помойку, освободив им поле деятельности. Вовремя спохватилась и жестко сказала: «Да. И что?». «Прибавку бы…» — задумался бригадир. Начался торг, бессмысленный и беспощадный.

В процессе этой свистопляски ты сталкиваешься с парой странных явлений, объяснений которым найти трудно.

При обилии материалов во всех этих Косторамах и Строймастерах никак не удается найти нужный тебе оттенок обоев и как воздух необходимый порожек для двери. «Нет и не будет», — меланхолично отвечает продавец и спешит прочь от тебя, благо магазин большой, бежать легко.

Еще один странный феномен: цены за одну и ту же работу в твоей квартире имеют такой разброс, что возникает ощущение — они всего лишь отражают разные представления мастеров о желаемом уровне жизни.

«Мне надо закончить через неделю, мы едем с семьей в Грецию», — томно говорят они клиенту. «А вы куда?» — «А мы в этом году — никуда!»— злобно отвечает клиент.

Но чаще ваш ремонт никак не подходит к концу, и вы вынуждены вдыхать аромат клея и краски, сидя в разоренных комнатах и совершая короткие перебежки в сторону шкафа с одеждой. А что делать? Нужно же как-то умудриться выйти из

квартиры в чистом костюме.

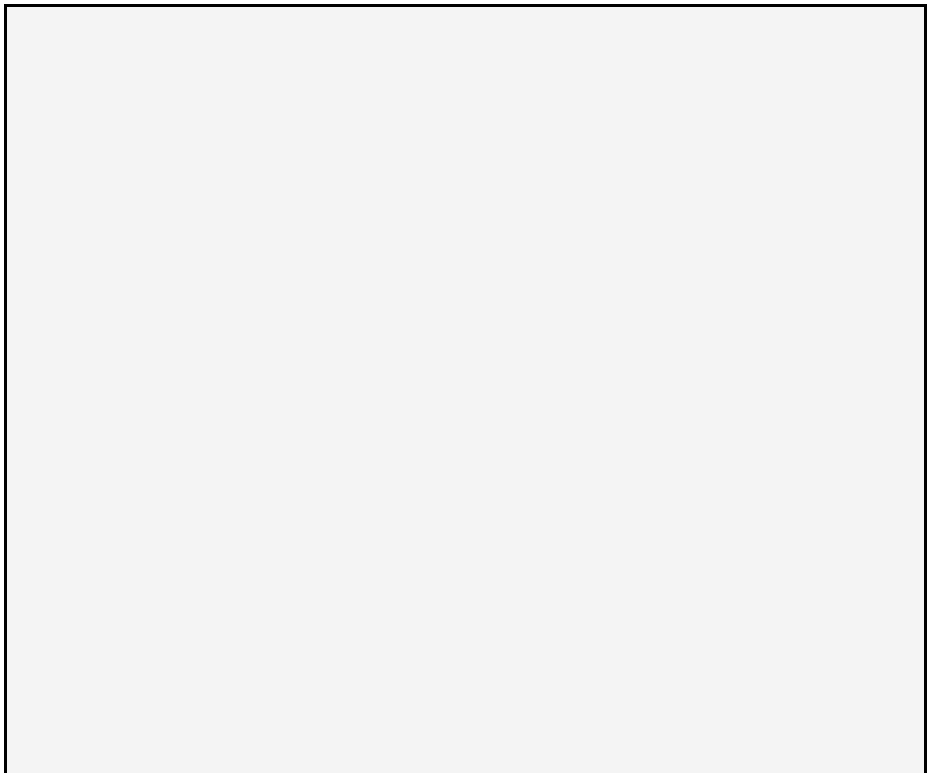
И вот в то время как ваши друзья демонстрируют вам виды собора Гауди, портреты героини в соблазнительных позах на пляже, фото мужа героини, обнимающего незнакомую блондинку («Это одна докторша из Владивостока. Мы подружились!»), и так далее, вы подсчитываете в уме, сколько денег потребует очередное указание мастера, который хочет вам только добра.

Закончив, наконец, ремонт, подсчитываем потери в этом неравном бою. Загубленный пол, потолок со странными разводами, груды строительного мусора и немалые деньги, отданные за удовольствие. А ведь так хотелось пожить в чистой красивой квартире — собственно на западе мы других и не видим.

Но… отличное настроение. Все кончилось. Они ушли. Я их больше не увижу… до следующего лета. Мне же предстоит ремонт кухни.

Беда России — дураки и дороги? Это старо. Одна из бед России — мастера и отремонтированные ими квартиры. Из личного опыта.

2009



"ПУШКИН И
СЧАС
ДЛЯ ВСЕХ...
ЯН

Поезд изогнулся и сверкнул чешуей…

Прощай, Хельсинки! Домой, домой…

Я ехала в комфортабельном вагоне поезда Хельсинки-Санкт-Петербург. Кажется, в этом довольно уютном железнодорожном пространстве я, единственная, представляла славный город Петербург. Вокруг щебетали граждане Евросоюза, и на фоне финского и шведского щебета я услышала вопрос по-английски со знакомым американским акцентом.

Американец Пол, как выяснилось, путешествовал по миру и вот решил из Хельсинки перебраться в Россию. Теперь этот продвинутый американец (непродвинутые всю жизнь сидят в Спрингфилдах — знаете ли вы, что в каждом штате есть свой город Спрингфилд?) обрадовался тому, что можно помучить меня расспросами о том, когда была война России с Финляндией и что значит слово «Petergoff»…

Впрочем, я не об этом. А о том, что я не случайно была в этом вагоне единственной российской гражданкой. Мои соотечественники экономят и, в основном, поездом не ездят. Они передвигаются в соседнюю страну и обратно автобусами, трясутся в микроавтобусах и стоят в километровых автомобильных очередях на границе. Я их понимаю, как никто, но, к сожалению, автобус вынести не могу, машины не имею. И вот плачу за комфорт деньги, которые у жителей Евросоюза и путешественников из США не вызывают никакого трепета, они себе спокойно путешествуют, хоть порой и не знают ничего о российско-финской войне. А вот мои подруги удивленно пожимают плечами. «Зачем так тратиться?»

Вот такие парадоксы стали меня занимать этим летом, когда западный турист ринулся в Петербург, а мы колесили по миру… «Если ты такой умный, почему ты такой бедный?», думала я, жалея тех, кто едет из Хельсинки на автобусе с огромными сумками, полными продуктов и тряпок и даже(!) чудных таблеток для стиральных машин.

А тем временем поезд прибывал на Финляндский вокзал.

После Хельсинки с его промытой зеленью и патриархальными домиками совсем рядом со столицей, угрюмые закоулки на подъезде к Финляндскому вокзалу, кажется, не на шутку напугали моего американского визави. Он с недоумением озирал

шанхайские постройки с намалеванными неприличными надписями; слегка удивился мрачному виду Крестов, с зарешеченными бойницами — с видом прямо на наш скорый поезд; старые, страшные железнодорожные составы тоже не радовали глаз; зелень осталась где-то на уровне Комарово. Я представила себе первые впечатления человека, прибывшего в город Петра и вздрогнула.

Пол ехал посмотреть на «Русский Версаль», но для начала должен был окунуться в русскую нищету, нецивилизованность и грязь вопреки недешевым железнодорожным билетам.

И ведь все западные туристы проходят через это, вдруг поняла я. Стоит ли удивляться тому, как странно они порой ведут себя в нашем городе? Недавно мы с друзьями сидели в одном маленьком уютном ресторане, где вечерами негромко играют джаз. Все было тихо и, не побоюсь этого слова, романтично до того момента, как в ресторан не ввалилась группа французских туристов. Они громко хохотали, требовали меню, напрочь заглушили двух музыкантов, которые пытались продолжать выступление. Они не обращали внимания на других посетителей ресторана и явно считали само собой разумеющимся, что все внимание официантов уделялось только им. В чем сила брат? В евро.

Уверена, ни в одной европейской стране эти туристы не стали бы вести себя столь вызывающе. Они бы осмотрелись, осознали бы, что попали не в паб, а в ресторан, и слегка бы поутихли, побоявшись того, что им укажут на дверь. Но в России западный турист — представитель среднего класса в своей Франции, Финляндии, Америке — чувствует себя королем. Он понимает, что приехал в дикую, только местами цивилизованную страну, и может позволить себе расслабиться. Потом, свысока удивляясь хорошей кухне в ресторане и красивому дворцу в Петергофе, он отбудет в свою европейскую фазенду и долго будет рассказывать о тюрьме «Kresti», которую увидел из окна поезда. Ну, что с них взять, дикари…

Если честно, мне это изрядно надоело. Этот вечный комплекс страны, семьдесят лет просидевшей за железным занавесом, преследует нас по сей день. Закомплексованные официантки с извиняющимися улыбками, наши бабушки, с ужасом спрашивающие иностранных гостей, что они едят на завтрак (ну, не подавать же им нашу кашу!), я — вынужденная объяснять, почему въезд в город отмечен видом на тюрьму и поломанные вагоны…

Там где нет комплекса — есть спокойное осознание своей самобытности. Да, от истории никуда не деться, но мы же давно

знаем, как надо, а получается…

Те, кто покрасили оградки пригодных станций в ядовито зеленый цвет и решили, что этого нам и иностранным гостям, глядящим в окна поезда будет достаточно… Те, кто позакрывали половину станций метро, что сделало передвижение по городу сложной задачей со многими неизвестными даже для жителя города, не говоря уж о туристе…. Те, кто решили, что отключение горячей воды на месяц — это нормально, ничего, перебьются….

Вот эти люди не дают мне возможность спокойно разговаривать с иностранцами и не чувствовать своей ущербности. Я не хочу, чтобы бухгалтер из Прованса (или риэлтор из Спрингфилда) за мой счет ощутил бы себя, наконец, человеком в городе Петербурге и отрывался бы здесь по полной — а потом бы возвращался в свой чистенький домик с садиком, где никто и никогда не отключит ему горячую воду.

2009

Фото Галины Зерниной

Глухая пора листопада

Золотая осень бывает не всегда. Она как приз. Как подарок, за что-то нам врученный природой — может быть за тяжелую затяжную зиму или короткое маловразумительное лето. И «день стоит словно хрустальный, и лучезарны вечера». Можно выбрать этот день и этот вечер, и отправиться в осень.

В этот раз золото просыпалось на город и пригороды. И среди дождей выглянуло солнце, преобразив и украсив и без того невероятные пейзажи, которых немало в пригородах Петербурга. Загорелись на солнце Павловск и Царское село. Туда мы отправились в выходные, чтобы ходить, шуршать листьями, смотреть на это «золото на голубом». Павловск встретил нас провинциальной тишиной. В каком-то советском кафе на подступах к парку вовсю гуляли женщины средних лет, отмечая именины. Величественность дворцов и парков вступала в резкий контраст с этой провинцией не у моря. По дорожкам парка ходили парочки влюбленных, фотографировались у знаменитых павловских львов. Львы доверчиво смотрели, повернув к слегка поднадоевшим за сотни лет гостям потрескавшиеся морды. На самого симпатичного кто-то надел венок из кленовых листьев. Так он царственно и смотрел на нас в рыжем, сверкающем на солнце ореоле листьев.

Дворцы сияли сквозь золотую листву, на озере слышался плеск весла, мимо лодки, бесшумно скользящей по воде, проплывали импрессионистические пейзажи. Отраженные в воде, они создавали удивительную картину, которую только там и увидишь…

А вот если сесть на маршрутку и добраться в этот же день до Пушкина, то там вас ждет совсем другая история. Там толпы шумных туристов выпадают из автобусов на дорожки регулярного Екатерининского парка и романтически запущенного Александровского. Там очереди в Агатовые комнаты, там вездесущие японские туристы и дети, швыряющие друг в друга ворох листвы. И лотки с сувенирами, и блины с пирожками, и официанты, сбивающиеся с ног… А парк у дворца — парадный, торжественный, то осенний, то вдруг поражающий зеленым кустарником и поздними цветами — кусочек лета среди осени.

Если пройти чуть дальше, забраться вглубь Александровского парка, дорожка выведет к Александровскому дворцу. Совсем недавно этот красивейший дворец, построенный в 1796 году для будущего императора Александра I по проекту Кваренги стоял в полной разрухе — и вот он во всем великолепии, с двойными

флигелями, только внутри не все готово, идет реставрация. Но что-то уже можно увидеть… Особенно поражают своей простотой и лаконичностью комнаты последнего царя — с 1904 года Александровский дворец стал постоянной резиденцией Николая II, который родился здесь и с особой теплотой относился к Царскому Селу. Здесь прошли последние 13 лет его царствования — отсюда утром 1 августа 1917 года императорская семья была отправлена в ссылку в Тобольск. Какая-то удивительная гармония в убранстве комнат царской семьи, уютной гостиной, скромной спальне и детской.

И как гром среди ясного неба в этом уюте — горькая судьба домочадцев. И судьба самого дворца — во время оккупации Пушкина в Александровском дворце размещался немецкий штаб и гестапо, в подвалах — тюрьма; площадь перед дворцом была превращена в кладбище солдат СС. Слои истории — навсегда в этих камнях. А вид из окна дворца — все тот же, он не меняется, что бы ни происходило внутри.

Обратно возвращаемся сквозь лицейскую арку — я смотрю на окна лицейской библиотеки и маленьких спален — «Моя студенческая келья вдруг озарилась…» — тень Пушкина здесь навсегда. Здесь понимаешь, почему он так любил это время года, какая красота окружала лицеистов в дни «осени первоначальной». Каково это было — взрослеть, учиться, в этой красоте и гармонии.

Но тихий Павловск с его просторами, живописными постройками, неожиданными скульптурами на золотом фоне запомнился мне в этот раз ярче, врезался в сердце навсегда. Теперь я знаю точно — в дни золотой осени можно и нужно ненадолго забыть о бушующем мире. «Глухая пора листопада» — она для того и существует, наверное, чтобы погрузиться в этот тихий мир, подумать о чем-то несуетном, вечном. Здесь, в Павловске, история становится близкой, как будто только вчера дамы в кринолинах неспешно шли по дорожкам и звучала музыка Штрауса.

Однажды в поезде дальнего следования я проснулась, когда мы подъезжали к Павловску, и вышла в коридор вагона. Проходящий мимо электрик посмотрел на меня и произнес, казалось бы, странную фразу: «А что вы не спите? Концерта в Павловске все равно не будет…».

Он знал о Павловске то, что знают не многие электрики — он знал о его музыкальном прошлом.

Конечно, они будут и сейчас, эти концерты в Павловске — но главное, что они были тогда, что звуки музыки запечатлены в этой вечной красоте, вечной гармонии, которая уже никуда не денется, не исчезнет, во всяком случае, хочется в это верить.

Приезжайте в осенний Павловск и в Царское Село, когда вы счастливы, влюблены, когда весь мир кажется новым и прекрасным. Приезжайте и тогда, когда душа требует отдыха, красоты и покоя. Прогулки в эту золотую пору по нашим царственным пригородам обладают целительной силой.

2013

Зимняя сказка по-питерски

Зимняя депрессия во многом связана у нас с сугубо петербургскими зимними проблемами. А именно — снег, лед и нависшие над головой сосульки, как всегда, явились к нам неожиданно и оптимизма не прибавили. Никто не был готов к такой подлянке.

Петроградский район. Тропинка в сугробах. Бабушка с палочкой чуть не плачет. Тащу на себе бабушку, а снеговые завалы все не кончаются. Еще немножко, и мы с незнакомой мне питерской бабулей, живущей по соседству, поляжем здесь, в этих снегах. Так я шла на работу.

Фотография в социальной сети: котенок прокладывает себе путь в снегу. Видны только очумевшие глаза и хвост трубой. Вопрос: «А вы, как вчера добирались на работу?» Вот так мы и добирались. Не дорога, а сложный ребус. «Кроксворд», как говорил Аркадий Райкин.

В снег и на присыпанный снегом лед я попадаю сразу у дома — просто тротуар у подъезда для меня недоступен, там трубу прорвало, чинить ее будут долго и упорно, поэтому мой удел — снежная тропка. И так до самого проспекта. Ну, потом легче, главное у метро не навернуться — там каток, не присыпанный песком. На выходе из метро «Выборгская» — снова тропка в снегу, ее никак не обойти, уже который сезон люди по ней бегают, пританцовывая, делая сложны па и с трудом сохраняя равновесие — а бегут они к остановкам автобуса и трамвая. Некоторые падают. Многие оказываются потом в травмпунктах, но мы не знаем, сколько этих несчастных. По свидетельству наших журналистов, таких данных нет ни в комитете по здравоохранению, ни в Скорой помощи. Вопрос «Почему?» считаю риторическим. Пресс-секретари уклоняются. Потому. Ни к чему вам, граждане, эта печальная информация.

Поменялся губернатор и поменял свою администрацию. Не смог поменять только питерскую погоду и то, как чиновники решают связанные с этой погодой проблемы. То есть все осталось на своих местах. Город чистят местами. А местами не чистят. Грозный губернатор иногда видит эти неочищенные острова, осуществляет прорыв и оказывается там вопреки свите, указывает на лед и снег и призывает виноватых к ответу по всей строгости.

А снег продолжает падать с неба, и моя немолодая тетушка боится выйти из своего дома на улице Жуковского. Потому что выйдет она, и что? Прямое попадание в сугроб. Этот сугроб упал с крыши — там веселые ребята из ближнего зарубежья орудовали

лопатами, разбили форточку соседу и навалили кучу у подъезда. Так что, куда моя тетя пойдет, и главное, вернется ли обратно невредимой — большой вопрос.

Ну, и сосули пресловутые, куда же без них. Они тут как тут, дополняют интерьер питерской улицы — висели при Матвиенко, висят при Полтавченко. Они всех переживут. Дождемся ли мы лазерных технологий не знаю, а вот первых трагических происшествий уже дождались.

В общем, ситуация такова. Мы падали на льду (я лично это делала два раза за одну зиму) и уворачивались от сосулек при Матвиенко, мы продолжаем это делать в этом году, и что-то подсказывает мне, что новогодний праздник тоже чудесным образом вопрос не решит. Я не видела особой активности в нашем дворе два года назад — не вижу ее и сейчас. Стук лопат и гул уборочного комбайна не будит меня по утрам, скорее, веселые группки гастарбайтеров с лопатами наперевес просто дополняют зимний пейзаж. Насколько удачно — не скажу. Хотелось бы увидеть лопаты в действии.

Если меня спросят, люблю ли я зиму, я отвечу «Да». Я не стремлюсь в это время года в жаркие края, меня устраивает легкий морозец и снеговые шапки на ветках деревьев. «Зимы ждала, жала природа…» и я вместе с ней. Но, наверное, оказаться в это время года где-нибудь в Финляндии было бы здорово. И не потому что я так люблю Суоми. Просто не хочется рисковать — здоровьем. Своим, своих близких и далеких соотечественников. Ну не заслужили они такой «зимней сказки».

2011

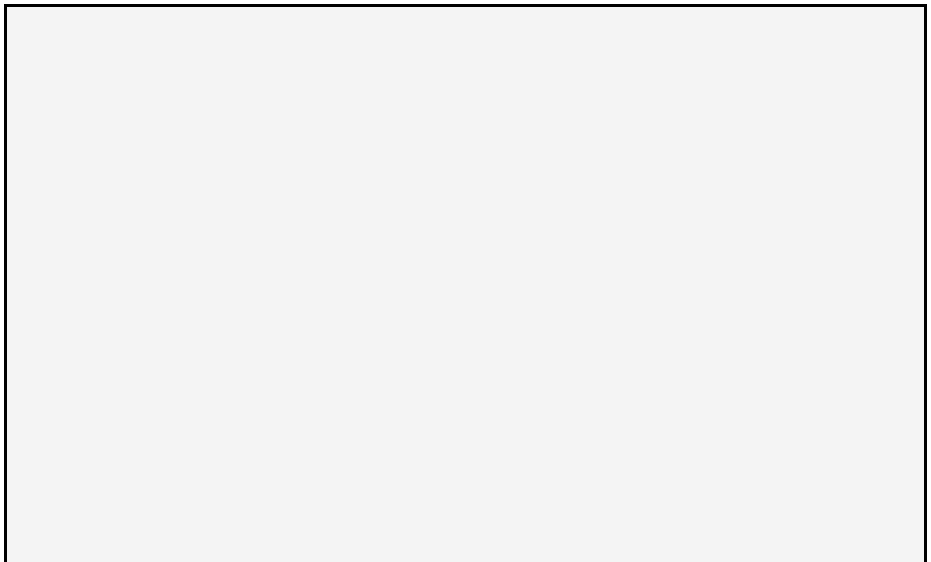


Фото Галины Зерниной

Улица моей мечты

Я много лет хожу по этой улице. Нет, жить в центре мне не довелось, и потому моя любовь к этой улице лишена привкуса ностальгии. Но здесь живут друзья и родные. Да, я знаю, что когда-то улица называлась Преображенской, потом Офицерской, потом Знаменской.

Здесь каждый камень меня помнит, хотя камней, вернее старого асфальта уже не осталось. Теперь тротуары красиво выложены плиткой, по которой зимой ходить — сплошное мучение, что на каблуках, что без. Все скользят и спотыкаются, поминая недобрым словом любителей плиточных тротуаров без подогрева. Наверное, мастера решили, что ремонтируют тихую итальянскую улочку, ведущую к морю. Как Доминик Перро, который когда-то задумал сделать ажурное здание театра, накрыв его стеклянным покрывалом в суровом зимнем Питере, так и наши строители порой забывают, где находятся.

В общем, речь идет об улице Восстания, вернее, о небольшом ее отрезке. Повернете с Невского и…

И — разруха, стройка века, здесь будет город-сад. А пока — сада нет, а есть ремонт ни на один год: ухают сложные механизмы, трещат стены соседних зданий. Кому-то (не будем уточнять кому) понадобилось построить здесь очередной торговый комплекс с паркингами и бутиками.

Вот все, ребята, у нас есть, а бутиков с паркингами очень не хватает. Особенно бутиков. Особенно в городе Петербурге, где зарплата в тысячу долларов считается хорошей, а тряпок дешевле трех тысяч в бутике испокон веков не было. И грядут, как мы знаем, увольнения, падение зарплат, сокращение довольствия. Ну, мало нам магазинов, в которых болтается один покупатель на целый отряд вышколенных продавщиц.

А раньше… Я смутно помню эту улицу до эпохи перемен. Кажется, когда-то там был трамвай, весело позванивающий на поворотах. Помню серые, но красивые дома, построенные в начале века (а некоторым еще больше лет, и они не сдались под напором инвесторов), больницу в здании женского института, старые, но внушительные двери с названиями каких-то канувших в небытие контор, продуктовые магазины. Все стало меняться в 90-х.

Появились новые кафе — вывески слетали со скоростью разорения владельцев, а от чего эта скорость зависела, уж и не знаю. Однажды меня привлекла витрина, появившаяся в доме слева — «Магазин знакомств». В витрине смешные объявления: «Бомж познакомится с бомж для совместного проведения досуга».

Но скоро этот островок частного предпринимательства был сметен ветрами перемен, и на его месте стали появляться кафе: дорогое, не очень дорогое… Наконец, все — кончен бал, погасли свечи. Домик украли, поставили высокий строительный забор.

Идем дальше. Хороший недорогой галантерейный магазин, где я так любила разглядывать сумки, бижутерию, косметику, приказал долго жить. Маленькая кафешка «Капуцин», где так удобно пить кофе с деловыми партнерами, как-то держится уже лет семь, не меньше. Браво, хочется пожать руку хозяину заведения. Элитный салон, элитный бутик — пропускаем… Секонд-хенд во дворе оказался живее всех живых — держится уже не первый год, не зарастет к нему народная тропа. Канцелярский магазин тоже вцепился в дом мертвой хваткой — ну хорошо ему здесь, много офисного люда разгуливает по тротуарам, вот только надолго ли? «„Офисный планктон“ первым пострадает в кризисе» — в этом уверены многие аналитики.

Кафе разного достоинства и национальной принадлежности всегда полны — это плюс. Практически нет продуктовых магазинов — это минус. Все эти лавочки и магазинчики с фруктами и пирожными не выдержали нашествия ретейла на российский рынок — вот только, как гипермаркетам развернуться в центре? Никак. Негде. Поэтому жители окрестных домов могут обойтись без хлеба. Единственный на пол-улицы магазин задирает цены — маленький, но гордый продмаг в окружении кафе и бутиков знает, что деваться покупателю некуда…

…Как выяснилось, именно в октябре 1923-го, ровно 85 лет назад, эта старая питерская улица стала улицей Восстания. И когда-то она избежала переименования, чему я даже рада. Я ее люблю вопреки названию. Я не хочу восстаний, переворотов, свержений и кровавого передала, и это название лишний раз напоминает, что всего этого нам не надо. Но хотелось бы, чтобы на улице теплилась жизнь — люди гуляли с детьми, заходили в кафе и доступные магазины, любовались сохранившейся стариной, а не устрашающим новоделом. Просто жили.

2014

Фотография на память

Мир 90-х видится мне монохромным. Никакой лихости тех лет не помню, а помню глотки свежего воздуха, мечты и грезы. Эти куски жизни остались на черно-белых фотографиях, которые мы делали для газеты. Но в этом есть неким символизм, мир действительно был, как мне кажется, черно-белым.

Интересная тенденция, однако. Все начали выкладывать в социальные сети старые черно-белые фотографии. И даже то, что ты на этих фотографиях — моложе на — дцать лет и десять килограммов, кажется, никого не останавливает. Что это — ностальгия, усталость от сегодняшнего разноцветья или от сегодняшнего непонимания — где белое, а где черное?

И я, поддавшись общему ностальгическому настроению, выложила несколько фотографий из 90-х. А поскольку тогда я занималась журналистикой, фотографии эти, сделанные моим мужем для моих статей потихонечку стали историческими. Мой брат-историк так и сказал «вот ты и в историю попала…».

На одной из них веселая молодежная компания журналистов сидит и лежит на стульях и раскладушке у Мариинского дворца. Это 90-й год, газета «Смена» объявила голодовку, требуя независимости, не желая больше быть рупором обкома комсомола. За свободу голодали, в общем. И хоть продлилась наша голодовка недолго, цель была достигнута. Вроде бы. Вот только что делать с обретенной свободой, как выяснилось, никто не знал. «Ах, свобода, ах, свобода, у тебя своя природа, у тебя такой капризный климат, ты наступишь, а тебя не примут», писал Бродский. Так и случилось, в общем. А мы там — юные, вдохновленные и еще все — живые.

На второй фотографии — Борис Стругацкий. Я помню его квартиру, всю уставленную книгами, нашу неспешную беседу. Помню, что на вопросы о будущем он категорически отвечать не хотел, говорил о более вечных вопросах, и я тогда поняла, что Стругацкий, конечно, не фантаст, а философ, и беседовать мне с ним интересно, но нелегко…

А на другом портрете — Евгений Клячкин, поэт и бард. Он снят на фоне Невы. Клячкин тогда уезжал из страны, из своей уютной квартиры. Мы сидели на кухне, и он немного обиженно говорил, что не удостоился еще большого интервью на родине. «Вот вы — первая…» Читал мне свои стихи, прощальные, и одна строчка стала названием статьи, которая вышла мелко-мелко на последней странице газеты. Не принято было тогда еще писать об «отъезжантах». «Я прощаюсь со страной, где. Прожил жизнь, не

разберу чью. И в последний раз — пока здесь. Этот воздух как вино пью».

Как выяснилось, он уезжал навсегда… Предчувствовал ли он скорую смерть? Во всяком случае, был грустен. В эмиграции, в Израиле прожил недолго — умер, купаясь в Средиземном море, и это было далеко от Невы… А у меня, кроме фотографии, осталась от того разговора его гитара, проданная моему мужу, потому что вывозить это произведение искусства, сделанное мастером на заказ, было никак нельзя.

Мы беседуем с Ростроповичем. Сидим где-то на официальном мероприятии, и он мне, молодой журналистке, с жаром что-то рассказывает. Речь, помню, шла о благотворительности, о фонде, который они организовали с Вишневской, чтобы сделать прививки детям. Ростропович так неформален, так открыт и радостен. Полон идей, планов, оптимистичен…

А вот поэт Виктор Кривулин. Он сидит в снятой квартире где-то в центре, где бригада таких вот знатоков готовит абитуриентов к поступлению в вузы. Кривулин преподает им литературу, и на эти честно заработанные деньги и живет его небольшая семья. А между тем выходит его первый трехтомник, и я зачитываюсь его холодноватыми стихами.

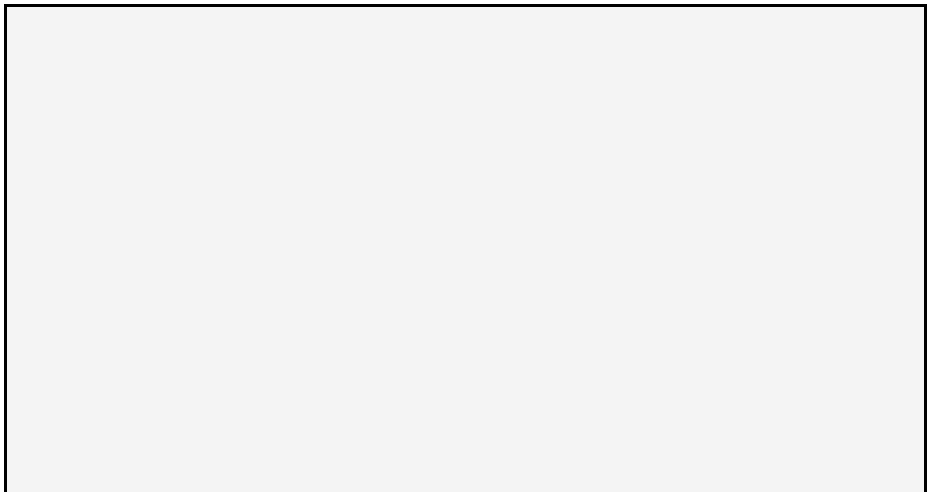
Из ныне здравствующих на моих фотографиях — Вероника

Долина. Она тогда приехала в Ленинград, свой «Невинград», как поется в одной из ее песенок. Тоненькая, худенькая, воздушная. Пела тонкие, мудрые песенки. Говорила очень эмоционально, была задумчива — ну, веселой ее никто и сейчас не назовет. Вчера под той старой фотографией она написала: «Жили были мы с гитарой, мужчиной, тремя детьми и многими сотнями стихов… Ну и публикой. Вот… Но я думала что всего этого надо бы иметь много больше… Гитар, стихов, мужчин, детей приключений, как в Острове сокровищ, публики много больше, чем команда одного пиратского корабля… И что из этого вышло? Одна гитара со мной». Но это — кокетство. С ней — огромное количество людей, любящих ее и ее песни, следующих по пятам за ней — в фейсбуке ли, на концерте ли…

А вот поют Татьяна и Сергей Никитины. Это потом за статью о них на меня подали в суд, и я судилась, потому Никитины что-то смело сказали про антисемитизм. И слова эти я не записала на магнитофон. Суд был мною выигран, спустя полтора года.

В общем, там еще много фотографий, все не выложишь. Иосиф Бродский, который был противником фотографирования, когда-то сказал в интервью, что он «фотографирует сетчаткой глаза». Но что-то в этих снимках все же есть, ведь они останавливают мгновение и на секунду возрождают ощущения, чувства, мысли, даже запахи. И глядя на них, с отчетливостью понимаешь — ушло то время. Навсегда ушел черно-белый мир. Где, в общем, было понятно, кто друг и кто враг. Где черное было черным, а белое — белым. И надежды опьяняли нас не меньше, чем вино, которое мы пили после завершения голодовки у Ленсовета. А потом наступило отрезвление.

2013



Голодовка газеты «Смена» у Мариинского дворца (здания Ленсовета).

Но память покрыта такими большими снегами

Историческая память страны, государства, нации… Должна ли она влиять на день настоящий, на судьбы ныне живущих? И если да, то, как именно? Германия, мне кажется, знает ответ на этот вопрос.

Германия в целом и Берлин в частности — большой остров, даже целый материк исторической памяти. Мы с друзьями ходили по немецкой столице и всюду, на каждом шагу в прямом смысле слова натыкались на эту память.

Вот у подъездов домов в плитки тротуара вделаны медные таблички с еврейскими именами, датами жизни и смерти этих людей в Освенциме. Еврейские семьи жили здесь в квартирах обычных, ничем не примечательных домов, а потом умерли страшной смертью в концлагере, и Германия помнит это. Мне тоже греет душу, что имена Паулы и Евы Харзопп, жертв бесчеловечного гитлеровского режима, погибших в 1943-м, не забыли в их городе, в их стране. Еве, кстати, было всего десять лет…

И огромный мемориал в память Холокосту, совсем рядом с Бранденбургскими воротами, тоже греет душу. Огромное пространство, полное прямоугольных плит разной высоты, — как символ всех погибших, разного возраста и живших в разных местах… Да, Германия совершила это, но Германия помнит об этом своем преступлении. И бундестаг с ямками от снарядов на стенах — это тоже бережно сохраняемая память. Как и полностью разрушенная, когда-то старинная площадь Александрплатц, на которой теперь — безликие коробки зданий.

А в соседнем Лейпциге, тоже разбомбленном (пусть и не так основательно, как Дрезден), в центре исторической части города, совсем близко от монументов Мефистофеля и доктора Фауста, — ужасающего вида памятник Германии. Это некое угловатое безголовое существо с выброшенной в фашистском приветствии рукой и отставленной назад ногой в грубом армейском сапоге. Откровенное Зло. И памятник этот, и та историческая память, которую он символизирует, не мешают немцам любить свою страну, показывать нам музей Баха и кирху, где великий композитор и музыкант служил много лет… Это все как-то соседствует в сознании, не мешая сегодня немцам жить тихо, спокойно, без толкотни в метро, с улыбками в магазинах и трамваях (трамваи и автобусы, кстати, ходят по улицам с

точностью часового механизма), зачастую передвигаясь просто на велосипеде, без риска быть задавленным автомобилем. Велосипедисты здесь на дорогах — самые главные участники движения…

А еще страна помнит совсем недавнюю историю. В Берлине, на набережной реки Шпрее, — там, где около бундестага она становится совсем узкой, — яркие белые кресты с именами тех, кто пытался переплыть реку и оказаться в западной части города. Но с берега пловцов расстреливали без суда и следствия. Стреляли в своих. Это уже 60–70-е годы, но кровь застывает в жилах, глядя на эти кресты. Это было так недавно. А кажется, что давно, в другой жизни. Но нам напоминают на каждом шагу — остатками берлинской стены, полосой кирпичей, сохранившейся на ее месте: это было, это нельзя забывать. Да и сам Берлин, с его эклектичностью, отсутствием центра города, разрозненностью разных районов, — тоже памятник недавнему прошлому.

Я спросила молодого жителя Берлина русско-еврейско-американского происхождения, не чувствует ли он некоторую неловкость от того, что сегодня выбрал для жизни страну, развязавшую страшную войну и погубившую миллионы русских и евреев. Нет, он говорит, ему здесь вполне комфортно. И добавляет, что страна, которая покаялась и продолжает это делать по сей день, вызывает у него уважение.

И я не могу с ним не согласиться. Возникает неудобный уже для меня вопрос: а почему у нас, живущих в России, нет желания разобраться с историческими грехами и принести покаяние? У нас мало жертв сталинского террора, которых сгноили в лагерях, оставив «без права переписки»? Или мы забыли, как по ночам «черные маруси» увозили их от семьи и детей? А потом забирали и тех? Но нет, кажется, до признания этих и других ошибок далеко как до Луны. И медные таблички не скоро появятся у наших подъездов.

А еще этот парень не хочет, чтобы на его свободу покушались. Он не хочет бояться полицейских, он не желает быть избитым на улице за нестандартную форму носа (понимая, что в Германии на этот счет иммунитет), быть незаконно уволенным без всякого «парашюта». Он желает спокойно жить в симпатичной съемной квартирке, которая ему абсолютно по карману, ездить на велосипеде по улицам города, не боясь машин с мигалками, которых здесь нет, и вечерами сидеть в хорошем кафе за качественным пивом. А на Пасху он собрался со своей девушкой в Париж. Такие вот вполне объяснимые желания и мечты, которые не всем ребятам двадцати с небольшим лет удается воплотить в жизнь в России — стране, выигравшей страшную войну, но ни в

чем не признающей своих ошибок.

Может, истоки российских бед именно в этом? В нежелании покаяться и признать исторические грехи, чтобы уберечься от их повторения и поселить гармонию в душах.

2012

Фото Павла Маркина

Жизнь — черно-белая и цветная

На черно-белой классной фотографии мы все такие… нежные, что ли. Девочки с тонкими чертами лица, с серьезными глазами и белыми воротничками на платьях, с комсомольскими значками. Мальчики — взъерошенные и, как правило, нахмуренные. Это было очень давно, в другой жизни.

Когда мы собираемся — традиционно у Горьковской — сначала подсчитываем потери. Смерти начались еще на заре юности, а сейчас все грустнее — рак, инфаркт, смерть в психушке, смерть от передозировки, исчезновение где-то в 90-х… И все это в одном классе когда-то примерной советской школы с углубленным изучением английского языка, ныне гимназии. Мы вспоминаем ушедших и пытаемся осмыслить происходящее — то, что все может оборваться внезапно, а готовы ли мы? Потом жизнь берет свое, и в кафе напротив Петропавловки начинаются разговоры за жизнь.

Это странные беседы, потому что понять друг друга мы можем только на уровне общих детских воспоминаний и бытовых семейных новостей — у кого-то сын женился, у кого-то внук родился…. Наш класс, выпущенный в конце 70-х, собрал представителей того самого поколения, которое пережило слом эпох в уже зрелом возрасте, а значит, мы все по-разному приспосабливались к новой жизни и прощались со старой. Мы разошлись в разные стороны и не всегда слышим друг друга. Мы — это в каком-то смысле наше общество в целом, его крошечный срез. Вот только одно важное «но» — мы все говорим по-английски, и совсем неплохо, спасибо учителям. Они, может, и не бывали тогда в Англии и США, но выучили нас языку Шекспира на всю жизнь. Для нашего поколения это, в целом, редкость, и всем это как-то помогало в жизни.

Вот Боря — наш местный «олигарх» — это он собирает нас и «накрывает поляну», отказываясь от любых попыток поучаствовать в мероприятии. «Да ладно, иди, создавай информационное поле!» — заявляет он мне, отказываясь от денег. Выглядит молодо, дети пристроены, график жизни — свободный, в общем, все хорошо, 90-е прошли без ощутимых потерь. Теперь иногда он помогает нашей Гуле — она мать-одиночка, учительница музыки в школе, ну, все понятно. Но очень любит путешествовать, и перед очередной поездкой занимает у Бори «на всякий случай».

Ее подруга, та самая, которая умерла в психушке, сначала лишилась квартиры. Какая-то афера там произошла в 90-х, ну и

не выдержала слабая психика, что вполне объяснимо…

Рядом со мной сидит Вова — кадровый офицер, он командным голосом торопит официанта «Быстрее обслуживай, чего копаешься!» и интимно сообщает мне, что недоволен нашей прессой, давно пора ввести цензуру, чтобы было все, как раньше. «А что так уж было плохо в 70-е?» — задиристо спрашивает он, и я не ввязываюсь в спор, потому что это надолго и неуместно в режиме праздничной встречи.

А вот умная и красивая когда-то (да и сейчас) «девочка» Оксана — второй раз удачно вышла замуж — дети в Америке и Европе, она путешествует… Но, пожалуй, устроившихся комфортно в этой жизни в нашем поколении все-таки маловато, вот я и насчитала двух.

Хорошенькая двоечница Маша — много пьет и выглядит все хуже на каждой встрече, и все быстрее, после первой же рюмки начинает шумно веселиться, и наш вездесущий Боря заботливо усаживает ее в такси. А сидящая со мной рядом портниха Надя — весело сообщает, что похоронила двух мужей, но, ничего, вырастила сына и дочку, так что все хорошо. «А кто-то у тебя есть, ну, ты понимаешь?» — интересуются «девочки». Надя смеется, она вообще оптимистка такая, неунывающая, и показывает три пальца. Трое мужчин. На все случаи жизни.

Давно мы не видели нашу классную руководительницу — она, конечно, на пенсии… В последний раз, когда встречались у нее дома, она со слезами описывала нам 11 сентября 2001– этот день застал ее на Манхэттене — она приехала в гости к дочери и оказалась в эпицентре трагедии. Ее воспоминания — это воспоминания об Апокалипсисе в отдельно взятом городе, но семья выжила, и это, конечно, главное.

Сегодня особый случай — прямо из Калифорнии к нам приехал наш «умный мальчик» Женя — не был в России 25 лет и выглядит слегка обалдевшим, что вполне естественно. У него за плечами далекая эмиграция в Израиль, где он с семьей долго приживался, осваивал иврит и затем катапультировался в Америку, в Силиконовую Долину. «Почему?» — допрашивают одноклассники, и он пожимает плечами. Так вышло. Теперь живет в домике с садиком и гуляет с фотоаппаратом по берегу океана. Его жена мало говорит об Америке, но с неподдельным ужасом — об отделении Почты России, куда супруги заглянули по делу. Там старушки стоят за пенсией в нескончаемой очереди, а продавцы и клерки нещадно хамят. Отвыкли от всего этого наши «американцы». А их дети уже не очень охотно говорят по-русски.

Вот такой класс. Вот такая у нас жизнь — с трагедиями и историческими катаклизмами, переездами из страны в страну

или из строя в строй, с болезнями и смертями близких людей… Но сегодня мы смеемся и фотографируемся на фоне любимой Петропавловки — пусть уже не на черно-белую пленку… Застываем на секунду. Для чего, для кого эти снимки? Для вечности, наверное.

2012

Интервью

Евгений Клячкин: «Я прощаюсь со страной, где…»

«На лестнице хлопают двери. Прощайте, прощайте…» — Мелодия кружилась в голове, звучала в такт шагам… Я шла к известному нашему барду Евгению Исааковичу Клячкину. Шла прощаться, зная, что вскоре он покидает страну, и не на месяц или на год — навсегда. Страшное слово.

Только что, рассказав об этом знакомым, услышала от молодого и интеллигентного человека:

— Да пускай едет! Подумаешь!

Наверное, так же когда-то говорили вслед Аксенову, Войновичу, Любимову… А сейчас мы встречаем их как триумфаторов, и журналисты выстраиваются в очередь на интервью. Трагично, но понятно. Они уезжали в печально известные времена.

А что гонит человека из страны сегодня?

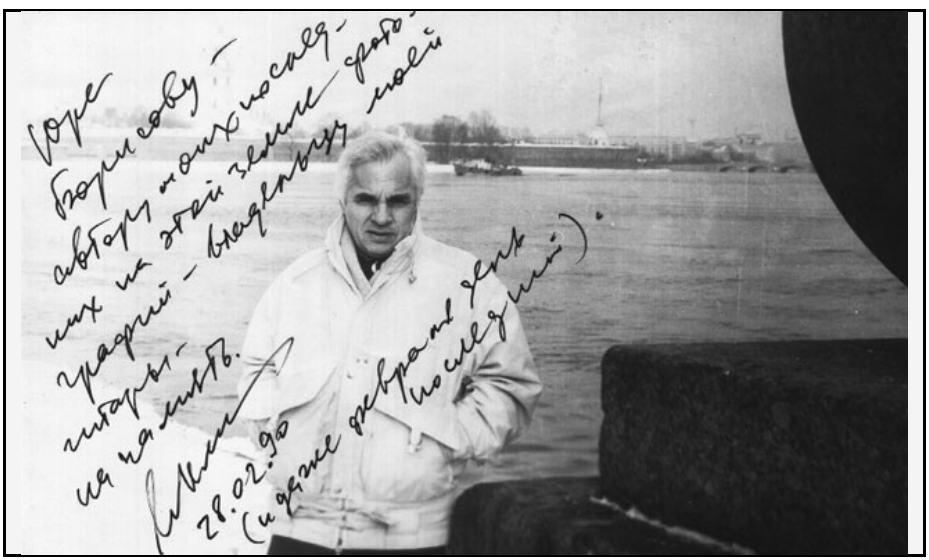


Фото Юрия Борисова

— Евгений Исаакович, когда мы с вами разговаривали по телефону, мне показалось, что вы очень сердиты на «Смену». В чем мы провинились?

— Когда-то давно в «Смене» появилась статья обо мне, где

говорилось примерно так: «Лирический герой Клячкина не радует нас разнообразием состояний. „Отвыкну я, отвыкнешь ты…“ „Чем тебя порадовать? Зайдем в парадную…“ ну и т. д. И выходит такой, извините за выражение, певец и семеня ногами у микрофона…» Вот вам стиль того времени.

— Но это была другая газета…

— Вы понимаете, весь фокус заключается в том, что секретарь райисполкома, например, нам говорит: «Я вам такую плохую бумагу не подписывал. Это был другой». А исполком-то остался прежним. И вывеска та же самая…

— Мне кажется, мы уже подходим к причинам вашего отъезда из страны. Скажу вам честно — мне больно расставаться с вашими песнями. И думаю — не мне одной. Евгений Клячкин — так же как Окуджава, Визбор, это же символ поколения…

— Вы знаете, у меня ведь состоялись прощальные концерты, где я пытался объясниться. Объяснение — это целый концерт. Сейчас попробую это сделать без песен и стихов. Я глубочайшим образом разочарован. Нет, я могу предположить, что у нашего руководства в лучшем случае были добрые намерения. Знаете, интеллигенции свойственно очаровываться. И я был очарован, и 85-й год понял так: «Им» стало стыдно. «Они» подумали: «Хватит, наизмывались». Ну, должен был кто-то начать. И вот пришли, наконец, к власти совестливые люди — так я тогда понимал происходящее. Даже тест провел своеобразный…

— Какой тест?

— Я должен был в 88-м году ехать в Австралию. Улетел. И там, в Австралии, сказал: «Ребята! У нас теперь другая страна». Они спрашивали, не хочу ли я остаться. «Да вы что! У нас через год будет, как у вас, еще и лучше!» Такое было доверие.

Ну вот, я вернулся, весь «розовый», и… бах! — партийная конференция, и я вижу Лигачева, и он 200 миллионам зрителей говорит, что средняя зарплата партийного работника — 216 рублей… Мол, не лучше вашего живем. Но я-то езжу по стране, я все знаю. Мне хочется крикнуть: «Выйди в кремлевский буфет, посмотри, что на рубль можно купить! И что во Владимире в привокзальном буфете купишь на тот же рубль!»

Знаете, это вранье предполагает отсутствие возмездия. Я

пришел к выводу, что покаяние наступает у этих людей только тогда, когда возмездие неотвратимо.

Потом мы избрали съезд, который оказался недееспособным. Маленькая межрегиональная группа уже раздирается противоречиями. Был один человек — Сахаров, который мог бы сказать и бороться, но его заклевали, его согнали с трибуны…

Вы знаете, я же не уезжаю тихой сапой. Зачем мне тогда был бы этот прощальный концерт, зачем интервью… Мой отъезд — это моя последняя политическая акция, последний мой шаг в этой стране. «Уезжают те, кто производит. Остаются те, кто распределяет». Ну, распределяйте…

— Но уезжая, вы уезжаете не только от «них». А ваши слушатели?

— Да, мне говорили: «Вас же любят…» Это была еще одна моя иллюзия. Пока мы были под прессом, я был уверен, что мы так однородны, едины в своих стремлениях. Я читал Василия Белова, такого гуманного в своей повести «Привычное дело». Читаешь ведь, и плакать хочется: господи, до чего деревню довели…

И вдруг эти митинги, эта озлобленность, антисемитские обвинения, которые звучат все громче и громче. Как? Руки падают. Это я, что ли, виноват? Куда же вы смотрите, Василий Иванович? И вы, Валентин Григорьевич? Вы же интеллигенты, вы же русские демократы! Как же так? Вас же господь талантом наделил! Утираться от плевков в пятьдесят с лишним лет? Я готов выйти на трибуну, но выйти на нее как еврей — я не хочу. Я хотел бы выйти как гражданин. Если все это расцветает у нас, о демократии речь идти не может.

Ему все время хотелось говорить о стране, о политике. Объяснять, доказывать… Я уже знала: так всегда бывает перед отъездом. Ведь там это уже никого не будет интересовать. Наши проблемы останутся с нами.

— Евгений Исаакович, это прощание для некоторых молодых читателей будет, наверное, знакомством. Не все вас знают, не все слышали песни…

— Стоп. Я вас перебью. А почему «не все слышали»? Я ведь не бросал писать песни все эти тридцать лет. Кстати, это еще одна причина моего отъезда. Как избирательны наши радио и телевидение! Они приглашают старого, седого барда Клячкина и выставляют его с тремя песнями на «Ринг». Сталкивают его с

рокерами, с детьми, которые спрашивают: «А почему вы не поете нам о подворотнях, алкоголизме и наркомании?» А я отвечаю: «Почему же вы и Майе Плисецкой этих претензий не предъявляете? Что же она не идет к вам в подворотню? Может, лучше вам на балет сходить? Или ко мне на концерт…» Но они меня, не знают, потому что не видят меня на экранах.

Ну что такое три песни! Мне нужен был вот этот двухчасовой разговор, который мы с вами ведем здесь, на кухне. Мне же есть что сказать моим слушателям. Я же пишу правду. И говорю.

— И все-таки расскажите тем, кто так вас и не узнал, как все начиналось? Когда вы стали писать песни?

— Это был 61-й год. Представьте себе потрясение очень юного человека от вторжения таких категорий, о которых мы и помышлять до этого не могли. Нам раньше казалось, что ничего общего между нами и государством нет. И быть не может. И вдруг нас призвали — так нам показалось.

Предполагал ли Хрущев, что поднимется такая волна общественного самосознания? Она была на порядок выше, чем сегодня, хотя гласность сейчас выше на два порядка. Тогда мы пьянели от чувства, что можем заявить себя как личность. Твои мысли, переживания кого-то волнуют! И ты их можешь высказать! Это было упоительно. Вознесенского и Евтушенко прямо вознесло на гребне этой волны. А потом отсекло от всего остального этаким ситечком. Так мне представляется. И они стали процветать там, наверху, а мы потихонечку плесневеть внизу, в болоте застоя, вне гласности, вне всего.

Но они там, наверху, как мне кажется, не просто так сидели, а протухали немножко, что ли?

А я… Нет, меня минули грозы. Если не считать грозой того, что жизнь прошла не впустую, нет, а в таком… придерживаньи. Я до сих пор чувствую на горле этот ошейник.

Доброжелательная такая женщина из ДК пищевиков говорит:

— Женя, мы ведь вам не рекомендовали петь песню «На море» в Риге, а вы все-таки спели, и мы знаем об этом.

— Но она же лирическая. Ну, что там такого…

Она: — Но мы вам не рекомендовали, а вы — спели!

И ведь говорила, что любила авторскую песню.

У Шаламова, знаете, есть рассказ о чекисте, который занимался писателями, и стал собирателем книг, величайшим знатоком Бабеля, помните? Страшный рассказ, Он их за решетку сажал, и они умирали в отбросах, как Мандельштам. Эти отбросы, они как бриллианты, должны засиять в поколениях. Им стыдно

должно быть за все это.

— Но ведь были взлеты, когда вы чувствовали, что зал — с вами?

— Ну конечно! Я ведь жил ради этого! И это великое счастье…

— Авторская песня — это ведь явление наше, отечественное. Помните кадры, где Галич поет на открытой эстраде в Париже, а мимо равнодушно идут люди, разговаривают, жуют…

— Я еду не в Париж, а в Израиль… Что меня ждет там? Не знаю. Я буду делать то, что делал, но в новых условиях. Врать все равно не буду. И, наверное, дифирамбы им петь не стану. Мои песни ведь все приземлены. Они о том, что нас тревожит и бьет. Мы ведь всё, как эвенки: что видим — о том и поем. Но я готов к худшему. Не смогу петь — что ж, двадцать пять лет моего пребывания у кульмана что-то значит. Я — инженер-конструктор, проектировщик и смогу прокормить свою семью.

Я представила себе страну без тех, чьи песни пела и пою до сих пор. Их имена исчезнут с афиш, не будет новых пластинок… Ну, на телеэкранах они и так появлялись нечасто. Новые песни будут глухо звучать где-то далеко, их, может быть, занесут нам счастливцы-путешественники…

— Из плеяды наших современных бардов вы первый уезжаете…

— Меня никто не выгонял. Мое положение в целом благополучно, можно было бы и дальше жить потихонечку с песнями для узкого круга слушателей. А я вот уезжаю. Может быть, меня там замучает ностальгия, и я буду не Лигачева вспоминать, а все лучшее, город Псков, например.

Да, Псков. Ну, обидно же, поймите, я двадцать лет назад написал песню о Пскове:

«Помнишь этот город,
вписанный в квадратик неба…»

Я тогда проникся городом. И русская старина открылась мне через Псков. Это одна из лучших моих песен. Город вспомнил о ней?

И дело не в том, что я тщеславен; а в том, что на нас плюют. Не во мне дело. Бродский гениально написал: «Но кто-то пишет далее меня…»

Были, наверное, и те, кто писали «далее» Бродского. И умерли, то ли спившись, то ли в психушке где-то… «Они» не знают, что с нами делать. Сначала прижимали, потом дают премии, потом замалчивают…

Они сменяются, как… как следователи на «конвейере». Их много, а я один. И волосы седеют…

Я вот был убежден, что «Битлз» и мы — одного поля ягоды. Я не говорю об уровне. У них уровень музыкальности потрясающий, но что бы стало с нашим уровнем, получи мы в свое время поддержку. Мы принесли в песню слова, а они — мелодию. Две культуры могли бы пересечься, и какие бы искры мы могли бы тогда высечь — кто знает.

— Но ведь авторская песня — это песня гитарная?

— Ее сделали гитарной. А должна была быть — профессиональной. Это хорошее слово. Предполагает владение ремеслом.

— Кого из бардов вы цените, любите?

— Я бы назвал Высоцкого, Галича, Окуджаву, Кима. И, наверное, никого бы рядом не поставил (из тех, кого знаю).

На себя, на свой талант смотрю достаточно трезво.

Так, уйдя от политических проблем, мы заканчивали беседу… Но слово «отъезд» не забывалось. Оно стояло перед глазами, и взгляд волей-неволей натыкался на картонные коробки, ящики, чемоданы… И мой собеседник время от времени возвращался к этой теме:

— Газета «Смена» первой в мире написала обо мне, последней. Какая-то логика в этом есть. Какая-то жизнь меня получается… завершенная.

— Первый этап ее!

— Да, первый… Длинный, правда, этап… В 72-м году про своего друга написал песню. Но это про меня.

Я поняла, о какой песне он говорит:

«Я прощаюсь со страной,
где прожил жизнь, не разберу чью.
И в последний раз пока здесь
Этот воздух, как вино, пью…»

1990

Борис Стругацкий Пикник на границе века

> «Вы спросите меня: чем велик человек? — процитировал он. — Что создал вторую природу? Что привел в движение силы почти космические? Что в ничтожные сроки завладел планетой и прорубил окно во Вселенную? Нет! Тем, что, несмотря на все это, уцелел и намерен уцелеть и далее»…
>
> *Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий «Пикник на обочине»*

С момента написания этой замечательной повести прошли десятилетия. Все изменилось, но, как любая хорошая литература, романы Стругацких — вне времени…

— Борис Натанович, век подходит к концу. Скоро мы перейдем тот рубеж, за который заглядывали фантасты, создавая свои модели будущего. Сбылись ли ваши ожидания или к концу века вы рассчитывали увидеть нечто совершенно иное?

— Если говорить о сенсациях, которые состоялись здесь, у нас, то это, конечно крушение социализма. Мы были абсолютно убеждены, что этот строй будет еще очень долго и только молили бога, чтобы его крушение не сопровождалось реками крови. Тот мир, который окружает нас сегодня, казался нам самой невероятной фантастикой.

— Вы имеете в виду демократическое общество, к которому мы так стремились. Многие называют вас идеологом или вернее вдохновителем перемен. А вам не кажется сегодня, что это не совсем та свобода и демократия, которую вы ожидали?

— Всем, кто размышляет об этом, я бы советовал прочитать роман Фейхтвангера «Лисы в винограднике», где прекрасно описано, как реализовывалась демократия в США в конце 18-го века. Как не похожа она была на те идеалистические, романтические трели, которые испускали ее первые певцы, как

она была груба, жестока, пропитана коррупцией, ложью…

— Вы считаете, что это неизбежно?

— Мы присутствуем при родах демократии в стране, которая не знала ее со времен Новгородского вече. За десятки лет не изменить то, что складывалось много сотен лет. Когда смотришь на эту громаду неизжитого феодализма, понимаешь, что нам еще лопатить и лопатить… Но это естественный путь человечества. И мы идем по нему, как шли Франция, США, даже Япония (с той только разницей, что роль буржуазной революции там сыграло военное поражение 45-го года).

Фото Павла Маркина

— У Иосифа Бродского, в одном из стихотворений есть такие строки «Ах, свобода. Ах, свобода, У тебя своя природа, У тебя такой капризный климат. Ты наступишь, а тебя — не примут…»

— Да, об этом же пел Высоцкий, а мы написали «Гадкие лебеди», где человек оказывается в мире, о котором он мечтал и не понимает, что ему в этом мире делать. Это вполне естественно. Мы живем на переломе событий. У нас завтра очень непохоже на вчера.

— А что не сбылось, вопреки вашим ожиданиям, и ожиданиям человечества вообще?

— Вместе с учеными фантасты были убеждены, что еще в этом веке будет решена проблема термоядерной энергии. В 60-е годы мы свято верили в то, что человек ступит на Марс и Венеру… Были серьезные надежды на то, что удастся установить контакт с иным разумом во Вселенной. Думали, что поймем природу НЛО, найдем Снежного человека, и — ничего. Правда разрешилась загадка Лох-Несс, которая будоражила умы в 60-е годы, но самым неинтересным образом — выяснилось, что это была ловкая подделка фокусников и шутников.

— Поговорим о дне завтрашнем. Что, на ваш взгляд будет сопутствовать развитию постиндустриального общества?

— Да, в общем, все то же, что уже происходит в США или, скажем, Швеции… Это общество развивается по своим законам. Подавляющее большинство получает вполне сносные условия жизни. Если же говорить об отрицательных сторонах, то это наркомания, СПИД, депрессии, приливы цензуры, которые поражают сегодня США… Человек становится сытым, но не перестает быть невоспитанным. Получает информацию, но не умеет ею пользоваться…

— Вы считаете, что сытое общество ведет человека к духовному голоду? Сегодня в России на всеобщее обозрение выходит клан «новых русских». Они же просто поражают бездуховностью в сочетании с размахом и богатством…

— Нет, просто их бездуховность становится особенно заметна. С голодного человека, который бьется, чтобы раздобыть

средства к существованию, какой спрос? А тут мы замечаем, что этот сытый, ежедневно моющийся в душе человек, ничего не читает… Вчера он подпирал подворотню, курил и сплевывал, а сейчас он — богат, у него свой особняк, автомобили, вот тут ему и говорят: «Займись собой. Ты же духовно неопрятен». Наступило время спроса.

— Недавно я перечитывала ваш роман «Пикник на обочине». И подумала о том, что так же как ваши герои, вынеся из Зоны предметы внеземной цивилизации, не знали, что с ними делать, мы, ухватив многое из западной цивилизации, не можем правильно воспользоваться знаниями. Это приводят к странным метаморфозам.

— Не думаю, что это верная аналогия. Наши герои действительно не могли представить, что они находят. Мы же идем в затылок целой цивилизации. Понятно, что нужно делать, неясно только, как доставить меньше страданий народу… Скажем, чтобы поднять экономику, надо закрыть три четверти падающих предприятий и вложить деньги в процветающие. Но это — путь к страшной безработице. Быстро это проделать означает причинить страшные страдания…

— Волнует ли вас судьба тех, кто именно сейчас набирает свой духовный багаж? Наши дети растут сегодня в окружении телевизоров и компьютеров. Они мало читают и, на мой взгляд, мало думают…

— Я не вижу ничего ненормального в развитии современной молодежи.

— Но они не читают…

— Когда я учился в школе, половина класса не брала в руки книги, а половина — читали запоем. Тогда было 3 телевизора на весь Ленинград, и, конечно, книга долго оставалась главным развлечением. Сейчас все изменилось.

Знаете, мне кажется, обилие информации приводит к такой своеобразной игре. Когда-то аварии, убийства, катастрофы, дикие выходки молодежи просто не становились нам известны. В газетах не писали о том, что по Москве ходит маньяк-убийца, так называемый «Мосгаз». Он говорил, «Я из Мосгаза» и убивал за какой-нибудь телевизионный ящик… Сейчас наши СМИ, как и во всем мире, исповедуют истину: если собака укусила человека —

это не событие, а если человек собаку — это событие…

Так что впечатление о бездуховности молодежи — обманчиво.

— И информация об обморочном состоянии культуры тоже не кажется вам очевидной?

— Никаких признаков упадка я сегодня не наблюдаю. Выходят хорошие книги, появляются новые фильмы, не смотря на полумертвое состояние кинематографа. Конечно, экономика подорвана. Но не все потеряно. Государство еще не создало такую налоговую систему, при которой вложения в культуру, благотворительность станут выгодными. Когда эта система заработает, деньги потекут в культуру и фундаментальную науку.

На самом деле экономика весьма косвенно связана с культурой…

— Наша литература середины века развивалась под сильным давлением, была всегда в оппозиции…

— И возникала специфическая диссидентская литература. Но это совсем не единственно возможный путь развития. Ни Хемингуэй, ни Фолкнер, ни Моэм не были диссидентами. Кстати произведения наших диссидентов — Владимова, Войновича, Максимова — вовсе не были антисоветскими, просто запреты цензуры были совершенно нелепы. Сейчас появляются очень интересные книги Волкогонова, Радзинского, Бунича… Так что не вижу оснований для ахов и охов.

— У вас довольно позитивный взгляд на действительность. Вас ничто не пугает? Все кажется гармоничным на пути прогресса?

— Нет, конечно. Приведу пример. Страшным последствием прогресса стала наркомания. Это действительно ужасно, но не потому что человек получает удовольствие таким неестественным способом, а потому что он тем самым убивает себя. Если бы придумали наркотик, который не угнетает жизнедеятельности человека… но сейчас они уходят в иллюзорный мир ценою жизни.

— Недавно в Америке наркоманкой была признана женщина, которая днями напролет бродила по Интернету… Мне кажется, что любой уход в иллюзорный мир — опасен.

— Но ведь и чтение — это в каком-то смысле уход… Но не волнуйтесь — все в мир иллюзий не уйдут никогда. Мне, например, реальный мир гораздо интереснее, и таких, как я, — большинство.

Настоящий наркоман ужасен тем, впадает в нравственную деградацию, убивает себя и убивает всех вокруг — люди престают ему казаться людьми.

— Вот еще одно «замечательное» следствие прогресса — клонирование. Это изобретение на рубеже веков всем кажется очень опасным.

— У меня недавно были гости. Сидели умные немолодые люди, и я попросил их предложить вариант вредного, недобросовестного использования клонирования. Они ничего не смогли придумать.

— Вас не пугает создание идентичных особей?

— Ну, что вы! Разве индивидуальность человека определяется цветом глаз и волос? Для создания такой же вот Аллы недостаточно вырастить такую же клетку. Надо маленькую девочку поместить в те же условия, протащить ее через те же события в жизни… И даже это не поможет. У однояйцовых близнецов ведь папиллярные узоры — разные. Даже на физическом уровне идентичности достичь не удается, а вы хотите — на ментальном.

Когда появились первые локомотивы, было ясно, что пассажиры сойдут с ума от скорости, а наблюдающие — от шума. А когда появился автомобиль, считалось, что перед ним должен идти человек и размахивать колоколом, предупреждая прохожих…Не существует ни одного изобретения, которое не имело бы, кроме пользы, весьма вредных последствий.

— И в какой-то момент это может привести к гибели человечества?

— Есть такое замечательное правило: если человечество осознает опасность угрозы, катастрофы не происходит.

— И вы не думаете, что XXI — век принесет нам новую мировую войну, очередную революцию?

— Нет, мне кажется, все будет идти мирным путем.

Существует, конечно, огромное количество чисто теоретических «бумажных» угроз, наподобие войны исламского фундаментализма с европейским миром или «желтой» опасности. Но, думаю, времена мировых войн миновали — они потеряли какой бы то ни было смысл. Сейчас воюют не танками, а долларом. Конечно, можно представить себе падение гигантского метеорита или возникновение супер-СПИДа, заразного, как грипп… Но вероятность очень мала.

— А чего же все-таки ждут фантасты от нового века?

— Конечно, по-прежнему мы ждем создания источника энергии. Термояд становится задачей номер один. Стоит ожидать эликсира, продлевающего жизнь. По-прежнему надеемся на контакты с другими цивилизациями, хотя надежда встретить множество обитаемых миров угасает… Уже ясно, что если жизнь во вселенной есть, она является большой редкостью. Когда мы с Аркадием Натановичем начинали, нам казалось, что вселенная вполне может быть заполнена разумом. Нет, это не так. Имеет место так называемый основной парадокс ксенологии. С одной стороны, кажется очевидным, что раз возникнув, разумная жизнь достигает, каких угодно высот, а с другой — она должна тогда стать явлением космического масштаба, а мы этого пока не наблюдаем…

— Значит, мы — исключение из правил вселенной?

— Правило. Но очень редко реализуемое…

— Позволю себе спросить, пишите ли вы сейчас что-то новое?

— Пишу. Но медленно. Трудно.

1998

О Фарухе Рузиматове и силе гармонии

Я шла на свидание. К сожалению, свидание было деловым. Я шла на интервью с человеком, только что сыгравшим и станцевавшем Моцарта в спектакле «Ты, Моцарт, Бог» (по трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери»). Свидание с народным артистом России Фарухом Рузиматовым проходило в кафе питерского отеля «Астория» под бдительным объективом фотографа, снимающего для истории. Поэтому время от времени наш доверительный диалог прерывался необходимостью сменить место дислокации или вскриками: «Давайте повернемся чуть правее… Да вы говорите, говорите…»

Мы пытались.

— Я бы хотела спросить…

— А вы что будете? Чай, кофе, «какава» с молоком?

— Чай. Да, так вот, вы много экспериментируете, по-моему. Например, заговорили в «Моцарте и Сальери». И вообще много нестандартных партий, смелых решений… Вам это ближе, чем классика?

— Вообще классика для меня — высшая форма балета. По-настоящему танцевать ее могут единицы. Мы еще держим марку, но… нет звезд. Вспомним 70-е годы. Большой театр — это была целая плеяда звезд. Да, мы пережили взлет и падение Империи.

— Был такой английский фильм «Билли Элиот» — история мальчика из простой горняцкой семьи. Его никто не понимает, над ним все смеются, а он… танцует. И, в конце концов, — побеждает. Выбирается в Королевский балет и становится звездой. Танцует Зигфрида.

— Это только название «Королевский балет». В Англии не было, нет и не будет балета. Там футбол, регби, музеи… Но не балет.

— Я не о том. Для вас этот путь тоже был труден? Было ли непонимание, сопротивление вашему решению танцевать?

— Нет, у меня музыкальная семья. Мама — профессиональная певица, танцовщица, папа — музыкант. А у меня к балету интереса не было никакого… Но приехали педагоги из Ленинграда и в пионерском лагере обнаружили меня. Непонятно почему. Нас было 10 человек из Средней Азии. Мы прошли здесь конкурс и нас всех взяли. Мне было тогда 10 лет.

— И родители отпустили в Ленинград? Тяжело было отрываться от семьи? Страшно?

— Нет. Всегда было интересно. Я же полюбил это дело… Сейчас, правда, я в школу вообще не захожу — как отрезал. Но учителя у меня были замечательные. И я просто счастлив, что это произошло, хотя и без всякого моего участия.

— Судьба?

— Ну, помните у Булгакова: просто так кирпич на голову не падает. Все, что происходит — имеет некий смысл.

Тут на нас налетает англоговорящий метрдотель. Мы долго объясняем, кто мы собственно такие, и почему наша беседа сопровождается светом юпитеров. Под нашим напором метрдотель сдается и благосклонно разрешает продолжать.

— Вернемся к «Моцарту и Сальери». Как говорит режиссер, спектакль поставлен нехрестоматийно.

Не бездарный Сальери, не «Гений и злодейство — две вещи несовместные…», а трагедия одного и другого… Сальери — гениальный убийца. И так далее. Я слышала, что вы не хотели играть Моцарта, а хотели — Сальери. Почему?

— Кроме того, что есть некоторое внешнее сходство с Сальери, мне близок этот человек своими переживаниями, своей трагедией. Но режиссер был против — он увидел во мне Моцарта. Может быть, он был прав — в актерской профессии интересно работать от противоположного. Чтобы не было точного попадания, а — на контрасте.

— А чувство ревности, зависти, к другому художнику оно вам знакомо?

— Абсолютно. Это естественно. Мало, кто этого не испытывает.

— «Я так не смогу». Бывает?

— Конечно, бывает, и я никогда этого не боялся.

— Какой у вас Моцарт? Легкий? Порхающий?

— Помните фильм Формана «Амадеус»? Да, легкий, все так, но… он же написал «Реквием» при этом! Значит, может быть, это была внешняя легкость… Я не ставил себе задачу играть веселого, легкого Моцарта… Я, честно говоря, не думал об этом. Все чувства я все равно пропускаю через себя.

— А вообще сыграть драматическую роль было интересно?

— Попробовать было интересно. Вот смогу ли я заговорить на сцене? Это психологически непросто для артиста балета — заговорить. Процесс был интересен. Я все-таки в танце лучше себя чувствую. Пока еще есть возможность танцевать и пока ты соответствуешь той пластике, которая должна проявляться на сцене, надо танцевать, но пробовать-то хочется…

«А вот не могли бы вы повернуться к окну и посмотреть туда… Как бы, что же там происходит?» — просит фотограф.

«А что там может происходить», — ворчит Фарух, поворачиваясь к окну, за которым Исаакиевская площадь в серой туманной дымке. «Питерская погода, все, как обычно — серое небо, влажно… И вообще хочется в Париж. Опять. А там хочется домой. В Париже как-то слишком раскованно…»

— А где вам особенно хорошо? Во Франции, в Америке?

— Там, где есть работа. Ведь можно и в Париже тоскливо сидеть без работы. Но и в Питере я долго находиться не могу. Нужно отсюда выезжать и потом приезжать. Дом у меня здесь.

— Как-то не хочется об этом говорить, но срок способности танцевать на сцене ограничен, не правда ли? И что потом?

— Человек может двигаться столько, сколько он сам хочет этого. Просто будут меняться формы. Вот он уже не танцует классику, но просто ходит — и это танец. Знаете, есть один

японский актер, ему 92 года, и он замечательно двигается на сцене. Станиславский сказал: «Чем больше артист, тем дольше пауза…»

— А может, стать хореографом?

— Нет. Это другое мышление, другой менталитет.

— Думаете ли вы о семейных ценностях? О том, что вот нужна семья, дети…

— Дом — это крепость. Да, нужен человек, который поддерживает тебя во всем, и у меня есть этот человек. Надеюсь…

— Балерина…

— Да, артистка балета.

— Вы хорошо друг друга понимаете?

— Говорят так: важно, есть ли вам о чем помолчать. Когда можно помолчать и чувствовать при этом внутренний баланс, а не дискомфорт — это очень важно. Но, когда я думаю о семье, понимаю, что если что-то одно дается — не всегда дается другое. Хотя иногда можно совместить. Но я отношусь к этому терпимо.

«Уделите мне три минуты! Вот, давайте, помолчим немного и попозируем». Фарух подчиняется с мучением в лице. Но не молчит, а почему-то цитирует Пушкина: «Что пользы, если Моцарт будет жив и новой высоты еще достигнет?»

Я начинаю беспокоиться и прошу фотографа не мучить собеседника.

— А вот есть мнение, что артисты балета — люди необразованные.

— А я и не скрываю того, что необразован. Я мало знаю об истории балета, например… Да, я профессионал, а вот в истории — я знаю мало.

Но читал я много. Прочитал всю русскую, французскую, американскую литературу… Трагедия в том, что артистам балета дают плохое образование. А обмануть на сцене очень трудно… И чтобы танцевать классику, ты должен слушать хорошую музыку. И читать… это все наполнение личности.

— Стихи любите?

— Читать стихи меня научила моя первая жена. Поэты — это пророки, и чтобы читать стихи, надо быть к этому готовым. Это как слушать музыку в филармонии. Нужно делать усилие, а мы часто не хотим его делать. Я очень благодарен Ольге — она занималась Серебряным веком и научила меня чувствовать красоту слова.

Для меня вершина — Пушкин, но я не делаю разделения. Очень интересен Бродский, например…

— Пушкина уже читаете со сцены, может, и до Бродского дойдет?

— Может быть, такая мысль у меня возникает. Знаете, у меня даже встреча была с ним в 87-м году, когда Барышников пригласил меня в Метрополитен-опера. И был случай, когда мы поехали поздравлять Бродского с Днем рождения. Барышников взял торт, почему-то уже начатый… Это было давно, но я помню, с каким юмором Бродский с нами общался. Все время Мишу Барышникова подкалывал. Говорит: «Какой ты Зигфрид, ты — мышонок просто…»

— А вам интересны люди, или вы больше в себе?

— Я — замкнут. В основном, мой круг — это люди, с которыми я с детства вместе. 30 лет друг друга знаем. Друзей немного, но те, на которых я могу положиться всегда.

— Как строится ваш день сегодня, когда вас уже называют мэтром, звездой…

— Да не чувствую я себя мэтром! Я всегда был и остаюсь учеником. День… Строится по-разному. Если через неделю спектакль — я начинаю активно заниматься. А экзерсис — это как зубы почистить, как без этого. Час-полтора, иногда больше… Чем большего достигаешь, тем больше времени на это должно уходить.

— А вот есть страх, что вы в любой момент с этой высоты можете упасть?

— Я высоты не ощущаю. Мне как будто кто-то говорит: «Иди,

иди дальше…» Если кажется, что забрался на пьедестал, и боишься покачнуться и упасть — это катастрофа, мне кажется. Начинается саморазрушение.

— Какой вид деятельности вам еще близок, кроме балета? Может, вы пишете, рисуете…

— Никакой. Я не могу сказать, что только балет меня интересует — но вообще пластика. Я фламенко очень люблю. Это, по-моему, высшая форма танца. Я просто мечтаю о фламенко. Но не танцую. Это такой темперамент! Я видел одну артистку в Мадриде — просто удивительный танец. Не знаю, что может на меня воздействовать с большей силой.

Чашки давно пусты, сигареты — в пепельнице, все говорит о том, что пора двигаться к финалу. А ты, как всегда, только начал что-то понимать в собеседнике… А он, как всегда, только-только начал тебе немножко доверять и не ждать с ужасом вопроса: «Какое у вас хобби?»

— Жизнь удалась? Удачно сложилась? Есть моменты, когда вы бы хотели совершенно в другую сторону повернуть?

— Это область фантастики. Но вообще — нет. По-настоящему глубокие переживания у меня всегда были связаны с творчеством. Когда думал, что вот здесь надо было сделать по-другому… Мне, например, жаль, что не получилось более длительного общения с Морисом Бежаром в тот момент, когда он был очень сильным… Сейчас то, что он привозил сюда — это очень слабо. Конечно «Болеро» — балет, обреченный на успех, как и «Умирающий Лебедь»… Плисецкая или какая-нибудь неизвестная девочка из кордебалета — все равно успех.

— Вы опять о балете. А ошибки, ну, скажем, в любви — делали?

— Все происходит, как должно быть.

— Каким видите свое будущее?

— Да я вообще стараюсь в будущее не заглядывать. Надо быть в настоящем.

— Это целое искусство — жить в отрезке настоящего

времени, да?

— Да, это философия буддизма и дзен-буддизма. Я много думал об этом, читал, бывал в Индии…Часто ты понимаешь, что надо делать так, так и так. Но иногда заставить себя поступить как надо — крайне сложно, неудобно. Это зависит от духовного, внутреннего состояния. А человек идет на поводу слабостей…

— И вы позволяете себе это? Слабости?

— Позволяю. Но иногда концентрирую волю.

— Вы достигли внутреннего комфорта? Самому с собой как — нормально?

— Иногда да, иногда — нет. Достигшие состояния нирваны — просветления, если я правильно понимаю Будду, достигают и покоя в себе. Люди часто думают, что это уход от реальной действительности. Я уверен, что этого Будда не говорил. То есть говорил, но подразумевал другое — ты можешь быть по-прежнему здесь, но в состоянии покоя. Мне до этого далеко.

— А вот дзен-буддист писатель Сэлинджер закрылся в своем доме и многие годы ничего не пишет. Во всяком случае — не публикует.

— Может и пишет. Я, когда увлекался буддизмом, доехал до Гималаев. Забрался, черт знает куда. И только там понял то, что знал всегда, но не прочувствовал. А там прочувствовал. Ты должен делать то, что должен делать на сегодняшний день. Не надо никуда бежать, не надо это прерывать.

— Не зря съездили!

— Да, это было сильно. Ездить по индийским дорогам… Мало кто понимает, как это здорово.

За окном пошел дождь. Или град. В общем, какая-то обычная питерская морось. Индию представить было трудно, почти невозможно. Но мы знали, что она есть.

Впрочем, Исаакиевская площадь тоже выглядела нереально — как декорация к спектаклю.

В лице Фаруха Рузиматова появилось что-то особенно нездешнее. Пусть он не похож на Моцарта. Но…

«Когда бы все так чувствовали силу Гармонии!»

2002

Каждому бражнику — по Калашникову

Нарколог и психотерапевт, известный под именем Доктор Калашников, сидел на лавочке у моего дома и остекленевшим взором глядел на дверь подъезда.

Это был пик запоя. Он забыл номер квартиры, что вполне естественно и вообще, наверное, плохо понимал смысл происходящего — зачем он сидит здесь, а не где-нибудь в другом месте.

Давно это было. На заре рождения частного предпринимательства. В те времена Доктор в сыром подвале, где был оборудован кабинет, осуществлял процесс лечения в светлые промежутки между запоями.

Протекало это таким образом: сидит Доктор в кабинете за столом. Очки темные. Глаз не видно. Входит женщина. Плачет. Норовит встать на колени. «Спасибо, Борис Самуилович. Мужа спасли…» Борис же Самуилович и хочет со стула встать, но, чувствую, не может. «Пожалуйста…» — кивает.

При этом писал стихи, оценивал уровень психологического здоровья Невзорова, вел эфиры на радио «Модерн»… В общем, личность формировалась вполне харизматическая.

А потом он пить перестал. Врач исцелился сам. Вроде бы. Харизма, тем не менее, осталась, так что народ идет к нему стройными рядами. Разнообразный такой народец… И в определенном проценте — излечивается.

Героиновые будни

— А вообще-то, Борис, тебе ведь лечить наркоманов и алкоголиков — запрещено. Новый закон ударил вас по голове, да?

— Так мы и не лечим. Якобы. Лечат, как известно в острой фазе. В больнице. Сильными такими средствами, например, вводят несколько кубиков реланиума, от которого можно и концы отдать без присмотра. Мы этим и не занимаемся.

А вот все остальное — реабилитация, так называемая, то есть психиатрическая помощь — это наше. Мы уж тут с ними вожжаемся, а не врачи на отделении. И вообще закон скоро отзовут.

— Только что приняли ведь…

— Так он безумен по сути своей. Совершенно неконституционен. Борется почему-то с бедными наркоманами, которые могут быть отныне посажены в узилище, как тебе известно, сроком от трех до семи лет…

— Вот ты кого преимущественно лечишь: алкоголиков или наркоманов?

— Наркоманов больше. Соотношение один к десяти.

— Тогда о них для начала. Известные люди приходят?

— Слушай, если я имена начну называть, то весь наш истеблишмент рухнет. Не в именах дело.

Дело в том, что сейчас доступность наркотика просто поразительна. Купить его легче, чем стакан семечек. Потому что у Мальцевского рынка стоит человек с характерной внешностью, а на лице его одно написано — героин.

Удельный вес легких наркотиков у нас крайне низок — продавать его не рентабельно. Стакан анаши стоит 500 рублей. А доза героина — 175 рублей. В день нужно не одну дозу, а рублей на 500…

Торгуют — все, иначе на что покупать? А покупать надо. Вторая-третья инъекция рождает зависимость, пятая-шестая попытка вдохнуть через нос — рождает зависимость и т. д.

— Значит, легкие наркотики у нас не в чести. Получается, героин?

— Героин. Понимаешь, ужас в том, что он как бы очень естественен для организма человека, как это ни парадоксально звучит. Организм, как известно, вырабатывает некие наркотические вещества. А тут они попадают извне. Синтез собственных веществ прекращается и человек начинает погибать, ну, как без инсулина. Самому с этим справиться невозможно. Но даже если справился — тянет обратно. И тут уже надо с ним работать, менять систему ценностей.

Я, не буду скрывать, очень хорошо знаю, что такое похмелье. Так вот наркоманы говорят, что готовы эти тяготы переносить годами. Только бы не ломаться. Кстати, замечаешь, среди наркоманов настоящих преступников очень мало. На дозе им просто ничего не надо, на ломке — тем более. Какое там сексуальное насилие, скажем… Да не нужно им просто ничего.

Кроме дозы, конечно…

Мы поименно вспомним всех, кто принял дозу…

— И все же вернемся к контингенту твоих клиентом. Кто они? Куда их гонят? Что так жалобно поют?

— А контингент самый разнообразный. В огромном количестве музыканты, люди шоу-бизнеса, артисты, банкиры… Да ты сама видела. В.из группы «Два самолета» видела? Тележурналиста Ч., да? Сына Л. из БДТ… Актера Л. из сериала «У…»

— Я так поняла, имена называть не будем…

— Не будем. Беда в том, что у нас не принято признаваться в своих пороках. Это очень плохо, на самом деле. Вот когда меня спрашивают: «А вы не пьете?», я говорю: «Уже нет» Если бы все наши люди могли спокойно признать «Да, было…» — это бы им и всем остальным здорово помогло бы. У нас же все в страшной тайне. Даже о том, что Президент болен узнаем за год до его ухода с поста. Стесняются все очень.

Приходит тут ко мне один пациент. Говорит, сон у него плохой. Ну, начинаем беседовать.

— Пьете?

— Нет. Не пью.

Непонятно… И только под занавес вдруг выясняю — он, оказывается, кокаин употребляет. А потом еще героина вмажет. И у него почему-то сон плохой. Ну?

Или вот еще один.

— Пьете?

— Пью.

— Запои бывают?

— Нет, запоев не бывает. Ну, максимум, неделю…

А?…

— М-да… Но, может, они просто не понимают? Наркотики — это понятно. А вот питие… У нас же все пьют, на самом деле. И где тут грань: алкоголик — не алкоголик…

— Видишь ли, главное — утрата количественного контроля. То есть у человека нет чувства насыщения. Один выпьет 300 грамм — и нормально. Другому — не хватило. Ему все время мало.

— Так всем мало! Все через час в магазин бегут по новой!

— Хорошо. Объясняю популярно. У одного из восьми зависимость от алкоголя возникает на клеточном уровне. Алкоголь просто включается в обмен веществ, как наркотик, мы уже говорили. Только наркотик всегда включается, а алкоголь — не всегда. Тут как карта ляжет. От чего это зависит — не спрашивай. Не знаю. Может, генетически наследуется, но не напрямую.

— Ладно. Но почему, в один прекрасный момент они вдруг решают лечиться?

— Страх за здоровье. Сердце начинает барахлить, печень — и он бежит. Или может вдруг понять, что жизнь как-то странно проходит. Три дня пьет — три дня в себя приходит, а дела страдают… Наркоман-то уже ничего не боится, но за него родственники думают.

И нолики кровавые в глазах…

— И вот он решает — к Калашникову! Пусть спасает за неимением адекватной государственной инфраструктуры. И сколько ему на это денег надо?

— Не очень много. Почему? Видишь ли, у них все непросто. Я часто слышу: «У меня денег было, как фантиков. Потом все потерял. Работал грузчиком. Потом снова начал подниматься…» И вот у него скажем, 5000 рублей зарплата. Вроде ничего, но ведь неизвестно, что будет завтра… Месячный курс лечения от алкоголизма у меня стоит сегодня 5000 рублей. Наркоману — дороже: 400 долларов за 2 месяца реабилитации и полтора года наблюдения. Но они со мной и дольше общаются. Куда ж деваться…

— Ну, богатый человек наверняка платит больше, а? Хотя вообще, зачем богатому алкоголику лечиться?

— Если ты спросишь, как у «обитателей дворцов» протекает алкоголизм, то я отвечу — в принципе так же, как и у «обитателей хижин» Живет какое-то время с поправкой на алкоголь. Вроде все как у бедных. Есть одно «но» — он в постоянном страхе вернуться к нищете. «Деньги отчеканены свободой»…

— Это как посмотреть.

— Да, но терять их все равно не хочется. Так что мысли одолевают. А тут выпил — и проблем нет. На фоне тягот похмелья, когда голова болит, сердце стучит — все остальное кажется не столь важным. Жена одно моего пациента — банкира говорила: «Каждый раз на моих глазах, он умирает, воскрешается и умирает снова…»

— Как поэтично! А как же деградация? Осоловелый мутный взгляд? Батареи бутылок в пустой квартире?

— Ну, не так все ужасно… Да, вроде бы деградация. А потом бросил пить — и через 2–3 года все ОК. За полгода человек восстанавливается физически. А за несколько лет вообще приходит в норму.

— И многим удается не спиться?

— Считается, что около половины пьющих прекращают пить вообще. А половина — продолжают это дело.

— Борис, человечество борется с «маниями» черт знает с какого времени. Ну, неужели ничего, кроме кодирования, то есть некоего харизматического воздействия врача на пациента, церковных зароков, химической защиты (злополучной «эсперали») и психотерапии на фоне психоделиков, наукой не изобретено? Ничего принципиально нового?

— Вот хоть у кого спроси — за последние 100 лет исследования в области психических заболеваний не сдвинулись с мертвой точки. Сам механизм появления зависимости от наркотика, компьютера, телевизора, игрового автомата…

— …любви…

— …до сих пор не изучен. Есть, конечно, попытки объяснить что-то с философской, психологической, физиологической точки зрения. Вот может в области генной инженерии нас ждут какие-то открытия…

На столе у Доктора Калашникова лежит тоненькая книжка известного питерского поэта Г. Г. Хорошие стихи, кстати. Но

сможет ли Г. Г. написать изящную поэтическую строчку в трезвом уме? Будем надеяться.

На титульном листе — надпись: «Спаси, Борис, всех питерских бражников». Ну, спасет. А что дальше? Это — вопрос.

2003

Принцесса-клоунесса Наталия Фиссон думает о Шекспире…

Наталия Фиссон — это такая рыжая, искрометная, пластичная, как балерина, смешная, как Чарли Чаплин, по-питерски интеллигентная, талантливая и очень стильная — Актриса.

Выросла из «Лицедеев». Работает в этом жанре — пантомима, клоунада, мистификация, все вместе.

Можно сравнивать с Джульеттой Мазиной в знаменитом фильме «Ночи Кабирии», можно ни с кем не сравнивать, а просто радоваться тому, что у нас такое есть.

В альянсе с мужем-режиссером Вадимом Фиссоном и двумя актерами Игорем Сладкевичем и Николаем Кычевым она играет спектакли в театре «Комик-Трест», а также снимается в кино, ну, и конечно, много путешествует по Европе, где их театр ждут, любят, ценят. Потом возвращается домой, в старый флигелек на Васильевском, где и есть их театральный дом.

Фото Александра Беленького

В штаб-квартире театра тепло, уютно, кругом странные предметы и поражающие воображение одежды, а начинается все с того, что Наташа спрашивает: «А вы знаете, что мы будем играть „Клеопатру“ Шекспира? Вот подумали, а не замахнуться ли

нам на Вильяма нашего, так сказать, Шекспира?»

Я теряюсь и задаю глупый вопрос «А кто будет Клеопатрой?» «Я хотел! — вступает актер Игорь Сладкевич, — но у меня обаяния не хватило!» Поэтому играет Наташа. Но это — дело будущего. А в настоящем — спектакль «Белая история» — такие уморительно смешные виртуальные исторические хроники, где Наталья играет сразу и принцессу и маразмирующую королеву. «Лучше смеяться над нами, чем плакать над собой…» пишут они на своем сайте.

Естественно — аншлаг.

— А вот можете ли вы, Наташа, вспомнить такие поворотные моменты в жизни. Вдруг — раз, и все пошло по-другому?

— Можно я с конца начну? Это встреча вот с этими двумя актерами, Игорем и Колей. Коля — профессиональный танцор и появился, когда наш первый спектакль, первый театр — развалились. Такая была психологическая катастрофа. Потом после того распада, мы уже понимали, что самое главное — отношения. Просто тогда театр перестал приносить доход, но еще не было осознания того, что никогда театр не будет приносить тех доходов, которые уже были у других… В 90-е годы произошла ломка, и в театре остались люди, которым это реально нужно. Не из-за денег.

А Игорь — клоун. Работал клоуном в театре «Мимигранты». И, наконец, в 96-м году мы все собрались. И получился театр. Лидер, конечно, Вадим. Право вето за ним. Но у нас демократический централизм, и когда мы все начинаем пищать, он говорит: «Ну ладно, мне что, больше всех нужно, что ли?»

Отношения изначально должны быть равными, чистыми, откровенными, и если что-то не устраивает, нужно сразу вываливать это на стол и находить консенсус.

— То есть все всегда начиналось с какой-то встречи?

— Да, вот в 93-м году была очень странная встреча. Я оказалась заграницей в Германии. Это был юбилей огромной телевизионной компании, и меня пригласил на этот праздник Полунин. Огромное Гала в Штутгарте, самые знаменитые коллективы мира, 10000 людей, все ВИПы Германии. А я там работала со зрителями, ну, делала, какую-то мини-импровизацию, и один немец увидел там меня и говорит по-английски: «Ты кто? Откуда? Дай координаты!» Ну, я дала

телефон и все. Он говорит: «Я тебя запомнил». Какой-то бред. Но начались звонки. И меня пригласили в знаменитое шоу в Германии. А был 94-й год, и друзья кричали: «Это очень опасно, туда увозят наших девушек работать проститутками…» А оказалось, что это уникальное шоу, где работают актеры всех стран. Швейцарцы, канадцы, французы, американцы.

Но, конечно, самая судьбоносная встреча — это встреча с Вадимом Ильичом Фиссоном. Я мечтала поступить в театральный институт. Уже после студии «Лицедеев», куда я тоже попала совершенно случайно. Пришла приятелю книжку передать, а там — набор. И меня приняли. Но я мечтала об институте. И мне посоветовали пойти к Вадиму, который уже закончил Театральный, посоветоваться… И в «Сайгоне», в центре города была назначена встреча. Вадик пришел, а я опоздала минут на 20… для меня это вообще было не опоздание. В «Сайгоне» такое было в порядке вещей… А этот молодой человек с палочкой, с бородой, — меня отчитал. Он показался мне очень взрослым, и я поразилась, когда узнала, сколько ему лет. Он готовил меня в Театральный институт. И я поступила. И из чувства благодарности вынуждена была выйти замуж… Мы были люди разных миров: он — классик, любитель бардовской песни… Когда слышал о Гребенщикове или о Цое, у него случалась истерика.

— Извините за банальный вопрос, но в этом месте не могу не спросить о любви. Что значит для вас это слово?

— Наверное, все. Оно подразумевает так много… Не мне винить судьбу — повезло. Моя вторая половина был найдена. Тоже совершенно случайно, и сначала казалось, что это не так. Все начиналось с бурных выяснений отношений, с противоположностей, которые долго сходились. И до сих пор мы в чем-то очень различны. Он говорит: «Ну почему ты всегда наоборот?» На самом деле по прошествии времени можно сказать, что нашлась вторая половина.

— И каково это работать с мужем вместе много лет? С вашей эмоциональностью?

— Творческий муж — это очень сложно. С одной стороны — да, повезло, есть взаимопонимание, нет вопросов, почему день не нормированный, почему мы все время в разъездах и т. д. Сложно, что работаем вместе. Но ведь человек на работе настолько другой… Мы делали театр сами из ничего. И те проблемы, которые в государственном театре разрешены, мы решали сами.

Как театр должен жить — все, начиная от быта…

— А бывает так: все, не могу больше работать с ним…

— Понимаете, здорово то, что Вадик в жизни ищет такого же творческого разнообразия, как и в театре. Например, свой 41-й день рождения Вадик сыграл, как начало военных действий. Были военные одежды, военкомат, продталоны, санобработка… Кружка, ложка, командиры танковых войск, медицинского отряда. Майор доктор Лев Щеглов (известный сексолог — А. Б) участвовал… Целая акция. А свадьба Игоря Сладкевича была сделана в стиле комсомольской свадьбы 70-х годов, с плакатами, отчетными докладами. У нас вообще веселая жизнь. Розыгрыши бесконечные… Однажды придумали гениальный розыгрыш. Позвонили Щеглову и привели ему «клиента»— иностранца, у которого проблемы. Наш друг Дерек — гениальный актер, он пришел к Щеглову и рассказал, что у него — трагедия. Якобы у него есть девушка-американка, но однажды, поссорившись с ней, он изменил ей с русской девушкой, и теперь — все. Не может ничего с американкой, отношения разлаживаются. А, когда слышит русскую речь — полная боевая готовность… И что вы посоветуете, уважаемый доктор? Лева все это слушал с каменным лицом… и ничего не понял, пока Дерек не передал конверт с приглашением на мой День Рождения. В общем, наша жизнь кипела даже тогда, когда театр приостанавливался.

— А какая вы дома? Если вообще дома бываете?

— Дома я бываю. Но не часто. Хозяйка я ужасающая. А дом у нас сумасшедший. Там еще кроме тысячи гномов (я их собираю, и они все появляются и появляются) есть мама Вадика, собака, кошка…

— Где бы вы еще могли жить кроме Петербурга?

— Меня часто спрашивают, почему мы не на Западе. А еще журналисты все время спрашивают: «Почему вы еще не в Москве?» Очень просто. Мы можем существовать только здесь. Потому что, во-первых, в Петербурге повышенная влажность! Мозги, наверное, в этой атмосфере разжижаются и прорастают в результате всякие гнилые идейки… Адасинский вырос здесь, театр «До», «Шарманка»… Что-то здесь есть в такое в природе и атмосфере. Хотя, как заметила Татьяна Москвина, это «город, не предназначенный для жизни». Питер рождает интересные вещи,

но… никакой город в России так не равнодушен к этим вещам.

— Вот вы колесите по Европе. Образ европейской женщины и образ женщины из Петербурга — они разные?

— Мы все больны патриотизмом. Мне приятно, когда шотландцы и англичане делают нам комплименты: «Какой у вас стиль! У вас в России все такие элегантные?»

— И когда родился этот ваш, собственный стиль?

— Не знаю, маму надо спросить… Когда мы делали спектакль «Чушь во фраке», я решила подстричься. Мне сказали, что вот есть интересный мальчишка, работает в салоне. Так я попала в руки к Мише Фирсову. Я была блондинкой, а он говорит: «Да, я знаю, что нужно…» Разводит составы, мажет на голову, и ведь непонятно, какого это будет цвета… Когда же он вымыл и показал… Я — рыжая! А на следующий день должна играть в спектакле… «Все, — думаю. — Он — сумасшедший…» Иду домой. Тут Вадик меня увидел и закричал: «А-аааа!» Но родился образ. Не моим гениальным решением, а случайной встречей. Правда, рыжий цвет имеет множество оттенков, в каждом спектакле для каждой героини — разный…

В Шотландии один критик так и не понял, что я две роли в «Белой истории» играю, и написал: «Странно, на цене было 4 актера, а кланяться вышли трое»… В каком он состоянии на спектакль пришел, интересно…

— Так, теперь, пожалуйста, об одежде. Разберем, так сказать, стиль по косточкам.

— Мои друзья объяснили мне, что, оказывается это стиль гранж — смесь старых вещей и новых, модных. Спасибо, теперь я знаю, как одеваюсь. Это все связано с профессией, ведь что такое клоунада — клоун должен сам чувствовать свой костюм. Образ рождается из пластики, графики, никто так не ценит линию, как наш коллектив. Драматический актер включен в слово, а для нас главное — линия.

Вот мы уже говорили, что ты идешь по улице, встречаешь человека, и после нескольких слов в тебе что-то меняется…

Я случайно познакомилась с Таней Парфеновой. Она такой философ-мыслитель. И был обыкновенный разговор за чашкой кофе, и она вдруг начала говорить о том, как чувствует линию. Целый мир мне открыла. Я стала иначе все видеть.

— И как вы одеваетесь теперь?

— Это складывается очень хаотично. Вот появилась девушка в театре. Анна Белякова. Она сшила мне классное платье.

Меня познакомили с Дианой Голубковой… Она отдала мне свою коллекцию, и мы делали на ее основе выставку фотографий. Я надела белое платье, маску, колпак… и вдруг мы поняли, что это будет спектакль. Так появился спектакль «Белая история». Это платье дало толчок…

И в жизни то же самое. Вот надела платье с ботинками, а потом выяснилось, что оказывается это модно. Украшения я теряю. Ношу только те, которые мне возвращали, потому что знают — вот такой будильник только Фиссон может надеть…

— У вас очень яркий образ. А затеряться в толпе, стать незаметной, вам никогда не хотелось?

— Я не думаю, что мне бы хотелось бешеной популярности, чтобы за мной гонялись поклонники и поклонницы. Я уже осознаю, что так жить невозможно. Нет, я спокойно захожу в магазины, и когда ко мне подходят и говорят, не мог ли я вас где-то видеть, я говорю — нет. Человек верит и уходит. А за рулем вообще можно одеваться и выглядеть как угодно.

— Да, я читала, что вы — лихач.

— Нет, неправда, я не нарушаю, насколько это возможно в нашей дорожно-ремонтной ситуации. И вообще женщины рискуют меньше мужчин. Моя задача такова: издалека дать всем понять, что за рулем женщина. Поэтому я эффектно и ярко крашусь, а машина у меня огромная, и водители ведут себя вежливо. Даже джипы уступают мне дорогу. Никто меня не подрезает…

— Но вы снялись в новом сериале «Небо и земля». И скоро вас все будут узнавать на улицах, никуда от этого не деться…

— Ну, на видеокассетах уже вышел фильм Татарского «Ниро Вульф», где снялся весь наш коллектив. Так вот, если кто-нибудь из зрителей узнает нас там — просто можно давать премию. Вычислить там меня очень тяжело. Мне вообще очень нравится кино, оно такое непредсказуемое… Результат может быть ошеломительный.

— Я вот думаю, какое у вас удачное амплуа… Вам

совершенно не страшен возраст.

— Хотелось бы верить… Я, когда закончила Театральный, пришла на Ленфильм, и там отвечала на вопросы древней анкеты. Вопросы были такие: «Участвовали ли вы в партизанском движении?» И я стала отвечать в этом стиле. Я, например, писала, что владею стрельбой из танка, а амплуа мое — «комические старухи»…

— У вас, по-моему, много мужского в характере.

— Наверное. В юности я была очень рыхлая, инфантильная… Но окружение воздействует, идет какое-то осознание себя… Но я недовольна.

— Чем?

— Собой. Я бы хотела совмещать деловые качества и все остальное. Люди бизнеса, с которыми мы сталкиваемся на корпоративных праздниках, меня поразили. Нет, они уже не работают по 24 часа в сутки — они прекрасно осознают, что бизнес не должен вредить семье, их жизни, здоровью… Это так противоположно нашему актерскому стилю… Хотелось бы совмещать. Но спонтанность — это великая вещь, и женское начало нужно сохранить. И в офисный костюм я бы не переоделась. Жесткий стиль пугает мужчин, и страшно стать чужой близкому человеку вроде бы в стремлении развиваться… А он вдруг увидит другого человека. Если кто-то начинает меняться, а второй не принимает это — страшно. Или оба меняются в разные стороны, и тогда нужно разойтись. Это не катастрофа, но если мы не хотим потерять друг друга, нужно пытаться понять…

— У вас получается?

— Пытаемся. Как сохранить в себе женское начало и соответствовать сегодняшнему дню — вот самый большой феномен, секрет, который хотелось бы узнать…

Как это странно — вдруг ощутить себя ребенком, радующимся разноцветным мыльным пузырькам… На спектакле «Белая история» они летят и летят с неба, прямо на голову Наташе. И остается только включаться в игру, хлопать в ладоши, и не забывая о бренности бытия, радоваться жизни. Так, как умеет радоваться жизни и играть актриса Наталия Фиссон.

2003

Яков Гордин: «Бродский существовал вне правил»

В городе в очередной раз отмечали День рождения Иосифа Бродского. 24 мая ему бы исполнилось 64 года. А 40 лет назад поэт был приговорен к пяти годам ссылке за «тунеядство».

Город запомнил его молодым, талантливым и опальным. Все остальное — слава, все мыслимые и немыслимы почести свалились уже там, за железным занавесом.

Его друзья, соратники, враги — рассеяны по свету. В Петербурге принято в эти дни приходить в музей Ахматовой. Анна Андреевна по сей день «опекает» Джозефа.

Накануне дня рождения поэта мы встретились в музее Ахматовой с другом Бродского, главным редактором журнала «Звезда» Яковом Гординым.

— Яков Аркадьевич, можете вспомнить какой-то яркий эпизод, характеризующий Бродского в юности?

— В 58 году я вернулся с целины. С Бродским я уже был знаком и однажды привел его в университет на заседание студенческого научного общества (СНО). Я там делал доклад о поэзии 20-х годов. Началось обсуждение. Иосифу было тогда 18 лет, он решил выступить в прениях и начал свое выступление с цитаты из книги Троцкого «Литература и революция». А Троцкий был под строжайшим запретом, его книга была изъята и уничтожена, так что выступление Иосифа привело в совершеннейший ужас нашего профессора, который понимал, что нужно немедленно реагировать, иначе неприятностей не оберешься… Начался скандал — я описал его в своей книге «Перекличка во мраке» (книга Я. Гордина «Перекличка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники» издана в Санкт-Петербурге в 2000 году — А. Б.). Причем наш профессор пришел в такое волнение, что постоянно путал фамилии Бродский и Троцкий. И кричал: «Троцкий — вон из зала!»

Это очень характерный для Бродского эпизод. Он просто жил по другим правилам. Он ведь знал, конечно, что Троцкий фигура нон-грата и вовсе не хотел бросать кому-то вызов. Просто прочитал книгу, и ему показалось, что это кстати. Он существовал вне правил, что и раздражало безумно и тех, кто был прикосновенен к власти и тех, кто не был, но предпочитал жить по правилам.

Бродский не провоцировал власть, он просто жил, как жил. И вот с этого эпизода, по-видимому, и начались его отношения с госбезопасностью. Конечно, его взяли на заметку, стали прослушивать телефон, и под этим оком недреманным он жил до ареста и после.

Таких эпизодов (может быть не столь откровенных) было много, это был его стиль.

— Но ведь он не один так жил — те, кто его окружали, жили в том же стиле?

— Да, мы были людьми сравнительно свободными, но, конечно, многое зависело от характера, от воспитания, от семьи. Наш круг практически был однороден. Мы не принимали эту действительность, но с разной степенью интенсивности. В книге я писал об одном памятном для меня вечере. Мы были с компанией у приятельницы — Елены Валихан, в том самом доме с темно-синим фасадом, воспетом в «Стансах».

«Твой фасад темно-синий я впотьмах не найду…» Бродский сказал мне тогда одну фразу, причем речь шла не о политике, а об отношении к миру, к обществу. Он сказал: «Это морская пехота научила тебя не лезть на рожон». Ему было важно понять, почему его приятель не разделяет его максималистских по отношению к миру позиций.

Потом он перешел на позиции стоицизма — недаром у него есть стихи о Марке Аврелии… Но, конечно, он был не один такой. Это был круг людей, которых сейчас жизнь разбросала по всему свету. Один, например, живет в Париже, занимается переплетным делом, многих я потерял из виду…

— Дмитрий Бобышев очень ревниво говорит о Бродском…

— Ему не следовало бы вообще говорить о Бродском, учитывая некоторые особенности их отношений. И это не ревность, это зависть.

Он написал книгу, и мне неприятно это говорить, но, на мой взгляд, книга — злобная, лживая. Его мучает само существование Бродского как культурного феномена.

— Может быть дело в том, что его судьба затмила судьбы многих поэтов, которые существовали рядом. Например, Евгения Рейна?

— Нет, это не так. Рейн — большой поэт, он совершенно

самодостаточен. Он — сам по себе.

— Скажите, какие мифы о Бродском не очень соответствуют действительности?

— Существует, например устойчивый миф о Бродском — космополите. О Бродском, выросшем на западной культуре. Это не так. Конечно, он активно впитывал западную культуру, как все большие поэты, и сращивал ее с русской… Но если даже проследить количество скрытых и открытых цитат из русской поэзии, которые есть в его ранних и поздних стихах, — видно, из какой почвы он вырос.

Бродский — не западный поэт, он — поэт, который перешагнул некий рубеж. Экспансия западной традиции в русскую литературу, новизна этого литературного явления вызывает подобные домыслы.

— Яков Аркадьевич, вы говорили с ним о возвращении?

— Да, мы не раз это обсуждали, говорили об этом и когда встретились после большого перерыва в 90-м году в Америке. Тут было несколько моментов. Никакого принципиального неприятия страны, которая его изгнала, у Бродского не было. Он заявил об этом с самого начала. Первое интервью, которое он дал в Европе, называлось «Оглянись без гнева». Но ему уже сделали 2 операции на сердце, и он боялся того стресса, который испытал бы в России. Но главное другое — он увез с собой очень определенный образ города, и этот образ города его детства, юности был ему очень дорог. Он понимал, что все изменилось, и боялся разрушить тот петербургский миф, который привез с собой. Кроме того, он был человек очень щепетильный, очень чуткий к всяческой фальши, и представлял себе, какой начнется ажиотаж, как поднимется вся эта пена, и масса малознакомых людей будут претендовать на его внимание. Он мне говорил: «Ну как приехать в свой город знаменитостью?»

На Западе он спокойно принимал все мыслимые и немыслимые почести, но тут был его города, здесь он воспринимал себя по-другому, не так как в Венеции, Нью-Йорке, Париже. Он боялся оказаться в нелепом положении. Он не знал, как себя вести.

— Вы виделись в Нью-Йорке и в Массачусетсе, в его деревенском доме, который уже перестал существовать… Как он себя чувствовал в США?

— Первый период был мучительный. Тяжело было с языком, а нужно было читать лекции, писать на английском. А потом он вошел в эту жизнь, выбрал себе позицию, освоил язык, и никаких сложностей не испытывал ни в Европе, ни в Америке.

— Гражданин мира?

— Да, но рожденный этой культурой, этой страной.

— Можно ли говорить о творческом пике? На какие годы, по-вашему, он приходится?

— И в первые пять лет были потрясающие стихи, и в 92 году, а пик, если о нем можно говорить — это годы от 1965 и по 1975. То есть последние годы здесь в России, затем год перелома, время в деревне после той «мясорубки» и первые годы в Америке.

— Такая слава при жизни дана далеко не каждого поэту… Все-таки главное — стихи, или необыкновенная биография?

— И то, и другое. Если бы не было истории с судом, ссылкой, он бы все равно остался большим поэтом. Но, разумеется, путь к славе не был бы так стремителен. Очевидно, он вообще был бы другим. Но уже по ранним стихам можно сказать, что это был человеком с явными чертами гениальности.

2004

Макс Фрай: «То, что человек взрослеет — это миф»

Солнечным зимнем днем, в уютной кофейне на Васильевском один из самых загадочных современных писателей нашего времени, автор многочисленных томов (всех этих «Лабиринтов Эхо», «Гнезд Химер», «Волонтеров вечности» и прочих таинственных историй) принял образ очаровательной дамы по имени Светлана Мартынчик. На днях в свет выходит ее новая книга из серии «Хроники ЕХО».

Макс Фрай оказался мистификатором из Одессы. В прошлом — студентка филологического факультета одесского университета, художник, продавец книг, редактор сайтов, менеджер…

— Можно теперь открыть тайну имени Макс Фрай?

— Я три года назад была вынуждена официально сообщить, что пишу книги, подписанные именем Макс Фрай. В противном случае питерское издательство «Азбука» собиралось присвоить это имя и даже оформило какие-то бумаги в Торгово-промышленной палате, где имя Макс Фрай было названо их торговым знаком. Мне пришлось открыть свой псевдоним.

— Вы пишите в соавторстве?

— Нет, тут такое дело — я пишу книги одна. Собственной рукой. Но мой коллега Игорь Степин, с которым мы выступали в тандеме как художники, является создателем города ЕХО, в котором происходят все события. Он придумал и описал это фантастическое пространство. Когда мне нужно выяснить, какие там есть улицы, кафе, какие блюда подаются, обращаюсь к нему. Я невнимательна к деталям.

— Вы пришли в литературу из Интернета?

— Нет, все было наоборот. В литературу я пришла из современного актуального искусства. Мы выставлялись в Москве, Нью-Йорке, в Германии и даже здесь, в Русском музее. Во время зарубежных странствий мы стали придумывать истории, как это бывает в диалоге двух близких людей. Потом все эти истории стали реализовываться на бумаге. Первая книга вышла в 96 году, а в конце 98 года Макс Фрай появился в Интернете. Фрай

произошел от немецкого «фрай» — слово, которое пишут на безалкогольном пиве. «Без алкоголя» То есть в переводе имя автора означает «Без Макса». Мы очень честные. В Интернете я стала делать свои проекты — обзоры литературных конкурсов, придумала библиотеку ненаписанных книг. Работала также заместителем редактора сайта, зарабатывала деньги разными способами… Например, трудилась кризисным менеджерам в политических партиях — следила, чтобы люди вовремя получали зарплату, чтобы деньги, которые идут на политическую компанию, не разворовывались. Даже официального сайта у меня никогда не было — его делали другие люди, а мои романы там публиковали с ошибками, потому что, редакторы «Азбуки» вставляли в текст какие-то просторечия, чтобы было понятней народу. Я это позднее заметила. По образованию я недоучившийся филолог. Ушла из университета. У меня были разногласия с преподавателями.

— Можно ли назвать жанр, в котором вы работаете «фэнтэзи»?

— Я не верю в литературные жанры. Эта классификация удобна для продавцов книжных магазинов. А я делаю очень разные вещи. Есть и то, что укладывается в фэнтэзи, а, например, «Энциклопедия мифов» — это скорее мистический реализм, или как я говорю «городской шаманизм» — когда с обычными жителями мегаполиса происходит то, что произошло бы с жителем Амазонки, когда они выпивали котел настоя из кактуса.

— Почему так велик интерес к такому виду литературы?

— То, что человек взрослеет — это миф. У нас становится больше опыта, ответственности. Но кто сказал, что мы должны отказываться от сказок? Просто взрослый человек, когда видит книгу в жанре фэнтэзи, или мистического реализма, испытывает просто счастье: вот она сказка — тот витамин, которого не хватало организму.

— Но есть люди, которые не принимают фэнтэзи. Мне ближе ваш «Идеальный роман» — очень смешная пародия на разные литературные жанры.

— Ну, это книжка — игрушка. Просто такой художественный проект.

— А кто ваш читатель? Представители продвинутой молодежи?

— Я не сижу и не планирую: вот эту книжку будет читать продвинутая молодежь от 16 до 25, а эту — усталый офис-менеджер. Читают самые разные люди от 12 до 70 лет. Одно только заметила — среди моих читателей много девушек.

— Вы написали очень много. Как это возможно?

— Когда я начинала писать, то писала по три толстенные книги в год. Это было, когда я зарабатывала деньги, в основном, в офисе, с 11 утра до 11 вечера. И как маньяк писала до 4 утра. И остановиться было невозможно — эти истории несли меня как горная речка. Я бы захлебнулась, если бы перестала писать. Но когда этот безумный ритм прекратился, и я перестала бегать по офисам и зарабатывать на кусок хлеба, то заметила, что стала писать меньше.

Это уже делается более серьезно и осмысленно, и подсознательно я понимаю, что сажусь работать. Хотя какая же это работа? Удовольствие.

— На кого-то из писателей ориентируетесь?

— Когда в Питере появилось издательство «Северо-Запад» и стало издавать фэнтэзи, я в городе Одессе зарабатывала тем, что продавала книги с лотка. И всю эту серию перечитала. Мне хватило. Сейчас есть автор, которого я очень люблю, — Джонатан Кэррол. Это очень мой автор, мы дышим в одном ритме. Вообще читаю много меньше, чем раньше. Писательство — это хорошее лекарство от запойного чтения.

— И вообще хорошее лекарство?

— Для меня писательство — это не попытка решить свои проблемы, это не психотерапия, если вы это имеете в виду, а возможность выплеснуть бесконечные истории. Я — прирожденный сказочник, акын, я могла бы в первобытном обществе зарабатывать на кусок мамонта сидя у пещеры и рассказывая байки. В детстве, когда я рассказывала страшные сказки, вокруг меня собирался весь двор. Теперь рассказываю байки в более безупречной форме.

— Какие праздники любите?

— Мой праздник — День зимнего солнцестояния. Когда день начинает увеличиваться, я чувствую себя восхитительно… Это и есть для меня начало года.

2005

Илья Стогоff хотел написать богословский трактат… А что получилось?

Илью Стогова называют то литературной Золушкой — вдруг попал на бал, который правили Пелевины и Толстые, то «infant terrible» — что-то от Лимонова, что-то от Довлатова, что-то от Ерофеева. Все дружно утверждают, что в романе «Мачо не плачут» прозвучал голос нового поколения… И хотя сейчас вышел новый труд Стогова «Революция продолжается», о «Мачо» спорят ожесточеннее. Этот пропитый голос не всем понравился. Не все в восторге и от героя — неприкаянного журналиста, мающегося в промозглом Петербурге.

Илье, который предпочитает писать свою фамилию с двумя ff на конце (так легче найти себя в поисковых программах Интернета) 30 лет. Из них 11 он занимается разнообразной журналистикой с перерывом на мытье полов в кинотеатре города Берлина. В 95-м году начал демонстрировать религиозную активность и даже представлял Россию на форуме религиозной католической молодежи. Сфотографировался рядом с Папой Римским.

О манифесте поколения

— Илья, как удалось с первым же романом попасть «в десятку»? Случай? Точный просчет?

— «Мачо не плачут» — не первый мой роман, конечно. Я работал «литературным негром», писал детективы под чужими именами. С «Мачо» обошел 14 издательств. Мне везде было отказано. Говорили: «Очень хороший роман, но время не то». «Амфора» взяла на себя смелость напечатать.

Я написал «Мачо» в 98-м году, когда случился дефолт, журналы перестали платить и вообще было плохо. Все неправильно решили про роман, что это орально-алкогольный экспириенс… На самом деле все не так, честно! Я по образованию магистр богословия (закончил Российский Христианский Гуманитарный институт) и мой настольный журнал — «Мир библии». Так вот там было опубликован эссе английского библииста Питера Крихта про три книги Библии, причем особенно меня пленило то, что он написал про Экклезиаст. Питер Крихт пишет, что структура Экклезиаста на самом деле очень

стройна и в ней рассматривается пять смыслов жизни, а кроме этих пяти ни одного и нет. И роман про это. Пять новелл — просто иллюстрации к статье Питера Крихта. А то, что это было воспринято, как манифест поколения, произошло случайно, привело к глупым эксцессам, и меня не радует.

Вот, к примеру, приезжаю на московскую книжную ярмарку, на презентацию своей книжки. Вообще, когда пишешь такие романы, печень долго не протянет. Каждый подходит и говорит: «О, сейчас мы с тобой пить будем…» Уклониться не всегда выходит, и вот нужно выступать, а я уже не очень на это способен. Но мне говорят, там тебя толпа ждет, иди. Я думал, что читатели моей книжки — это такие блуждающие войны собственной войны — суровые небритые мужчины. Вышел на сцену и опух, потому что там собрались прыщавые школьницы, некрасивые, с толстыми ногами, они увидели меня и как на рок-концерте заорали: «А-а-а…» Вот к чему это привело. А я хотел написать богословскую книжку. Но получилось по-другому.

— Не знаю, как насчет богословия, но такое ощущение, что это все про вас, что вымысла в этом немного…

— Вот видите, какой я мастер слова, как я здорово я это все стилизовал.

О правде и вымысле

— Ну, это понятно, ваши герои живут своей жизнью, но процент узнаваемости — люди, настроения, место действия — в книге очень высок.

— Я, конечно, человек очень тщеславный и амбициозный. И говорю, что я — лучший писатель в этой стране. В этом году. У простого набожного паренька Ильи Стогова без всякой раскрутки четыре тиража улетело. Но я, хоть и лучший, как был журналистом, так и остался журналистом. «Революция сейчас» поэтому для меня гораздо типичней. Это реальные биографии людей, которые делали теракты в стране за последние 15 лет. И это намного интересней любого вымысла. Жизнь ведь вообще показывает такие куролесы — только успевай рот открывать…

Я уезжал на Филиппины в январе встречаться с Папой Римским. У нас тогда птицы замерзали, так холодно было. А там ночью — плюс 32. Из соображений безопасности нам швы на одежде прощупывали, чтобы чего-нибудь не пронесли… А потом заперли в часовне ждать Папу. И когда солнце встает, свариться можно. Я ждал, ждал и отпросился у охранников в туалет. Зашел,

начал прикуривать, зажигалка упала на пол и взорвалась. Вы когда-нибудь видели, чтобы зажигалки взрывались? Филиппинцы выломали дверь, положили меня на пол и хотели застрелить. Я заорал: «Не стреляйте! Зажигалка!..» Это не вымысел, на самом деле все так и было.

У меня в детстве была книжка про индийских тигров-людоедов. Я читал и плакал. А накануне года тигра, приехал в зоопарк. Нужно было снимать тигра на обложку журнала, где я тогда работал, и я разговорился там с одной тетенькой. Какие на фиг джунгли! Там перелезть через ограду очень просто. Каждый год школьники ночью перелезают, засовывают руки в клетку, чтобы выпендриться перед девочками и вытаскивают полруки… Представляете, тигры-людоеды в Питере! Вся экзотика — она здесь.

О городе

— У вас странный город вырисовывается. Город прокуренных редакций, кафе, ресторанов, притонов…Таким вы его видите?

— Я не почвенник. Я совсем другой. Никаких сентиментальных чувств по поводу Петербурга не питаю. Ах, разведенные мосты… Я переезжаю с места на место раз в три года. Нормального дома у меня никогда и не было. Можно и в Москву поехать. Бедному собраться — подпоясаться. Но город, он интересный. Ну, вот, я писал про радикальные политические группы, о скинхедах, например. В книгу не вошло, как я звонил Артему Таланкину, который прославился самым известным актом ультраправого радикализма — отрезал азербайджанцу ухо в метро. За что отсидел три года. То есть взял нож и на день рождения Гитлера это сделал. Звоню я ему по поводу интервью, и он говорит: «Сегодня не могу, у меня ребенок родился, и я за ванночкой еду на другой конец города…», то есть… человек? Ухо, да, но ванночку привезти нужно! Очень интересно. Смотреть только нужно.

Или вот у нас в городе есть пять католических женских монастырей. Кто об этом знает? Когда сестры-доминиканки идут на службу, водители впереди идущие машины таранят, потому что это как в кино про Айвенго. Впереди толстая матушка-настоятельница с четками — позади монашки. И это все на Невском!

О языке и смысле жизни

— Как вы думаете, на что похоже то, что вы делаете?

Возникает ощущение цитирования.

— Вся мировая литература — это цепочка цитирования. Но почему-то все говорят, что раз у меня пьянство и секс, то это Лимонов и Довлатов. Вот уж у кого я ничего не перенял, так это от Лимонова.

Лимонову Бог дал уникальный экспириенс. Он потерял любовь с большой буквы и мучился, и эти вопли сложились в замечательный роман. Дальше он решил оседлать этого конька. Но когда человеку 60 лет, мне не интересно читать, с какими барышнями он спит. Я «Эдичку» читал не потому, что он спал с негром, а потому что он любовь потерял, он страдал, он хотел чего-то чистого и светлого. И хотя в моем романе физиологизма много, у героя душа тонкая, она как цветочек… Он хотел как лучше, другое дело — что мир такой. И все рухнуло. Зачем жить дальше.

— А собачку он зачем убил?

— Он бы себя убил — пришлось убить собачку. Так бывает. Человек думает: «У меня все хорошо, есть работа, есть девушка, я сейчас женюсь, буду жить долго и счастливо и умру с ней в один день». Но… И вот это «но» вдруг приводит к тому, что нет работы, нет девушки, ничего не остается…

Я много читал Буковски по-английски (сейчас его перевели), и в первую очередь, я на него ориентировался.

Но я не хотел снова написать про пьянство, как Буковски и Ерофеев. Такой задачи не стояло. Хотелось написать, что прятаться от жизни за жалюзи железные — это не честно, это не по-мужски. Жизнь — она не очень симпатичная штука. И какой вывод? Мне хотелось дать понять, что выход есть, надо в церковь идти, искать помощи. Но почему-то кроме меня этого вывода никто не сделал. Может, перемудрил?

2003

Андрон Кончаловский: «Когда брат отказывается от работы, я — соглашаюсь…»

Кончаловский был трудно уловим. Только что отзвучали последние ноты финала оперы «Бал-маскарад», упал занавес и, поплутав в коридорах Мариинки, я вышла на сцену, где толпились пропотевшие певцы и девицы с роскошными букетами.

«Осторожно, кровь!» — взвизгнул кто-то. Скользя в луже «крови» (трагический финал, что делать…), мы пробирались сквозь объятия и поздравления. Кончаловский стремительно куда-то бежал, кричал: «Где Юля?» (кстати, без очаровательной жены Юли наша беседа вряд ли состоялась бы) и всех уговаривал немедленно пойти выпить. Народ соглашался. Под аккомпанемент этих призывов и шло наше стремительное интервью.

О «строительстве» оперы

— Андрей Сергеевич, Вам понравилось, как играли сегодня?

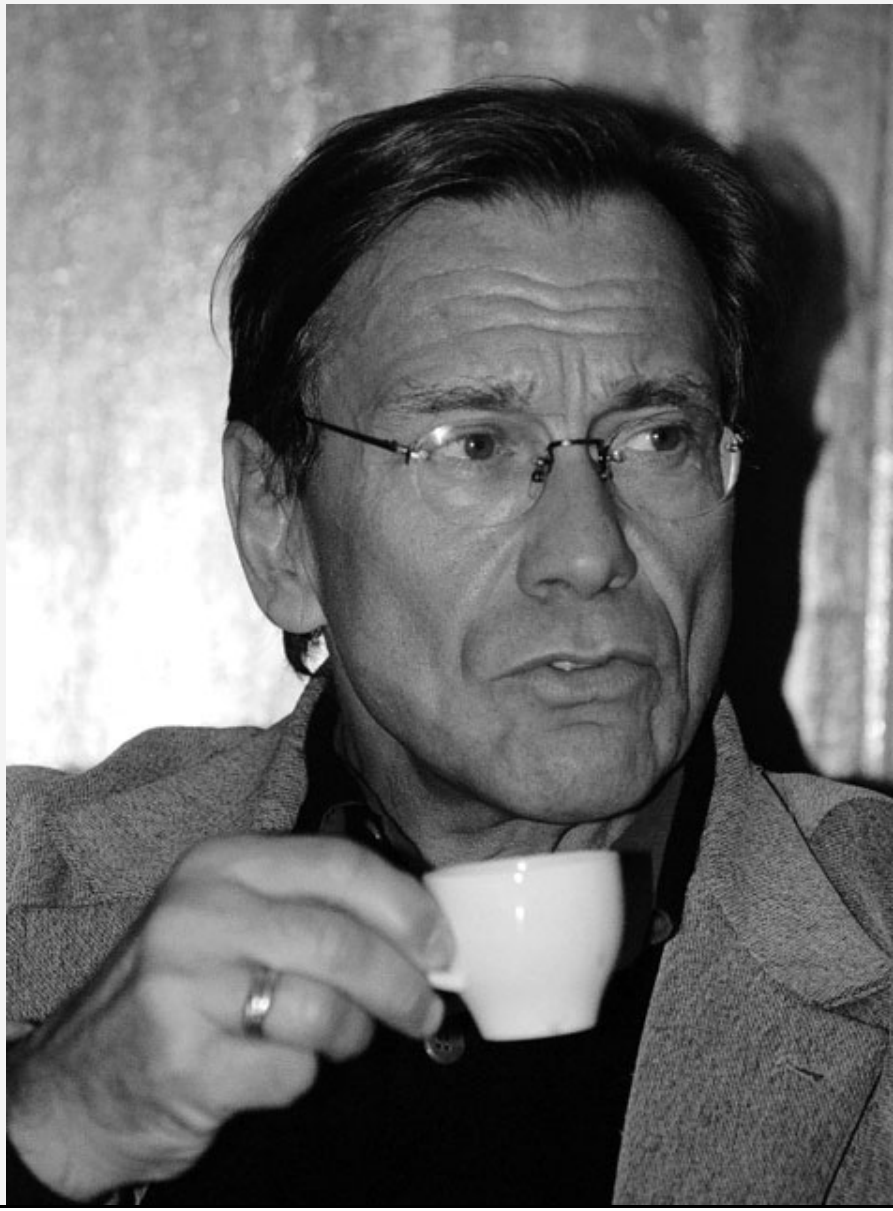
— Они не играют — они поют. Да, понравилось. Это ведь очень сложно…

— Опера и кинематограф — это, все-таки, жанры совершенно разные. А что вам ближе?

— Ничего не ближе. Ближе режиссура. А где — не важно.

— Как Вы пришли к опере? Ведь она так консервативна в сравнении с кино. Все равно интересно?

— Конечно! Интересно, чтобы люди волновались, хлопали, радовались… Им должно нравиться — вот и все. Меня пригласили. Вы же знаете, я в консерватории учился. В 85-м году я начал работать в этом жанре. Потом Гергиев меня уговорил на «Войну и мир». Так что это уже четвертая опера. Причем я ничего не выбираю. Строю из того, что мне дают. Мне дают вот эту оперу, вот этих певцов.



— Вы такой путешественник — со стажем. Гражданин мира. Как вы воспринимаете Петербург?

— Вы знаете, я везде ощущаю себя естественно, где есть работа. Когда работаешь — естественно, не работаешь — не естественно. В Петербурге хорошо, потому что Петербург это — некрополь, это прибежище великих теней.

— Вы так его воспринимаете?

— Все великие города — это прибежище теней. Рим, Флоренция… Нельзя же ходить по Флоренции не думая, что здесь ходил Данте.

— Но есть ли какое-то место, где вы не работает, но вам хорошо?

— Дом, конечно. Дом может быть где угодно. В Калифорнии мне было очень хорошо. Вообще хорошо и уютно там, где тебя любит. В самом красивом месте, если никто не любит и со здоровьем еще неважно… Но, конечно, хочется быть нужным не только дома, но и вне его — обществу. В России я больше нужен, чем в Америке.

— И дальнейшие ваши планы связаны с Россией?

— Нет, не только. Буду работать в Мексике, Мадриде, Зальцбурге. Опера — космополитична. А кино… Оно в России. У меня много русских проектов. Но о ближайших я пока говорить не хочу — узнаете из прессы.

— Но мы и есть пресса!

— Ну, я пока не готов.
О пользе и вреде критики…

— А как брат, отец относятся к вашей работе постановщика? Нравится — не нравится?

— Брату, я думаю, не очень понятна моя работа. Вообще ведь сначала пригласили моего брата, в Ла-Скала — он отказался… Так что я в оперу попал случайно. Он отказался, и позвонили мне. Почему-то… Бред. Почему надо звонить мне? Я согласился. Я, в общем, работал там, где брат отказывался. Так что, я думаю, он относится к моей работе с недоумением — ему это, наверное, не близко. А папе всегда нравится все, что мы делаем. Он все любит. Это ему полагается по должности.

— Жене тоже полагается любить?

— Жена считает, что я гений, можете у нее спросить. (В этом месте жена согласно кивает и подтверждает: «Гений, гений!» — А. Б.)

— Андрей Сергеевич, в прессе появляются критические статьи, их много… Вот, например, в итальянских газетах я читала совершенно нелицеприятные отзывы о вашей постановке. Как Вы реагируете на это? Спокойно?

— Спокойно трудно относиться — всегда хочется в морду дать. Это естественно. Но они же для этого и существуют. В моей книге есть такая глава под названием: «О пользе интеллектуального онанизма». Это французское выражение, по-русски как-то непривычно звучит. В переводе — «размышление, которое не дает результата». Чехова страшно критиковали, у него даже был нервный припадок после премьеры «Чайки»… Рахманинов после критических статей три года не мог писать, но Рахманинов остался, а критика, которая его разрушала — где она? Люди использовали эту бумагу по назначению — например, завернули в нее селедку… Очевидно, что критика недолговечна, как… как слепень на крупе быка, который работает. Когда я писал это в книге, я понимал, что наношу удар ниже пояса. Критики ответили на это ледяным молчанием.

О секретах доктора Поллинга

— Легко ли Вам жить в атмосфере той публичности, которую Вы сами и создали своими выступлениями, откровенными книгами.

— Мне нравится публичность. Я могу говорить какие-то вещи, которым верят, и мне бы хотелось, чтобы мне верили и меня слушали. Мне есть, что сказать. Помимо кино, оперы.

— Вас, наверное, часто спрашивают о рекламе?

— Да. Говорят: «Ну, зачем ты снялся?». Очень просто. Во-первых, для денег. Но не только. Я верю в то, что там говорю. Действительно, принимаю эти препараты 25 лет. Витамины лет 30. Конечно, это удовольствие только для богатых людей. Но я считаю, что обязан убедить всех в том, что нужно думать о здоровье. Когда-то физический труд был естественным состоянием человека. Было здоровое питание, мало сахара… Наш организм остался прежним, а условия изменились. Мы действительно получаем недостаточное количество элементов, очищающих кровь. Эти препараты не сделают вас абсолютно здоровыми, но… и автомобиль же обязательно сломается когда-нибудь… Нужно за ним ухаживать и отдалить этот процесс. С

человеком то же самое. Если принимать витамины (вы бы знали, сколько я всего принимаю!), пропотеть раз в день, пить много очищенной воды — хотя бы два литра в день… — можно отсрочить, отдалить болезнь.

О деньгах и творчестве

— Как вы относитесь к авторскому кино?

— Я не снимаю авторское кино. Знаете, многие считают, что духовность — это отрешение от материальных благ. Но втайне — хотят этих благ. Стесняются. Когда-то мой прадедушка художник Суриков сказал художнику Нестерову, который писал святых и получал большие деньги. «Вы на небо-то поглядываете. А по земле-то пошариваете…» Думаю, надо делать и то, и другое. Нужно стараться продавать свой труд по самой дорогой цене. Так вот, о кино. Если я занимаю деньги на кино — их же нужно отдать. Для этого необходимо, чтобы зрители заплатили за билет. Я отношусь к этому очень ответственно. У нас же, в России, поразительное отношение к деньгам. «Сколько Вы хотите за это?» «А сколько дадите…» Хочу вот книжку написать под названием «Душа и деньги». Разобраться в том, бывают ли деньги чистыми, попробовать понять, почему в богатой России люди так бедно живут.

— А книги писать вы любите? Сам этот процесс.

— Терпеть не могу! Я же не писатель совсем. Я — «говоритель». Я редко пишу. Говорю, записываю, правлю, а потом понимаю, что все плохо, и сажусь переписывать. Это не литература, а поток сознания. Вот статьи пишу с удовольствием.

— Что вы любите читать?

— Я ищу мысли, которые соответствуют моим. Подтверждение моим мыслям. Я имею в виду только социологические, философские работы. Художественная литература меня очень мало интересует. Только научное подтверждение моих мыслей.

— Довольно странно для человека, который живет в искусстве.

— Я занимаюсь другим делом. «История Франции» или «История древнего Рима» Гиббона дает мне гораздо больше, чем

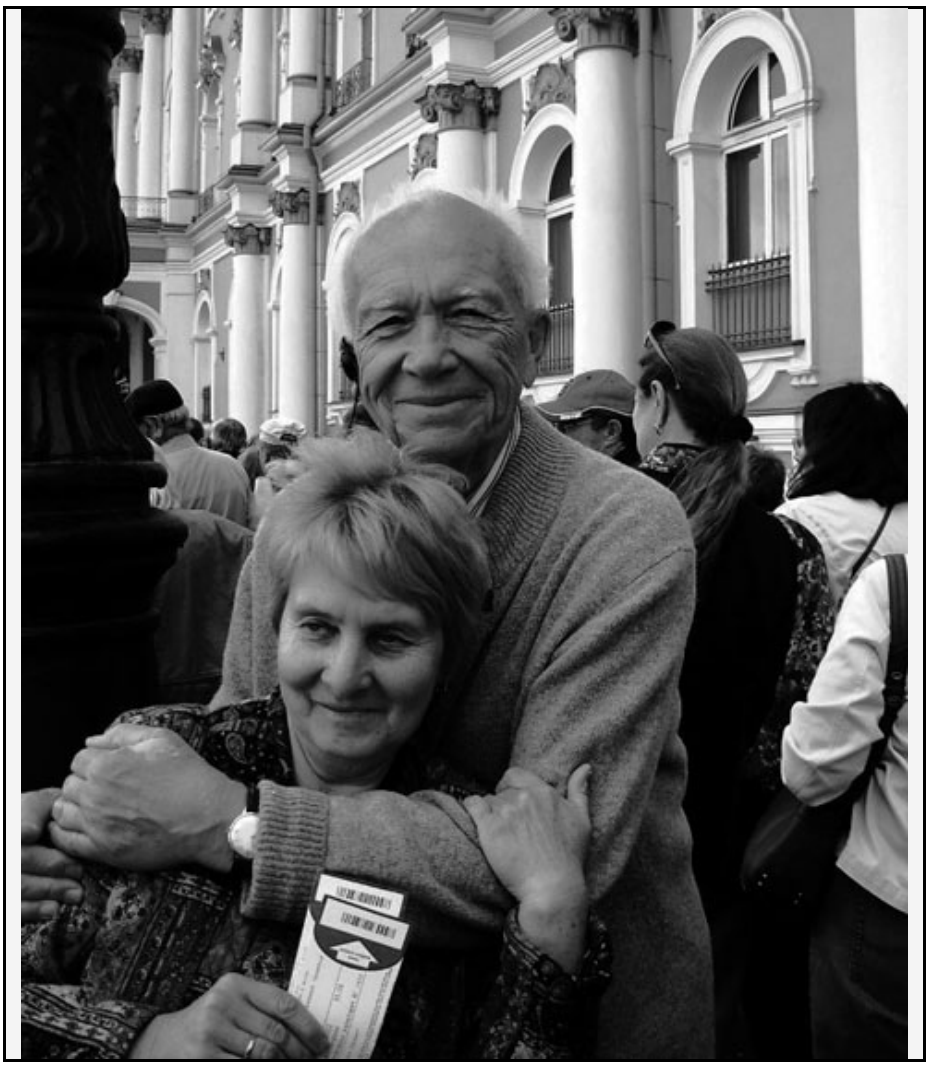
художественная литература…

Как-то Кончаловский сказал, что опорой в жизни для него является любовь к себе и вера в себя. Если это так — нашему герою ничто не грозит. Он прочно стоит на этой земле.

2001

Сергей Хрущев: «Мой отец хотел потрогать Рокфеллера»

Единственный сын Никиты Хрущева Сергей Хрущев, почетный профессор университета Брауна в США, сегодня занимается в основном тем, чем занимался его папа, — холодной войной. С той разницей, что сын ею увлечен в научном плане — как историей. Вот уже второй десяток лет проживающий в США Сергей Никитович недавно представил на суд читателей свою новую книгу — «Никита Хрущев и создание Супердержавы».



Сергею было 20 лет, когда отец пришел к власти. Он учился, потом работал инженером, впоследствии стал директором института, занимался ракетостроением и кибернетикой. Много путешествовал с отцом и был, как правило, молчаливым свидетелем исторических событий в России и в мире. Мы встретились в Иллинойском университете, где он представлял свою книгу.

— Вам не кажется, что времена холодной войны могут вернуться? К примеру, агрессивные интонации в прессе порой напоминают о старых временах.

— Не думаю. Что такое холодная война? Она велась двумя идеологиями, которые больше не существуют. Ведь тогда нужно было мир поделить. А сегодня у России бюджет не тот. Холодная война была странным временем перехода от войны к пониманию того, как жить не воюя. Когда я приехал в США в 1991 году, я понял — да, мы были разными цивилизациями и совершенно не понимали друг друга. Но… как близки мы были идейно. У нас был страх друг перед другом, но не было желания начать войну.

В начале XX века Россия была слабой страной. Мы окрепли, выросли в супердержаву. И до самой смерти Сталина жили в страхе, что Америка начнет войну, — это был синдром первых немецких атак 41-го года. Как Перл-Харбор для американцев. Я знаю людей, которые жизнь положили, ожидая американского вторжения с Аляски. Туполев в свое время честно сказал Сталину, что не сможет построить ракету, которая долетит до Америки и не будет перехвачена. Но нашелся человек, который сказал: «А я смогу». И работы начались, деньги пошли… Сталин умер. А отцу сообщили, что ракета сможет достичь Америки.

— Отец никогда не думал, что война возможна?

— Отец искренне считал, что у нас скоро настанет замечательная жизнь, гораздо лучше, чем в США. И тогда зачем воевать? Он хотел вкладывать деньги в экономику, сельское хозяйство. Какая там война, когда экономика России составляла 1/3 американской… Да и отношения со Штатами мы начали строить как раз в 60-е годы. Мы, наконец, увидели друг друга. Те же лица, те же глаза… Отцу, помню, представили Рокфеллера, и он был просто поражен. Все говорил: «Надо же, выглядит совсем как мы!». И даже захотел его потрогать.

— Они с Эйзенхауэром хорошо понимали друг друга?

— Абсолютно! Оба даже слышать не могли о войне. И все время обсуждали, как вести себя с военными, которые что в СССР, что в США все время просили денег.

Что такое пропаганда

— Вам приходилось много ездить с отцом. Никогда не хотелось его поправить, как-то повлиять?

— Мне было 20 лет тогда… Все-таки разница в возрасте. На людях я никогда не возражал отцу, а вот потом мы много гуляли и беседовали.

— Он был строг?

— Да нет, он был очень мягким человеком, любил людей, но, знаете, когда занимаешь такой пост, не всегда нравится, когда тебе возражают. Иногда спорили до хрипоты. О Лысенко, например. Я пытался доказать, что генетика существует, а он был убежден, что его советники лучше знают, что ее быть не может. Он меня тогда чуть из дому не выгнал.

— Но ведь сколько курьезов нам известно! Например, в гостях у премьер-министра Великобритании он, стоя у камина и беседуя с женой премьера, сказал (вы сами рассказывали на лекции): «А вы знаете, сколько ракет нужно, чтобы разнести весь ваш остров? Не знаете? А я знаю… И мы можем это сделать!»

— Ну, я тогда понял, что это тоже такой прием дипломатии. И кстати, этот разговор потом сыграл свою роль.

— А знаменитая история с ботинком в ООН?

— Знаете, что самое интересное? Вот я вам сейчас объясню, что такое пропаганда. Вы видели своими глазами, как Хрущев стучал ботинком по столу в ООН? Нет? И никто не видел. Потому что этого не было. Я вам могу рассказать, что было. Идет рутинное совещание. В какой-то момент журналисты окружили отца, и кто-то наступил ему на ногу. Ботинок слетел. А он же был полным человеком и нагибаться не стал. Ботинок поставил рядом, на стол. И в какой-то момент захотел вмешаться в обсуждение. Начал махать этим ботинком, привлекая внимание. Вот и все. Но что интересно: мой лондонский издатель попросил найти этот исторический ботинок, я нашел пару, в которой он

уезжал тогда в США, и отдал. И потом вдруг выяснилось, что это не тот ботинок. На снимке другой. Оказывается, в Нью-Йорке тогда было жарко, и ему купили какие-то сандалии, американские, наверное. Вот в них он и был.

— И где они сейчас?

— Сгнили. Сын в них копался во дворе дома, ну и где-то они в земле…

Возвращаясь к ленинским заветам?

— Как складывался ваш американский путь?

— С какого-то момента мне стало интересно то, что происходит в стране и в мире. Взял отпуск в институте и написал книгу «Пенсионер союзного значения». И меня пригласили на конференцию в Гарвард. Шел 89-й год, и КГБ не желал меня выпускать даже на неделю. Через Горбачева все же удалось выехать. И я после этого получил приглашение от института Кеннеди в качестве почетного «fellow». А я тогда английского не знал, полез в словарь и увидел, что fellow — это приятель. Ничего не понял, конечно. И уже потом, когда приехал, увидел, что уже готова квартира, офис, зарплата. Там я работал в течение семестра. Я не собирался жить в США. Но дела нашего министерства развалились, и я остался.

— Возвращаясь к вашим воспоминаниям об отце… Какой период кажется вам наиболее интересным?

— Знаете, он был увлекающимся человеком, и каждый период был ему интересен. Вот, например, децентрализация. Он начал готовить эту реформу, и если бы она удалась, у нас рыночные отношения появились бы значительно раньше. Мне обычно говорят на это: «Нет, он не смог бы на это пойти» Не уверен. Да, он был убежденным коммунистом, но мог бы, скажем, заявить: «Возвращаемся к ленинским заветам». И все в порядке. Ведь он активно искал, думал, что делать. Лазил, например, в шахты в Югославии, все пытался понять, что это за демократический социализм такой. Ведь он и партийное руководство пытался превратить в современных менеджеров.

— Но менять систему он бы не стал.

— Ну что такое система? Ведь дело не в названии, дело в том, что система должна работать лучше. Трудно домысливать

несостоявшуюся реформу, но, может быть, в 70-е мы бы с нашей нефтью и экономической реформой обогнали бы Америку?

— История не терпит сослагательного наклонения.

— Да, это верно.

2002

Сергей Хрущев: «Что бы Израилю ни говорили, он будет действовать по-своему»

После Дня поминовения павших солдат Израиля и жертв террора в стране отмечают Йом ха-Ацмаут — День независимости Израиля, день, когда была подписана Декларация независимости, в которой были сформулированы основные принципы существования еврейского государства. О будущем Израиля мы решили побеседовать с уважаемым экспертом, первую половину жизни прожившим в СССР, вторую в США, — с сыном Никиты Сергеевича Хрущёва, Сергеем Никитичем.

Впервые я встретилась с ним в 2002 году. Дело происходило в Америке, в Иллинойском университете, куда он приехал читать лекцию. Его выступление было живым, непосредственным, и речь сына бывшего первого секретаря ЦК КПСС ничуть не портил английский с сильным русским акцентом. Но это неудивительно — язык Хрущёв выучил довольно поздно. Тогда он рассказал мне об отце, о своих путешествиях с ним и о книге, которую он тогда готовил в память об отце.

Интересно, что с 1991 года Сергей Никитич, в прошлом разработчик проектов крылатых и баллистических ракет, доктор технических наук, участвовавший в создании ракеты-носителя «Протон», увлёкся совсем другим делом. Он начал заниматься тем, в чём непосредственно участвовал его отец, — темой холодной войны. С той разницей, что сын увлечён ею в научном плане — как историк. В этом статусе он был приглашён в университет Брауна и остался в США. Живёт в городе Провиденс, штат Род-Айленд, имеет российское и американское гражданства.

Сейчас Сергей Никитич ушёл в отставку из университета Брауна, где много лет был почётным профессором, но всё равно продолжает преподавать. Недавно выпустил трилогию о Хрущёве, добавив к прежним работам новую книгу — о реформах отца.

А мы говорили с ним об отношениях Израиля с двумя великими державами — Америкой и Россией (как известно, первой страной, признавшей Израиль, была Америка, а второй — СССР).

Геополитика диктует

— Сергей Никитич, история отношений Советского Союза и Израиля отнюдь не была безоблачной. Каким было отношение вашего отца к Израилю? Как в своё время Никита Сергеевич прореагировал на Суэцкий кризис?

— Ну, что касается эмоционального отношения к этой стране, то оно было положительным — отец считал, что Израиль имеет право на существование, как и любое другое государство. Он не раз и очень тепло вспоминал о своих встречах с Голдой Меир. Она тогда была послом в Москве.

Но в политике всё определяют не эмоции, а национальные интересы. Вы помните знаменитое высказывание британского премьер-министра Бена Дизраэли, что «у Британской империи нет ни друзей, ни врагов — её политику определяют национальные интересы». И сейчас любой успешный политик руководствуется этим нехитрым правилом.

Вы помните, конечно, что Советский Союз был единственной страной, которая помогла в создании Израиля. В 1947 году, когда Израиль переживал первую войну за независимость, ни США, ни Британия ничем не помогали ему. А махровый антисемит Сталин, вопреки резолюции ООН, решил тайно поставить израильтянам оружие — в том числе передал им шесть самолётов-истребителей «Харрикейн» английского производства, поставлявшихся Советскому Союзу во время Второй мировой войны. Когда они появились в небе над Израилем, арабов охватила паника. В итоге они сбили четыре самолёта, но не знали, что у израильтян осталось всего лишь два таких же, и согласились на прекращение

огня. Так Сталин помог им победить в той войне.

Почему он поддержал Тель-Авив? Сталин считал, что появление государства Израиль на карте Ближнего Востока надолго рассорит США с арабами, чего он и добивался. А вот госсекретарь США и англичане, по тем же соображениям, противились этому и в итоге добились принятия Советом Безопасности ООН резолюции, накладывавшей эмбарго на поставку оружия обеим сторонам. Но у арабов его было в избытке, а у израильтян не было ни танков, ни даже автоматов. Хотя в душе англосаксы, возможно, сочувствовали евреям, а не арабам. Это и есть геополитика.

То же самое происходило и в 1952 году, когда начались освободительные революции в арабском мире. Свергнувшие своего короля египтяне сначала обратились за помощью к США — просили деньги на строительство Асуанской плотины. Американцы сначала согласились, но после национализации Суэцкого канала, что шло вразрез с интересами их союзников по НАТО, Америка поддержала колониальные Великобританию и Францию, отказав Каиру в кредите.

Тогда египтяне, после долгих колебаний, в 1955 году обратились к СССР. И Хрущёв решил их просьбу удовлетворить, поставив на арабские страны. Израиль уже был ключевым союзником США на Ближнем Востоке, и для Советского Союза интереса не представлял — ведь Москве нельзя было склонить его на свою сторону. Конечно, Тель-Авив не был противником Москвы, но уж никак и не дружеской страной. Отношения, конечно, поддерживались, но ни Израиль ничего не просил у СССР, ни Союз не рассчитывал на их дружескую поддержку, если что-нибудь случится.

С другой стороны, Хрущёв всегда был против вторжения в Израиль. Я был свидетелем многократных разговоров с президентом Египта Насером — тот был настроен агрессивно в отношении Тель-Авива. Хрущёв же его убеждал — нападая на Израиль, они ничего не решат. Это неправильно и противоречит интересам самих арабов. Он считал, что нужно не воевать с Израилем, а исходить из сложившихся реалий: признать государство Израиль в сложившихся на то время границах, обменяться посольствами и заняться своей экономикой, улучшать жизнь своих людей, строить процветающий Египет.

Но, как мы знаем, державы, даже маленькие, исходят из своего понимания своих интересов, проводят свою политику, часто не совпадающую с политикой сверхдержав. Насер слушал Хрущёва, благодарил за помощь, распинался в вечной дружбе, но делал то, что сам считал нужным. Так же, кстати, ведёт себя

Израиль сегодня и по отношению к США. Таковы азы геополитики.

— Отношения СССР с Израилем окончательно разорвал Брежнев… Если бы Хрущёв оставался у власти, могло ли всё сложиться иначе?

— Трудно сказать, расторг бы Хрущёв отношения после Шестидневной войны или нет, но он сделал бы всё, чтобы её предотвратить. Правда, его влияние на Израиль не распространялось. И тогда, и сейчас Тель-Авив стоял на проамериканских позициях, и у Советского Союза не было выбора — он в любом случае поддержал бы противоположную сторону. Можно было демонстративно расторгнуть дипломатические отношения или не расторгать, это не так важно.

— А личное его отношение к Израилю вы знали?

— Никакого личного антисемитизма у Хрущёва, как и у всей нашей семьи, никогда не было. А как политик, я повторю, он считал, что Израиль имеет право на существование — так же, как и любая страна в мире.

Нужно договариваться

— Учитывая сегодняшнюю геополитическую ситуацию, как вы думаете, возможен ли сегодня мирный договор между арабскими странами и Израилем?

— Я думаю, что мирные переговоры всегда возможны, они необходимы обеим сторонам, и переговоры с арабами — единственный способ, который позволит Израилю выжить в исторической перспективе. Если Америка перестанет быть сверхдержавой и ведущие позиции в мире перейдут к другой стране (например, к Китаю или Евросоюзу), менее привязанной к Израилю, положение станет очень тяжёлым. Израиль выиграл две войны, но не заключил мира с арабами, что чревато осложнениями. Это очень шаткая ситуация. Нужно договариваться. Всякие переговоры — тяжёлый процесс, и в его ходе, как в любой торговле, нельзя получить максимум того, что хочешь. Но в том, чтобы, в конечном счёте выторговать побольше выгод своей стране, и есть искусство дипломатии…

Концепция американского президента Буша-младшего «Мы всё можем решить силой» себя не оправдала. Америка больше десяти лет воюет и ничего, кроме неприятностей и запредельных

долгов, не добилась — ни в Ираке, ни в Афганистане, ни в Сирии, ни в Ливане. Для того чтобы закрепить за собой завоёванные позиции, необходимо, чтобы их признала и другая сторона. А для этого, кроме переговоров, ничего другого человечество не придумало.

— Считаете ли вы в этой связи, что создание Палестинского государства неизбежно?

— Ну, вы знаете, это их вопрос. Здесь очень много внутренних нюансов, и логика человека нейтрального, пусть и дружественно настроенного, не работает. Если говорить о долговременных последствиях, о стабильности в исторической перспективе, то самое правильное было бы создать единое демократическое государство евреев и палестинцев, в котором бы работали «переменные» выборы: сегодня выбирают президентом или премьером — еврея, завтра — палестинца.

Как в США: сегодня президент — демократ, а завтра — республиканец. Друг друга они не любят, порой ненавидят, но тут уж ничего не поделаешь. К сожалению, в нынешних условиях это, конечно, чистой воды маниловщина. Национально-религиозные силы настолько непримиримы, что никакие цивилизованные отношения внутри единого государства в ближайшее время не просматриваются.

А создание двух государств — это некий паллиатив, выход на какое-то время из тупика. Он разрядит обстановку. Если нет у народа государственного образования, то во всех своих бедах он винит внешние, привнесённые обстоятельства. Им кажется, что стоит их устранить — и сразу наступит благоденствие. У палестинцев, конечно, нет силы разгромить Израиль, и, слава богу, но неопределённость будет подпитывать различные движения, жаждущие реванша, которые в Израиле называют террористическими. Они будут вести свою войну против Израиля, а эта война будет подкреплять в самом Израиле крайние силы, которые выживают за счёт того, что направлены якобы на защиту от внешней угрозы и не решают внутренних проблем Израиля. И так — без конца и без какой-либо перспективы.

Вот посмотрите: как только возникает внутренняя проблема (а в Израиле, как и везде, проблем много — зарплаты, пенсии, жильё и так далее), так вдруг власть имущие затевают то войну с Ливаном, то бомбардировки Сирии, то ещё что-то… За поводом дело не встанет, ведь на другой стороне такие же заинтересованные в нагнетании напряжённости экстремисты — то ракетой пульнут, то ещё что похлеще учудят. И — пошла

писать губерния… Всё это помогает доморощенным «ястребам» держаться у власти. Так всегда было. Военно-промышленные комплексы Америки и Советского Союза в холодной войне действовали в унисон — кивали на противоположную сторону и требовали ещё больших вложений в оборону.

Поддержание общества в состоянии неуверенности контрпродуктивно для обеих сторон. Появится Палестинское государство в признанных обеими сторонами границах — либо 1967 года, либо в других (это зависит от переговоров) — и палестинцы переключат своё внимание с Израиля на своё собственное правительство, на решение внутренних проблем, потребуют от власти не воевать с Израилем, а улучшать их жизнь. И в Израиле сменятся приоритеты — следовательно, на смену политическим элитам обеих стран придут другие люди с другими приоритетами. А такой поворот событий придётся не по душе многим нынешним политикам и в Израиле, и в Палестине, они «сообща» будут всеми силами сопротивляться.

Похоже обстояли дела после 1945 года и в Германии. В течение многих лет там всех будоражили проблемы переселенцев из Восточной Пруссии и Западной Польши. Они, как и палестинцы, жили в лагерях беженцев, и из этих лагерей требовали возвращения в Польшу, Восточную Пруссию, вовсю нагнетали напряжённость. Пока правительство Германии не признало статус-кво — тогда все переселенцы рассеялись. Стало понятно, что вот наша страна, они должны жить в её границах. Так же произойдёт и с палестинцами, живущими в лагерях беженцев, они перестанут призывать отвоевать «их» земли у Израиля, а потребуют у своего правительства обустроить их жизнь внутри их Палестинского государства. Конечно, всегда найдутся экстремисты, которые будут требовать что-то ещё и ещё — всё, что им в голову придёт. Но большинство нормальных людей предпочтут перестроиться на нормальную жизнь. Да, мы там жили, но теперь надо не палками размахивать, не ракеты запускать, а поднимать свою экономику. Я думаю, что образование государства Палестина пойдёт на пользу обеим сторонам.

— А какова, на ваш взгляд, роль Америки и президента Обамы в этом процессе?

— Каждая страна исходит из своих собственных позиций, и у Америки понимание собственных интересов раздваивается. С одной стороны, Америка заинтересована в установлении мира на Ближнем Востоке, причём путём переговоров. С другой стороны

— существует еврейское лобби в США (это слово в Израиле не любят), и оно сильно здесь, его нельзя не учитывать в ходе выборов, а это — один из главных мотивов американской политики. Если американский президент потеряет поддержку еврейского лобби, то его просто не выберут. Поэтому США вынуждены маневрировать между геополитикой и выборами. И Обама маневрирует.

— А новая администрация США после Обамы будет так же маневрировать?

— Естественно, при любой администрации будет то же самое. А куда денешься? Один президент, стремясь ублажить еврейское лобби и гарантировать себе переизбрание, будет следовать в кильватере израильских политиков. Другой, вроде Обамы, может попытаться продвигать на Ближнем Востоке ещё и американские интересы — в очень ограниченных рамках, конечно. Но всё это детали. Смысл же остаётся неизменным.

— Может быть, интересы России и Америки когда-нибудь сойдутся в точке Ближнего Востока?

— Конечно, и та и другая страна заинтересованы в том, чтобы экстремизм заменялся прагматизмом, чтобы минимизировать там конфликты. Тут есть о чём договариваться… В Америке доминирует определённый примитивизм — упрощенчество в оценках: им кажется, что если они где-то поддержат оппозицию существующему «плохому», авторитарному режиму, то она обязательно состоит из хороших людей. На этом Америка много раз обжигалась — в Ираке, в Ливии, в Сирии и сейчас на Украине. Нет сомнения, что Янукович — мерзавец, но это совсем не значит, что на Майдане были одни демократы. Опять же давайте вспомним — кто составляет ядро оппозиции Асаду в Сирии? Поневоле задумываешься — кто из них хуже?

Воля и труд человека

— То есть советы со стороны для Израиля не являются определяющими?

— Что бы сегодня Израилю ни говорили в Вашингтоне, он всё равно будет действовать по-своему, а не так, как скажет Дядя Сэм. Мало ли кому не нравится его политика. Есть в Израиле политики более симпатичные мне, менее симпатичные — но, в конечном счете, это не моё дело.

— Вы часто бывали в Израиле?

— Я был в Израиле трижды. По-моему, это чудесная страна, miracle на Среднем Востоке… Как говорил Некрасов: «Воля и труд человека дивные дива творят…» В маленькой стране куча своих проблем, но есть и свои преимущества. Навести порядок в такой стране, как Россия или Америка, гораздо сложнее…

— Не могу не спросить вас о том, чем вы сейчас занимаетесь, преподаёте ли по-прежнему в Браунском университете?

— Я год назад ушёл в отставку, но всё ещё преподаю, пишу, выступаю, занят по горло. В 2010 году опубликовал в Москве «Трилогию об отце», в которую, в дополнение к существенно переработанным предыдущим — «Рождению Сверхдержавы» и «Пенсионеру Союзного значения», — вошла новая книга «Реформатор». В ней я сосредоточился на внутренней политике. Получилось, на мой взгляд, интересно и поучительно. На сём считаю свою миссию выполненной.

Меня интересовал «мой» период — та история, которая творилась на наших глазах. Сегодняшняя Россия меня, конечно, тоже волнует, но писать и давать советы Владимиру Путину я не стану.

В этом году, когда исполнилось 120 лет со дня рождения Никиты Сергеевича, мы хотим переиздать трёхтомник его мемуаров в России. Я сейчас занимаюсь примечаниями, встал вот только что из-за стола… Что получится — пока неясно, нужны деньги на его издание. В частной жизни общаюсь с друзьями — то за столом посидим, то в бане обсуждаем мировую политику, с женой много гуляем, грибы собираем. Я жизнью своей в целом доволен…

2014

На границе Сдерота все неспокойно

В 2013 году я приехала в Израиль. А потом случилась война…

Мы едем в город Сдерот, на границу с сектором Газа. Военные корреспонденты Израиля там прописались — российских, украинских, грузинских и прочих русскоязычных журналистов возят, согласуя визиты с Армией Обороны Израиля. Командует представитель пресс-службы армии капитан Анна Уколова — бодрая девушка, объясняющая, как именно назвать по-русски военную операцию и что есть военная тайна, а что — нет.

Сдерот — город на юге Израиля — известен всей стране и не только. Обстреливают его хронически. То есть не только во время военных обострений, когда из сектора посылают по 130 ракет в день, но и в другие, спокойные для страны времена. Здесь стреляют, по крайней мере, еженедельно вот уже 14 лет.

Жарко, пыльно, трудно себе представить, как солдаты во всей амуниции воюют при температуре 35 градусов. Мы лезем на холм, с которого открывается вид на Газу. Вдали поднимаются клубы то ли пыли, то ли дыма, слышится шут взрыва. Нам объясняют — только что пущена ракета в сторону Тель-Авива, мы ловим тающий след ракеты в небе. Половина нашей группы хватается за телефоны — позвонить близким и друзьям, узнать все ли в порядке. Ракета перехвачена батареей «Железный купол».

Город с невысокими домами и пыльными улицами практически вымер — люди на работе, дети сидят дома. В каждой квартире есть «мамад» — комната с железобетонными стенами,

исполняющая функции бомбоубежища. Убежища — железные коробки — стоят и на автобусных остановках. В случае тревоги надо заскочить туда, закрыться на два засова и ждать взрыва.

Но город все равно живет. Нам с гордостью показывают большой бункер — он же детская площадка. Бомбоубежище для детей построено на многочисленные пожертвования городу. Дети играют в этом помещении без окон, а увидев меня, начинают охотно рассказывать, как прячутся дома, когда звучит предупреждение — «Цева адом» (красный цвет). Бежать надо быстро — 15 секунд, и звучит взрыв.

Ракета разорвалась три дня назад прямо в доме семьи Синай. Мы зашли туда — небольшой домик, где мирно живет семья выходцев из Молдавии — молодая пара с грудным ребенком, родители, сестра и брат. Утром ракета влетела в салон дома (кухня, совмещенная с гостиной). Семья, к счастью выжила, спрятавшись в убежище с 40-сантиметровыми стенами из железобетона.

— Убежище появилось у нас 3 года назад, — рассказывает хозяин дома Ади. — И это спасло нам жизнь. Ничего, нам помогут с ремонтом. Я родился здесь в Сдероте и никуда отсюда не уеду. Здесь наш дом.

В стене дома — зияющая дыра от ракеты.

…А потом мы едем в полицию, где во дворе хранятся упавшие на Сдерот ракеты. Ржавые, развороченные «касамы» и длинные с фабричным клеймом «грады». ПО данным израильской разведки на момент начала военной операции в арсенале ХАМАСа было 9 000 ракет, две трети уже уничтожены. Но кое-что еще осталось, так что ракеты летят. И во время боевых действий, и в тихие часы перемирий, которые устраивают, чтобы вывезти из Газы раненых и похоронить погибших…

…В тот день в Сдероте стреляли. На дороге мы выскакиваем из остановившегося автобуса и ложимся, прикрывая голову руками — выполняем указания службы тыла. Указания таковы: нет вблизи бомбоубежища — выходи на лестницу. А на улице беги в дом или, если не успеть — ложись на землю. Из автомобиля или автобуса тоже надо бежать — они могут взорваться при попадании ракеты.

Лежу в белых брюках в пыли на краю дороги и почему-то думаю о Невском проспекте. О том месте, где висит знакомая с детства табличка «Эта сторона улицы наиболее опасна…» «Бывают странные сближенья», — писал Пушкин. Хочется скорее встать и ехать дальше, но лежать надо по правилам минут 10. Сверху могут упасть обломки сбитой ракеты — мой знакомый, например известный адвокат, обнаружил большой кусок ракеты у

себя в саду, прямо на столе под деревом.

…В Сдероте полуденная тишина была нарушена в этот день приездом делегации Совета Федерации РФ во главе с сенатором Михаилом Маргеловым, председателем комитета по международным делам. Высоким гостям здесь не удивились — кто только не посещал Сдерот — главы стран и всемирных организаций. А в это время под ракетами выросло уже целое поколение.

Спускаемся в командный бункер, где мэр Сдерота Алон Давиди пытается объяснить гостям, в чем проблема и каково стране в целом и городу в частности жить под обстрелами. Его поддерживает Зеэв Элькин, председатель комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне, который устало рассказывает: «Здесь растут дети, которые не знают другой реальности… Ни одна страна в мире не готова была бы мириться с таким положением. Мы не ищем конфликта, мы защищаем себя… Солдаты жертвуют своими жизнями, а террористы удерживают своих сограждан в местах, где идут бои… Это огромная разница…» Представители российской делегации слушают, выражают поддержку. Маргелов восхищается мужеством жителей Сдерота, говорит, что на него это производит большое впечатление. А журналисты спрашивают, почему же тогда МИД России упрекает Израиль в непропорциональном применении силы? «Мы разбираемся в ситуации», — отвечают российские сенаторы.

Израильские журналисты настроены скептически — пока мировое сообщество разбирается в ситуации и требует от Израиля пропорционального ответа — то есть, грубо говоря, равных жертв, террористы не прекращают стрелять, а армия Израиля планомерно уничтожает в Газе инфраструктуру террора. Найден целый подземный город — туннели, ведущие из Газы в Израиль, склады ракет на территории вполне мирных школ и больниц.

ХАМАС торгуется, не принимая план перемирия, предложенный Египтом. У ХАМАСа нет никакой поддержки среди мусульманских стран, кроме Катара и Турции. ХАМАС готовит теракты. И самое главное — не бережет мирных граждан — ни чужих, ни своих. Не строит убежищ, удерживает население под огнем, готовит шахидов из женщин и детей. Но, кажется, в мире мало, кто понимает всю сложность проблемы. Фотографии жертв из Газы перекрывают доводы израильской стороны.

…Мы возвращаемся на границу. Смотрим в сторону электростанции, куда почему-то все время целятся боевики, лишая районы Газы электричества. Израиль по-прежнему снабжает сектор и газом, и электричеством, и медикаментами, и

стройматериалами, из которых потом в Газе строят смертоносные туннели. Абсурдность ситуации поражает воображение. Израиль развернул полевой госпиталь на границе для помощи жителям, но он был обстрелян боевиками.

Что это? Отчаяние самоубийцы? Или речь идет о другой цивилизации, где жизнь человека не стоит ни гроша. Только земля, только деньги, только победа над неверными. Если победит Израиль — будет мир. Если победит ХАМАС — не будет Израиля. Арифметика вполне простая.

И вот город Сдерот, где дети живут в бомбоубежищах, ждет решения проблемы. Не все зависит от Израиля. Чем он активнее, тем сильнее сопротивление мировых лидеров.

…Я еду в обстреливаемый Ашкелон — соседний приморский город. Только что нас с двумя бойцами подобрал таксист — их он везет, конечно, бесплатно, так сейчас относятся в стране к солдатам. Кормят, одевают, заваливают подарками. Только защитите, только спасите. Солдаты — совершеннейшие дети. Гибнут 20-летние ребята. Их хоронит вся страна, но жертв с обеих сторон все больше.

Курортный приморский Ашкелон замер. Самые бесстрашные купаются и загорают, но их мало, остальные сидят по домам. Прогорают кафе, опустели гостиницы и магазины.

— Почему ты не бежишь в убежище? — спрашиваю своего 80-летнего дядю, ашкелонца.

— А смысл? — под звуки сирены он вытягивается на диване и замирает.

Но ведь так нельзя. Мирные граждане в 21 веке не должны покорно ждать ракету, запущенную рукой бандита или фанатика, да кого угодно… С этим надо что-то делать.

2014

В шесть часов вечера после войны…

Израиль — маленькая страна. Как писал израильский литератор Эфраим Кешон: «— Сегодня я путешествовал по стране. — А что ты делал во второй половине дня?»

И, тем не менее, мы с подругой никак не могли встретиться. Она живет на севере, я — в центре страны. Договорились «в 6 часов вечера после войны». Но война, вернее долгая военная операция, никак не кончалась. И все же выдался один субботний день посреди двух ее этапов. Наземная операция в секторе Газа закончилась, второй раунд обстрелов еще не начался, между ними — временное перемирие. Израильтяне решили использовать его на полную катушку.

Никогда не думала, что посреди жаркого августа с температурой плюс 35 градусов найдется столько желающих покупаться в горячих источниках. Сотни машин на стоянке привели нас к мысли, что плавать в горячем супе из отдыхающих — то еще удовольствие. Отправились к морю.

Только что суровый палестинский лидер говорил, выступая на арабском канале (возможно, прямо из бункера), что Израиль деморализован, испуган, сидит в своих норах и не высовывается, потому что все ну очень боятся. Все это с привычными ораторскими завываниями. Наверное, эта мантра действует на

жителей сектора Газа, которые волне обоснованно боятся не только слово сказать, которое может оказаться последним, но и из дома выйти.

А вот израильтяне в этот день, действительно, забыли о войне, обстрелах, бомбоубежищах и угрозах в адрес злобных сионистов. Лежак и зонт мы нашли на пляже с большим трудом. Стихийное бедствие Израиля — дети — оккупировали каждый клочок тени. Дети в Израиле — это существа, которые сведут тебя с ума криками в автобусе и вызовут мигрень на пляже у всех присутствующих, кроме безмятежных родителей. Детям можно все, нам — взрослым — ничего. Только смотреть на этот «балаган» (любимое ивритское слово) и умиленно улыбаться.

Море смеялось. Оно смеялось над нами, решившими охладиться в этой горячей ванне, но с высокими волнами. Вместо криков чаек звучали окрики охрипших спасателей на всех языках, причем русский превалировал. Группы в полосатых купальниках норовили заплыть куда-то в сторону сектора Газа.

А на берегу все ели. Едят здесь много и вкусно. На пляж тащат походные холодильники, официанты сбиваются с ног, разнося айс-кафе.

Люди загорают, обсуждая некоторые части тела премьер-министра, которые, как выяснилось во время войны, не сделаны из железа. Это любимое развлечение пикейных жилетов, пляжных и диванных стратегов — обсуждать премьер-министра Израиля, который не хочет сравнять Газу с землей и решить таким образом проблему раз и навсегда. Особенно волнуется выходцы из России и Украины — нет никого правее их. Вот, например, толстяк с пивным животиком — он не понимает всех этих либеральных реверансов в сторону запада и призывает «дать уже армии победить». К сожалению, или к счастью, он не премьер-министр.

Чуть вдалеке — многочисленное арабское семейство. Много женщин в темных одеждах и детей. Играют, веселятся, купаются и прекрасно себя чувствуют в центре Израиля, в то время как их соотечественники готовятся к очередным залпам по «сионистам». И кому нужно это безумное противостояние? Вопрос из разряда вечных.

Рядом со мной лежит девушка с безупречным загаром, листает свой айфон. На экране — солдаты и солдатки, автоматы, палатки… Значит, пока все хорошо, она вернулась домой, теперь можно позагорать на пляже, а не в пустыне под палящим солнцем. Вскоре она отправится в свое первое путешествие — это традиция: поездить по миру после армии — что же касается службы, то воспоминания у девушек самые разные, но уклоняться никто не желает. А потом начнется новая война, и кто-то из их

парней — резервистов вновь встанет под ружье, вернее автомат. С удобной, связанной вручную, повязкой на рожке (сама видела у солдата в автобусе).

Но это потом. А сейчас — солнце, море, пляж.

…На следующий день Израиль вновь был обстрелян. Началась новая фаза военной операции. Значит, снова мы встретимся «в шесть часов вечера после войны». Или во время. Это уж как получится.

2014

Весеннее обострение

Весна в Израиле начинается где-то в феврале, а потом март быстро переходит в лето. Расцветают маки, анемоны и миндаль. Люди тщетно пытаются соответствовать погоде — в результате, ходят в зимних угах или шлепках на босу ногу. Особый шик для девушки — обтягивающая военная форма, длинные волосы по плечам и автомат на боку.

Эта весна совпала с выборами в Кнессет, поэтому весеннее обострение началось у всех — и избирателей, и электората.

— Биби, домой! — кричал мне эмоциональный таксист. — Здесь вам не Русия! — намекая на принцип сменяемости власти. Биньямину Нетаньягу достается сегодня за все — за жену Сару, которая якобы забирала деньги за сданную казенную стеклотару в резиденции премьера, за затяжную войну, высокие цены и яркое выступление в США. Потому что — выборы, и кругом всем видится сплошной пиар. Больше, чем Нетаньягу, достается лидеру «партии русскоязычных», бывшему министру иностранных дел Авигдору Либерману — его окружение обвинили в коррупции, а поскольку суд — дело долгое, то обвинять можно до

самых выборов.

Главы партий упражняются в русском языке, как могут, зазывая бывшую и нынешнюю алию.

Например, так: «Вместе. Положим Конец раздора. Кладем в урну». Смешно.

— А что, кто-то знает, что делать с арабами? — риторически вопрошает другой таксисит (это я таким образом иврит практикую, а заодно знакомлюсь с электоратом). — Никто не знает, а значит, пусть будет статус-кво. Я — за Биби!

Вообще все смешалось в маленьком государстве с большим военным потенциалом. Правые с ортодоксами, левые с правыми. Только бы выжить. Что ж, демократия в действии. Однако, как решить главные проблемы Израиля, похоже, не знает никто. А главные проблемы — вот они, на лицо.

Первая — отношения с «двоюродными братьями», то есть с израильскими арабами, с арабами палестинскими и с арабами окружающих Израиль стран. Эта проблема из разряда вечных, как вялотекущее заболевание с обострениями. Каждое из них уносит людей — погибают солдаты, офицеры и жители на мирных улицах, в домах и на остановках трамвая.

Вторая проблема — квартиры. Цены зашкаливают, молодежь не может их осилить и смотрит в сторону США и Канады.

Третью проблему Израиль еще не осознал, но уже пора. Это новая волна репатриантов, которая поднимается медленно, но верно. Французы бегут от антисимитизма, украинцы от войны, русские от атмосферы в в стране, и всем нужно учить язык, работать и где-то жить.

«Все — велкам!», — приглашает Нетаньягу бархатным голосом с красивыми модуляциями. Он сильный оратор, действительно. Но на «Welcome» нужны деньги. А еще больше они нужны на оружие, беспилотники и железный купол.

А вот не так давно два российских блогера зачем-то съездили в Тель-Авив на денек, нащелкали там трущоб и помоек, их там много, искать недолго. И выложили фотографии. Не заметили ни красивого Яффо и района Неве-Цедек, ни набережной, ни зеленых бульваров, ни музеев и театров. Зачем? Кто знает. Антиреклама в действии. Время сейчас такое, военное. Всех со всеми.

От грустных мыслей отвлек водитель тель-авивского автобуса: «У тебя нет миллиона шекелей до завтра? — буднично спросил он. — А до послезавтра?»

И затормозил так, что я чуть не вылетела из автобуса, за что он платил бы мне по суду до конца дней своих…

Это Израиль, детка.

Санкт-Петербург — Тель-Авив

2015

Об авторе

Алла Борисова-Линецкая родилась и училась в Ленинграде, а работала уже в Санкт-Петербурге.

Закончив Педагогический университет имени Герцена, сменила несколько профессий: была учителем, экскурсоводом и, наконец, пришла к газетной журналистике — тогда, когда журналистика переживала свой «золотой век» свободы. Работала в городских газетах, сотрудничала со многими федеральными и зарубежными изданиями, была редактором журналов и информационного агентства.

В течение многих лет вела свою колонку в газете «Известия-Санкт-Петербург», «Невское время» и блог на сайте «Эхо Москвы».

Стажировалась на факультете журналистики Иллинойского университета (США). Обладатель многих журналистских наград: премии «Золотое перо» (публицистический материал) 2010, премии «Сезам-2007»(за журнал Миг-17), премия правительства Санкт-Петербурга, премии литературного конкурса журнала ELLE и так далее.

В 2013 году репатриировалась в Израиль. Продолжает писать для России и Израиля. Ее наблюдения, колонки, эссе и интервью стали основой этой книги.

О книге Аллы Борисовой «Дневник горожанки»

Я полагаю, что отношусь к той группе читателей, на которых рассчитана эта книга… Всю свою сознательную жизнь я прожил в Советском Союзе и в России. В Израиль прибыл в более чем пожилом возрасте. Во мне жили еще чувства к бывшей родине: и нежность, и недоумение, и обида, и стыд. Эта книга показалась мне сосудом, наполненным витаминным напитком, который жадно поглощала моя душа.

Алла Борисова — известный питерский журналист и литератор. Она сотрудничала в ведущих газетах, журналах и сайтах. Ее материалы привлекали внимание искренностью и бескомпромиссной остротой. Оказывается, создавая свои очерки, колонки и интервью она одновременно сооружала интереснейшую книгу, которую достойно завершила здесь, в Израиле. Мастерство беллетриста позволило ей превратить каждый очерк в увлекательное произведение, как правило, снабженное новеллой. В результате мы получили что-то вроде портрета поколения, частично одуревшего от гигантского скачка из СОВКА в капитализм. Добавлю: в СОВКОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ…

Автор тактично избегает политического доктринерства, оставляя место для размышлений своим будущим читателям.

Таким образом, перед нами увлекательная книга художественной прозы.

Борис Штейн, член Российского Союза писателей,
член Союза писателей Израиля